

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
«ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ»

На правах рукописи

Мария Юрьевна Товкес

**ГЕНДЕРНЫЙ СТЕРЕОТИП КАК ФОРМАТ ЗНАНИЯ
(НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО ЯЗЫКА)**

Специальность 5.12.3. Междисциплинарные исследования языка
(филологические науки)

Диссертация
на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук, профессор
Татьяна Владимировна Романова

Нижний Новгород 2023

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	4
Глава I. МОДЕЛИРОВАНИЕ ГЕНДЕРНЫХ СТЕРЕОТИПОВ: КОГНИТИВНО-ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ПОДХОД	21
1.1. Моделирование как способ представления объекта и метод верификации знания в лингвистическом исследовании	21
1.1.1. Теоретические основания становления неклассических моделей лингвистического исследования.....	22
1.1.2. Когнитивная лингвистическая модель, ее характер и свойства.....	27
1.1.3. Классификация когнитивных лингвистических моделей.....	45
1.2. Социальные стереотипы в когнитивном аспекте. Когнитивные модели гендерных стереотипов.....	55
1.2.1. Концептуальные модели когнитивного исследования социальных стереотипов в языковой репрезентации.....	55
1.2.2. Содержательная организация социального стереотипа. Структурно- содержательная модель гендерного стереотипа	64
1.2.3. Социальный стереотип как модель репрезентации в когнитивном исследовании языка. Интерпретационная модель гендерного стереотипа.....	71
Выводы к Главе I.....	76
ГЛАВА II. СТРУКТУРНО-СОДЕРЖАТЕЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ И КОНТЕКСТУАЛЬНАЯ ВАРИАТИВНОСТЬ КОНЦЕПТОВ МУЖЧИНА/ЖЕНЩИНА В ИХ ЯЗЫКОВОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ.....	81
2.1. Прототипическая организация концептов МУЖЧИНА/ЖЕНЩИНА в групповом языковом сознании	81
2.1.1. Прототипическая организация концепта МУЖЧИНА	82
2.1.2. Прототипическая организация концепта ЖЕНЩИНА	99

2.2. Таксономическая организация сфер реализации мужчин и женщин в групповом языковом сознании	120
2.2.1. Таксономическая организация сфер реализации мужчин	121
2.2.2. Таксономическая организация сфер реализации женщин.....	129
2.3. Компаративный анализ типичных признаков, поведенческих характеристик и сфер реализации мужчин и женщин	137
2.3.1. Компаративный анализ типичных признаков мужественности и женственности	137
2.3.2. Компаративный анализ сфер реализации мужчин и женщин	146
2.4. Анализ когнитивного механизма гендерной стереотипизации на материале текстового корпуса	155
2.4.1. Контекстуальный анализ концептуальных характеристик мужчин ...	156
2.4.2. Контекстуальный анализ концептуальных характеристик женщин ...	182
2.4.3. Контекстуальный анализ концептуальных характеристик гендерной пары мужчина–женщина	211
2.4.4. Компаративный анализ маркеров мужественности и женственности в корпусе текстов	222
Выводы к Главе II.....	232
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	236
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК	246
ПРИЛОЖЕНИЕ	267

ВВЕДЕНИЕ

В настоящее время эксперты отмечают значительные трансформации моделей социализации и языковой репрезентации гендера в различных культурах. Наиболее явно актуальные тенденции нового гендерного порядка и идеологии наблюдаются в англоязычном культурном контексте, что связывают с экспансией английского языка в качестве международного средства коммуникации и транслированием западных (прежде всего американских) образцов социализации гендера по различным информационным каналам в глобальном масштабе.

Концептуальные трансформации гендера в англоязычном контексте, свидетельствующие о перестройке гендерных стереотипов, нормирующих социально приемлемые поведенческие реакции, характеризуют как научный дискурс, так и коммуникативные практики повседневности.

В научных исследованиях гендера в лингвистике периода «феминистской концептуализации» внимание фокусировалось на преодолении дискриминации женщины в языке и речи (70-80 г.г. XX века). Осуществлялась критика подчиненного положения «женского языка» (О. Есперсен, Р. Лакофф и др.), проявлений патриархальной гендерной асимметрии в коммуникации (Ч. Крамери, Д. Спенсер, П. Фишман и др.), неравнозначности мужской и женской коммуникативных стратегий (Д. Молц, Р. Боркер, М. Гудвин, Д. Таннен, Дж. Пенелоуп и др.).

В постфеминистский период (90-е г.г. XX века) появляются исследования, анализирующие маскулинность, ее доминирующий конструкт [Theory & Society 1993], а также взаимные корреляции мужественности и женственности в конкретном историко-культурном контексте. В центре исследований находятся социально значимые качества, присущие мужчинам и женщинам, их лексико-семантические репрезентации, распределение мужских и женских социальных ролей, статусов, сфер реализации,

характеристики конвенциональных образов мужчин и женщин (R.D. Ashmore, F.K. Del Boca; S. Basow; B.L. Forisha и др.).

Гендерные исследования становятся актуальной темой и для отечественной социологии и лингвистики. Отечественные социологи использовали методологию социального конструктивизма для исследования гендерной проблематики в российском контексте: модели гендерных отношений в советском и постсоветском обществе, их доминирующие гендерные конструкты (О.А. Воронина, Т.Б. Котлова, Т.Б. Рябова и др.), современные тенденции гендерных отношений в России (С.Г. Айвазова; Е.А. Здравомыслова, А.А. Темкина; Н.А. Шведова и др.).

Гендерная лингвистика в России акцентировала внимание на лексико-семантических характеристиках феминности и маскулинности (М.А. Кронгауз и др.); изучении номинаций лиц мужского и женского пола, в том числе и на материале различных языков (Е.С. Гриценко, А.В. Кирилина, И.И. Халеева и др.); анализе вариативности вербализации типических качеств мужчин и женщин в зависимости от социальных параметров носителей языка (М.В. Гаранович, Т.И. Ерофеева и др.); выявлении стереотипов речевого поведения мужчин и женщин в определенных типах дискурса (Е.И. Горошко, Е.А. Земская, М.А. Китайгородская и др.).

На рубеже тысячелетий отмечается, что эволюция концептуальных трансформаций гендера в эпоху глобализации осуществляется в направлении трансгуманизма. Радикальное изменение модели человека понимается как ослабление зависимости человеческой жизни от воздействия негативных факторов социобиологической детерминации вследствие развития науки и высоких технологий. Для нового гендерного порядка «характерен демонтаж прежних норм институционализации и ритуализации гендера, в том числе устранение визуальных различий в гендерных репрезентациях, реформирование официального языка, документов о статусе лица» [Кирилина, Гаранович 2022: 16–17]. Современная западная модель гендерной социализации включает в себя следующие тенденции:

- расширение гендерно значимых норм социальных институтов (легитимизация однополых браков для пар и множества партнеров, признание недуального родительства и др.);

- трансформация гендера в релятивный маркер самоидентификации, не связанный с половой принадлежностью индивида, определяемой при рождении (право ребенка самому определять свою гендерную принадлежность и др.);

- либерализация и политизация гендерных норм (включение ненормативной с традиционной точки зрения сексуальности в официальный и повседневный дискурс в качестве варианта нормы и др.).

Данная модель гендерной социализации, определяемая в научном дискурсе как «глобальный дрейф к постгендеризму» [Кирилина 2019: 14], реализована в «языковой политике дегендеризации» [Гриценко 2021: 66], проводимой в настоящее время и свидетельствующей о переосмыслении концепта гендер в «ментальном лексиконе» западных англоязычных культур. Институционализация и языковая репрезентация «третьего пола» объективируют радикальную перестройку гендерных стереотипов, ориентированную на социальное одобрение гендерного релятивизма и разнообразия как реализацию права человека на самоопределение гендерной идентичности и свободу частной жизни. Исследователи актуальных для англоязычного контекста тенденций гендерной категоризации и репрезентации отмечают: «Дискурсивные практики повседневности демонстрируют многочисленные примеры выхода за рамки бинарной гендерной системы и наделяния индивида правом на определение собственной гендерной принадлежности» [Гриценко 2021: 62]. Исследователи глобалистских тенденций гендерной категоризации справедливо отмечают: «Столь широкая активность в поддержке и транснациональном распространении глобалистских, множественных моделей гендера, скорость и массовость этого процесса – явный признак

социального заказа господствующих властных групп <...>» [Кирилина, Гаранович 2022: 19].

Актуальность исследования вызвана сосуществованием и столкновением в современном мире глобалистских и традиционалистских тенденций гендерной социализации, производящих взаимные изменения на базовом уровне гендерной категоризации как внутри одной лингвокультуры, так и между разными лингвосообществами. Методология когнитивной лингвистики позволяет реконструировать концептуальные трансформации, переформатирующие образно-символические структуры гендерно маркированного знания и мотивирующие перестройку языковых репрезентаций гендера. Анализ гендерных стереотипов как сочетаемости наиболее репрезентативных лексически выраженных концептуальных признаков мужественности и женственности, типических сфер реализации мужчин и женщин и как когнитивного механизма структурирования гендерно маркированных областей языкового знания в современной коллективной (групповой) интерпретации позволит выявить структурные трансформации и контекстуальную вариативность базовых гендерных концептов. На основе построенных в ходе исследования структурно-содержательных и речевых моделей гендерных стереотипов можно прогнозировать актуальные тенденции гендерной социализации в исследованной части российского общества и наметить возможные направления работы государства в области языковой политики и в социальной сфере.

Понятие «стереотип» в когнитивном аспекте ввел в лингвистику американский философ и логик Х. Патнэм. Стереотипный образец «термина естественного вида» определяет его лексическое значение и в повседневном, обыденном употреблении трактуется как идеализированная ментальная репрезентация, коллективно признанное мнение (часто неточное, предумышленное) о типичном, нормальном представителе, по отношению к

которому устанавливается принадлежность объекта к экстенсионалу термина [Putnam 1975].

Понимание социального стереотипа как коллективного механизма референции и корректного употребления слова находит обоснование в идее фамильного сходства Л. Витгенштейна: элементы языковой категории структурируются подобием в разных отношениях, при этом выделяются «лучшие примеры» языковой категории, демонстрирующие неравнозначность элементов в ее структуре [Витгенштейн 2010].

Идея фамильного сходства в качестве основания языковой концептуализации и категоризации получает развитие в стандартной теории прототипов и базового уровня категоризации Э. Рош. В данном теоретико-методологическом контексте языковая референция базируется на выделении психологически предпочтительных элементов категории – прототипов, способных в качестве «точек референции» ограничивать членство и производить ранжирование элементов категории [Rosch 1975].

Когнитивные теории значения Дж. Лакоффа, Р. Лангакера, Ж. Фоконье и др. ориентированы на выделение когнитивных механизмов структурирования знания и формирования смысла, репрезентированных и интерпретируемых в языке. Так, Дж. Лакофф исследует социальные стереотипы с позиции теории идеализированных когнитивных моделей, понимаемых как мотивированное когнитивное устройство, создающее контекст определения значения языковой категории [Lakoff 1987].

В когнитивной теории языка Тамбовской школы социальный стереотип в содержательном аспекте представляет собой вид прототипического концепта как когнитивного ориентира категории, определяющего ее структуру и содержание. Социальный стереотип в операциональном аспекте понимается как когнитивный регулятор отбора вербальных средств и служит для образования социально признанных концептов-смыслов [Болдырев 2019б; Дубровская 2015; Серова 2017].

Данное исследование опирается на понимание гендерного стереотипа как устойчивого, социально признанного и лексически выраженного сочетания наиболее репрезентативных характеристик мужественности и женственности и типических сфер реализации мужчин и женщин, функционирующих в качестве экономной, нормативно-оценочной схемы осмысления и языковой интерпретации гендерной параметризации дискурса.

Цель исследования – выявить структурно-содержательные характеристики и контекстуальную вариативность гендерного стереотипа в современном языковом сознании на новом материале посредством 1) моделирования структуры базовых гендерных концептов МУЖЧИНА/ЖЕНЩИНА как формата знания в групповой языковой интерпретации (на материале анкетирования); 2) моделирования способов структурирования тематических групп как областей определения смысловой, а значит и языковой, актуализации наиболее репрезентативных признаков концептов МУЖЧИНА/ЖЕНЩИНА в различных дискурсивных практиках (на материале текстового корпуса).

Объектом диссертационного исследования является гендерный стереотип как культурно-значимый прототипический концепт и как когнитивная схема, структурирующая гендерно-маркированные тематические области знания в их языковой репрезентации. **Предмет** исследования – структурно-содержательная организация и способы функционирования гендерного стереотипа в качестве нормативно-оценочной схемы осмысления и языковой интерпретации гендерной параметризации дискурса (с точки зрения носителей русского языка).

Гипотеза. Исходя из того, что когнитивные исследовательские модели являются корреляционными моделями, соотносящими языковые и когнитивные структуры, предполагается, что по языковой репрезентации можно реконструировать наиболее репрезентативные признаки мужественности/женственности и актуальные тенденции речевой

вариативности когнитивных проекций в современном языковом сознании носителей русского языка.

Для достижения цели были поставлены следующие **задачи**:

- обоснование специфики когнитивного подхода к пониманию гендерного стереотипа и его аспектов (структурно-содержательный и функционально-дискурсивный);
- построение моделей прототипической организации базовых гендерных концептов МУЖЧИНА/ЖЕНЩИНА;
- разработка классификации тематически связанных групп лексики, репрезентирующих типично мужские и женские сферы деятельности и маркирующих концептуальные различия в их семантике (таксономия);
- выявление тематических групп как областей определения смысловой актуализации гендерных стереотипов на материале текстового корпуса;
- выявление и описание средств и способов языковой и речевой репрезентации гендерных стереотипов;
- компаративный анализ полученных результатов.

Методология исследования включает в себя когнитивное моделирование, теорию языковой концептуализации и категоризации, социолингвистическую теорию гендера, теорию прототипов, теорию стереотипов.

Методика исследования сочетает в себе концептуально-дефиниционный анализ лексических единиц, маркирующих характеристики мужественности и женственности; моделирование прототипической организации концептов МУЖЧИНА/ЖЕНЩИНА; концептуально-таксономический анализ сфер реализации мужчин и женщин; методы корпусной лингвистики (анализ частотности, анализ конкордансов, анализ кластеров). Используемое программное обеспечение: AntConc, Gephi, MyStem.

Теоретическую базу исследования составили работы по когнитивному моделированию (Дж. Лакофф, Р. Лангакер, Л. Талми, Ч. Филлмор,

Ж. Фоконье, Н.Н. Болдырев, В.З. Демьянков, А.Е. Кибрик, Е.С. Кубрякова, Т.В. Романова, Е.В. Трощенко и др.), теории языковой концептуализации и категоризации (Л.В. Бабина, Н.Н. Болдырев, Е.С. Гриценко, О.Г. Дубровская, В.И. Карасик, Р.И. Павиленис, Т.Б. Радбиль, Т.В. Романова, И.Г. Серова и др.), теории гендерных стереотипов в лингвистическом (Р. Лакофф, Д. Таннен, М.В. Гаранович, Е.С. Гриценко, А.В. Кирилина, Е.В. Трощенко, А.Г. Фомин и др.) и социологическом (С.Г. Айвазова, О.А. Воронина, Е.А. Здравомыслова, Т.Б. Рябова, А.А. Темкина и др.) аспектах, теории прототипов (Дж. Лакофф, Э. Рош, Н.Н. Болдырев, А. Вежбицкая, В.З. Демьянков, Р.М. Фрумкина и др.), теории стереотипов (Л. Витгенштейн, Дж. Лакофф, Х. Патнэм, Э. Рош и др.), корпусной лингвистике (С.Ю. Богданова, В.П. Захаров, М.В. Копотев и др.).

Материал исследования состоит из данных анкетирования и текстового корпуса. В анкетировании приняли участие 315 респондентов (85 мужчин и 230 женщин). Анкета была выложена в Интернет-пространстве и находилась в свободном доступе. Наиболее многочисленной группой респондентов по возрастному показателю является группа 18–23 года – 120 респондентов, далее следуют группы 24–29 лет – 82, 30–39 лет – 54, 40–49 лет – 30, 50 лет и старше – 29 респондентов. Большинство из них имеет или получает высшее образование – 279, число респондентов со средним или средне-специальным образованием составляет 23 и 13 соответственно.

В результате материалом для анализа послужили 1238 реакций о типично мужских и 1242 реакции о типично женских качествах характера и поведенческих характеристиках; 1025 реакций о типично мужских и 960 реакций о типично женских сферах деятельности. При анализе все ответы респондентов были приняты во внимание.

Также был составлен корпус текстов по ключевым словам мужчин*/женщин*, мужск*/женск*, который сочетает в себе тексты различных жанров – основной корпус НКРЯ и газетный корпус НКРЯ (нелемматизированные тексты). Выборка включает в себя 4000 контекстов.

Новизна исследования заключается в следующем:

- рассмотрение социальных стереотипов в когнитивном аспекте, выявление механизмов вербализации стереотипного знания на новом языковом материале;

- рассмотрение лексическо-морфологической репрезентации гендерного стереотипа как результата первичной и вторичной языковой концептуализации и категоризации гендера;

- анализ гендерного стереотипа на актуальном речевом материале как корреляции моделей линейной структуры репрезентативности содержательных характеристик базовых гендерных концептов МУЖЧИНА/ЖЕНЩИНА, таксономической дифференциации сфер реализации мужчин и женщин, речевой вариативности концептуальных признаков мужественности и женственности **в различных дискурсивных практиках**;

- выявление актуальных тенденций гендерной идентификации носителей русского языка на основе построенных моделей гендерного стереотипа;

- представление когнитивной модели гендерных стереотипов в языковой репрезентации, в структурно-содержательном и функционально-дискурсивном аспектах;

- применение комплексной методики исследования – концептуально-дефиниционный анализ, прототипическое моделирование, концептуально-таксономический анализ, компаративный анализ, инструменты корпусной лингвистики и визуализации данных.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Когнитивное моделирование является эффективным инструментом исследования языковой репрезентации стереотипов в структурном и операциональном аспектах, позволяющим выявить сочетание традиционных и глобалистских тенденций гендерной идентификации в постсоветском времени.

2. Построение прототипической организации концептов МУЖЧИНА/ЖЕНЩИНА позволяет определить, что стандарты мужественности и женственности в языковом сознании носителей русского языка существенно не изменяются, способом категоризации ядра гендерных стереотипов является традиционная бинарная модель гендерных различий. Однако на границе зон структурирования базовых гендерных концептов выделяются переходные зоны, в которых наблюдаются тенденции гендерно нейтральной нормативности, конкурирующие с устойчивым ядром.

3. При построении таксономической модели сфер реализации мужчин и женщин также проявляются амбивалентные тенденции. С одной стороны, наблюдается традиционное разделение «мужских» и «женских» секторов профессиональной реализации. С другой стороны – метагендерная тенденция к расширению границ стереотипного представления о сферах реализации женщин на базовом уровне, мужчин – на субординатном уровне категоризации, а также осозанный отказ респондентов от гендерного разделения сфер деятельности.

4. Контекстуальная смысловая вариативность репрезентативных признаков мужественности и женственности, значимых сфер социальной реализации, а также корреляции характеристик гендерной пары мужчина–женщина позволяют верифицировать устойчивые фундаменталистские тенденции гендерной категоризации и обнаружить новые, эгалитарные проявления гендерной нейтрализации и гендерного разнообразия.

5. Репрезентантами гендерных концептов МУЖЧИНА/ЖЕНЩИНА являются лексические единицы, маркирующие характеристики мужественности и женственности, которые организованы в тематические группы на основе общности денотативного компонента. Полисемантизм как механизм языковой категоризации гендера порождает индивидуальные конфигурации коллективного знания.

6. Профилирование определенных характеристик мужественности и женственности в контекстах НКРЯ зависит от дискурсивной практики.

Функциональный аспект концептуализации гендера акцентирует внимание на способах оперирования гендерно маркированным знанием, актуализированным в языке. Способом категоризации гендера является бинарная модель гендерных различий, которая имеет нормативно-оценочный характер. Прототипические эффекты бинарной языковой модели гендерной идентификации проявляются на базовом уровне категоризации гендерно маркированных областей знания.

7. С языковой точки зрения лексико-семантический способ выражения концептуальных признаков наиболее репрезентативный: абстрактные существительные с семантикой 'свойство, качество'; однокоренные прилагательные. Механизм профилирования (когнитивной выделенности признака) активируется полисемантической языковых единиц, концептуальные признаки объективируются с помощью метафорических и метонимических моделей. Наиболее распространенными механизмами вербализации стереотипного знания являются профилирование, конкретизация, спецификация, предикация, дескрипция, сравнение. Обязательными элементами пропозициональной структуры по данным анкетирования являются субъект характеристики и предикат со значением качественной характеристики; частотными элементами – объект-каузатор и характеризующий компонент. В корпусном речевом материале основными речевыми моделями реализации гендерных стереотипов являются пропозициональные модели с семантикой характеристики, а также предикация, дескрипция, оценочное суждение, метафорические модели с областью-источником «физические сущности», «наука», «артефакты», метонимические модели (часть/целое, типичный пример, образец). Модусы интерпретации когнитивных признаков – оценочные, что определяет ценностный характер исследуемого стереотипа и его концептуальных признаков; их ценностная интерпретация поддерживается модусами утверждения и отрицания.

Теоретическая значимость исследования состоит в углублении и систематизации научных представлений о гендерной стереотипизации; в развитии когнитивной методологии исследования языка, позволяющей прогнозировать актуальные тенденции гендерной социализации в российском обществе и формировать на этой основе государственную политику в социальной сфере, а именно: в развитии теории и практики моделирования объектов прототипической организации, методов концептуально-таксономического анализа, компаративного анализа, методов корпусной лингвистики и приемов визуализации языковых данных.

Практическая значимость. Результаты исследования были использованы в преподавании научных дисциплин «Rhetoric and Speech-Making», «Corpus Linguistics», Research and Design Seminar «Modern Digital Technologies of Text Analytics» образовательной программы магистратуры «Прикладная лингвистика и текстовая аналитика / Applied Linguistics and Text Analytics» (кампус НИУ ВШЭ в Нижнем Новгороде). Материалы исследования будут также полезны при проведении мониторинга печатных и электронных СМИ, социальных сетей; анкетирования с целью выявления динамики социально одобряемых представлений о гендерных различиях в разнообразных дискурсивных и поведенческих практиках.

Апробация результатов исследования. Основные результаты диссертационного исследования были представлены в форме докладов на следующих **конференциях**:

1. Международная конференция «Язык, сознание, коммуникация: проблемы информационного общества». Москва, 3–5 апреля 2023 г. Круглый стол «Гендерная лингвистика в свете постнеклассической философии науки и политики: множественность интерпретаций». Доклад: «Моделирование компонентов структуры концептов Мужчина/Женщина».

2. XI Международный конгресс по когнитивной лингвистике. Москва, МГЛУ, 7–9 ноября 2022 г. Доклад: «Полевая модель концепта ЖЕНЩИНА» (заочное участие).

3. XX Международный симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации, «Российская психолингвистика: итоги и перспективы». Москва, 27–28 мая 2022 г. Круглый стол «Гендер как инструмент изменения модели человека в третьем тысячелетии». Доклад: «Прототипическая организация концептов МУЖЧИНА / ЖЕНЩИНА».

4. Международная научная конференция по когнитивной лингвистике «Язык и мышление в эпоху глобальных перемен». Нижний Новгород, НГЛУ, 2–4 июня 2021 г. Доклад: «Лексико-семантическая модель репрезентации содержательных и структурных характеристик концепта ЖЕНЩИНА».

5. 12th ISAPL International Congress. Portugal, Universidade de Aveiro, 3–5 июня 2021 г. Доклад: «Image Dominants of a Woman Politician in the Language Consciousness of Twitter Users».

6. Международная научная конференция «Корпусная лингвистика 2021». Санкт-Петербург, СПбГУ, 1–3 июня 2021 г. Доклад: «Исследование гендерных стереотипов политического дискурса с применением корпусных технологий».

7. Всероссийская научная конференция «Взаимодействие мыслительных и языковых структур: Собрание научной школы». Тамбов, 9 октября 2020 г. «Доминанты образа женщины-политика в языковом сознании пользователей Твиттера» (заочное участие).

Основные результаты исследования были изложены в следующих публикациях.

Статьи в научных изданиях, индексируемых в МБД Web of Science, Scopus, входящих в список рекомендованных журналов НИУ ВШЭ:

1. Товкес, М.Ю. Моделирование структуры групповой интерпретации концептов МУЖЧИНА/ЖЕНЩИНА в русской лингвокультуре [текст] // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация, 2022. Т. 20. № 3. – С. 151-165.

2. Товкес, М.Ю. Стереотипное представление о женщине-политике в языковом сознании пользователей Твиттера [текст] // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация, 2021. Т. 19. № 2. – С. 118-132.

3. Балакина, Ю.В., Товкес, М.Ю. Лингвистические средства конструирования образа женщины-политика (на материале микроблога Твиттер) [текст] // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература, 2019. Т. 16. № 3. – С. 381-399.

Статьи в рецензируемых изданиях ВАК:

4. Товкес, М.Ю. Стереотип как когнитивный механизм концептуализации гендера (на материале НКРЯ) [текст] // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета, 2023. № 3(63). – С. 116-135.

5. Товкес, М.Ю. Полевая модель концепта ЖЕНЩИНА [текст] // Когнитивные исследования языка, 2022. № 4(51). – С. 169-173.

6. Товкес, М.Ю. Лексико-семантическая модель репрезентации содержательных и структурных характеристик концепта ЖЕНЩИНА [текст] // Когнитивные исследования языка, 2021. № 3(46). – С. 831-834.

7. Товкес, М.Ю. Доминанты образа женщины-политика в языковом сознании пользователей Твиттера [текст] // Когнитивные исследования языка, 2020. № 3(42). – С. 666-671.

8. Балакина, Ю.В., Товкес, М.Ю. Способы конструирования феминной идентичности на материале современного английского языка и речи [текст] // Иностранные языки в высшей школе. Научный журнал. Рязань, 2018. Вып. 3(46). – С. 39-45.

Статьи в других изданиях:

9. Товкес, М.Ю. Прототипическая организация концептов МУЖЧИНА/ЖЕНЩИНА [текст] // Российская психолингвистика: итоги и перспективы. Материалы XX Международного симпозиума по

психолингвистике и теории коммуникации, Москва, 27–28 мая 2022 г. – М.: Из-во РУДН, 2022. – С. 183-184.

10. Товкес, М.Ю. Исследование гендерных стереотипов политического дискурса с применением корпусных технологий [текст] // Труды международной конференции «Корпусная лингвистика–2021». – СПб.: 2021. – С. 362-369.

11. Romanova, T.V., Tovkes, M.Yu. Image Dominants of a Woman Politician in the Language Consciousness of Twitter Users // Online 12th ISAPL International Congress Book of Abstracts. – Pp. 90-91.

12. Товкес, М.Ю. Языковые аспекты конструирования образа женщины-политика в Twitter [текст] // Материалы Международного молодежного научного форума «ЛОМОНОСОВ-2018» / Отв. ред. И.А. Алешковский, А.В. Андриянов, Е.А. Антипов. [Электронный ресурс] М.: МАКС Пресс, 2018. – 1 электрон. опт. диск (DVD-ROM); 12 см. – Систем. требования: ПК с процессором 486+; Windows 95; дисковод DVD-ROM; Adobe Acrobat Reader. – 1450 Мб. – 11000 экз.

13. Товкес, М.Ю. Лингвистические средства конструирования феминной идентичности (на материале современной английской лексикографии) [текст] // Актуальные вопросы филологической науки XXI века: сб. статей VII Междунар. науч. конф. Молодых ученых (9 февраля 2018 г.) / общ. ред. Ж.А. Храмушина, А.С. Поршнева, С.А. Иванова, С.К. Пестерев; Урал. федер. ун-т. – Екатеринбург: УМЦ-УПИ, 2018. Ч.1. Современные лингвистические исследования. – С. 112-118.

14. Товкес, М.Ю. Гендерные стереотипы в Twitter (на примере языковой репрезентации образа женщины-политика) [текст] // Проблемы идентичности в контексте мирового опыта. По материалам конференции молодых ученых. Москва, 12–14 декабря 2017 г. / отв. редактор О.Л. Милова, сос. и предисл. Е.Б. Баринава. – М.: ИЭА РАН, 2018. – С. 98-106.

15. Товкес, М.Ю. Феминно-маркированные фразеологические единицы с компонентом-антропонимом [текст] // Бюллетень научных студенческих обществ ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2017. №8. – С. 124-127.

Структура работы. Работа состоит из Введения, двух глав, Заключения, библиографического списка, который включает 213 наименований, в том числе 50 на английском языке, Приложения. Результаты исследования представлены в виде 3 таблиц и 28 рисунков.

Во **Введении** сформулированы объект и предмет, цель, задачи, исследования; обоснованы актуальность, научная новизна, теоретическая и практическая значимость работы; сформулированы положения, выносимые на защиту; описана структура диссертации; приводятся сведения об апробации работы.

В **первой главе** представлены становление и разработка когнитивных моделей лингвистических исследований; эффективность их использования при анализе социальных стереотипов в российских и зарубежных исследованиях; применение когнитивного моделирования в создании структурно-содержательных и интерпретационных моделей гендерных стереотипов.

Во второй главе были построены модели гендерного стереотипа: на основе индивидуально профилируемых реакций респондентов – 1) модель прототипической структуры базовых гендерных концептов МУЖЧИНА/ЖЕНЩИНА с целью выявления стереотипных признаков мужественности и женственности и актуальных тенденций их перестройки в языковом сознании носителей русского языка; 2) таксономическая модель сфер реализации мужчин и женщин с целью выявления актуальных тенденций нормирования гендерной идентичности; по данным корпуса текстов – 3) модель тематических областей определения концептуальных признаков мужественности и женственности с целью выявления их вариативности.

В **Заключении** подводятся итоги проведенного исследования.

В разделе **«Библиографический список»** представлен перечень отечественных и зарубежных научных публикаций, словарей, интернет-источников, которые используются в работе.

В **Приложении** представлены вопросы анкеты, характеристика проанализированных контекстов (год публикации, тематика, типы текстов и др.), а также 8 схем таксономической организации сфер реализации мужчин и женщин по результатам анкетирования, 4 тепловые карты сфер реализации мужчин и женщин по данным корпуса текстов.

Глава I. МОДЕЛИРОВАНИЕ ГЕНДЕРНЫХ СТЕРЕОТИПОВ: КОГНИТИВНО-ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ПОДХОД

1.1. Моделирование как способ представления объекта и метод верификации знания в лингвистическом исследовании

Методология лингвистических исследований традиционно обосновывает продуктивность изучения языковой способности человека с помощью некоторой искусственно создаваемой идеальной конструкции языкового явления (модель), представляющей собой его вероятностную структуру или механизм действия. Экономичность, компактность, схематичность модели и в то же время ее специфическая информативность (субъективно мотивированный выбор свойств, которые соответствуют объекту исследования или, наоборот, не представлены в оригинале), трансформированность (возможность преобразования модели в отличие от оригинала), двойственность (одновременное представление объекта и метода его изучения) позволяют успешно имитировать поведение оригинала в лингвистических целях [Минаева и др. 2007; Степанов 2007; Комарова 2012].

Моделирование как общенаучный метод исследования становится объектом обобщения и анализа с 40-х годов XX века. В результате было выработано некоторое методологическое единство, способствующее углублению описания модели как инструмента познания, произведена детализация и типологизация методов моделирования, предложены различные классификации моделей.

Лингвистическая интерпретация моделирования представлена в трудах Женевской школы структурной лингвистики, что позволило создать общую структурную модель языка, опирающуюся на совокупность многоуровневых отношений между его элементами, которые способны сохранять устойчивость при разнообразных трансформациях на основе правил порождения и саморегулирования [Соссюр 1977]. Впоследствии термин

«модель» осознанно вводится в лингвистику (Ч. Хоккет, Н. Хомский, З. Хэррис), получает теоретическое обоснование [Лосев 2004]. Лингвистические модели используются для структурирования языковых категорий [Лосев 2004: 62] или для генерирования нового знания о языковых объектах [Апресян 1966: 91; Штофф 1966: 19; Белоусов 2010: 95]. Производятся системные классификации лингвистических моделей по разным основаниям [Апресян 1966: 99–107; Баранов 2001; Хомский 1962, 1972 и др.]. Инструментарий модельной лингвистики (особенно исследовательские модели) получает импульс к развитию в неклассических содержательных интерпретациях языковых явлений во второй половине XX века.

1.1.1. Теоретические основания становления неклассических моделей лингвистического исследования

Неклассические лингвистические модели переосмысливают строгие, формально-логические модели языка, основанные на прежних привилегированных методологических принципах фундаментализма, структурализма, нормативности. Во многом под влиянием гипотезы Сепира-Уорфа, согласно которой язык не выражает структуру мира, а, скорее, формирует языковую картину мира, теоретическое языкознание совершает поворот от языка науки к естественному языку в его функционально-прагматичном аспекте [Сепир 1993; Уорф 1960]. С позиции новой познавательной перспективы значение языковых выражений определяется не по отношению к вещественным референтам, а по отношению к способам их употребления в межличностной коммуникации или корреляциям с субъективно организованными познавательными процессами. Исследование языка осуществляется в плане единства его когнитивных и коммуникативных возможностей; соотнесения устойчивых, эксплицитно выраженных, системно-структурных параметров и неопределенных, неявных, функционально-дискурсивных значений и смыслов; сочетания денотативного

и нарративного знания и др. [Микешина 2009: 497–499]. Проблематика получения, представления и ассимиляции знания с помощью языковых репрезентаций становится одной из основных в период формирования информационных обществ и оказывает влияние на освоение областей эпистемологического исследования, связанных с описанием общей когнитивной системы человека с применением компьютерных моделей переработки информации.

Так, Л. Витгенштейн создает модель языка как «языковой игры», в которой выделяется функционально-прагматический аспект языковых значений [Витгенштейн 2010]. С данной позиции значение слов естественного языка не определяется в терминах общих признаков и логических правил их выведения, что искажает и обедняет их содержание, а зависит от конкретных целей употребления. Прагматика сообщения имеет публично-интерпретируемый, нормативно-конвенциональный характер. Смысл языкового выражения принципиально не может быть персональным, отчужден от индивида и определяется употреблением данного выражения в коллективной коммуникативной среде. Образ мира и содержание сознания, таким образом, являются производными от правил употребления языка.

Теория речевых актов Дж. Остина и Дж. Серля, напротив, объясняет смысловое богатство индивидуального использования языка [Остин 1999а, б; Серль 1987, 2010]. Речевой акт не сводится к публично наблюдаемому вербальному событию (альтернатива концепции языковой игры Л. Витгенштейна) или структурным элементам высказывания (альтернатива структурализму), а подразумевает ментальный контекст, включенность в «сеть» интенциональных состояний коммуникантов. Поэтому один и тот же речевой акт, произведенный разными людьми, может иметь разный смысл и вызвать разные реакции слушателей. Но люди способны распознавать индивидуальные смыслы, прилагая когнитивные усилия для установления корреляции между пропозициональным содержанием высказывания, связанным с коммуникативной ситуацией, и интенциональным намерением

говорящего: просьба, приказ, требование, обещание, предложение, отказ и др. Высказывание не может быть верифицировано вне зависимости от того, кто и при каких обстоятельствах его произвел. Таким образом, речевой акт обладает «психологическим модусом», направленным на некоторое интенциональное содержание. Интенциональная модель речевого акта раскрывает новые формы и механизмы функционирования знания в системах коммуникативных установок индивидуальных субъектов и оказывается глубже и продуктивнее в установлении корреляции между речевым высказыванием и интенциональным состоянием, репрезентированным в языке.

Модель генеративной грамматики Н. Хомского выделяет в качестве доминантных структур языка синтаксические структуры, включенные в сознание человека [Хомский 1962, 1972]. «Мы мыслим предложениями» – такова исходная гипотеза генеративной лингвистики. Базовые синтаксические структуры сознания есть модель порождения предложения, которое получает словесное, морфемное, фонологическое наполнение посредством трансформационных правил речи. Трансформационные правила подтверждают достаточную независимость, автономность языка как модуля сознания, внеположенного по отношению к общим когнитивным механизмам. Генеративисты активно использовали формальное описание языковой деятельности, представление ее в строгой алгоритмической форме для создания компьютерных программ, имитирующих порождение речи: правильное оперирование языковыми выражениями может рассматриваться как верификация модели, с помощью которой создавалась программа.

Модель коммуникативного действия Ю. Хабермаса преодолевает автономность генеративной модели языка, имитирует социальное действие, нацеленное на достижение общепризнанных результатов путем преобразования личных воззрений с учетом точки зрения других участников социального взаимодействия [Habermas 1984]. Коммуникативное действие нельзя отождествлять с внешним языковым выражением. Также оно не

подчиняется образцам, навязанным социальными институтами и превращенным в бессознательные привычки и навыки. Рациональная коммуникация есть «символически транслируемая интеракция» – связь внутренних ментальных процессов и внешнего языкового выражения. Она имеет созидательный характер, предлагая новые ориентиры личностного и общественного развития благодаря использованию интеллектуальной интуиции, творческого воображения, не поддающихся алгоритмизации, с помощью которых создаются социокультурные модели и проекты, открывающие возможности не только модернизации, но и гуманизации послевоенных европейских обществ. Решение, принимаемое в результате конструктивного диалога, достижение «рационального консенсуса» снимает социальную напряженность, активизирует общественность, защищает от злоупотреблений власти, дает возможность избегать применения силы, ведет к поискам международных договоренностей.

В коммуникативной герменевтике М.М. Бахтина речевое действие также разворачивается в пространстве «диалогической встречи двух или нескольких сознаний» [Бахтин 1979: 100]. Единица речевой реальности – высказывание – существует относительно независимо от структуры языка (в языке присутствуют только схемы диалоговых отношений) и обретает смысл лишь в системе высказываний, имеющих индивидуальный, авторский характер. Диалоговые отношения сознаний есть вневлингвистическая онтологическая основа слова, форма его бытия. Диалоговые отношения слова полифоничны: они содержат предметную сторону высказывания, речевую характеристику автора, предвосхищают ответное понимание, обращаются к другим текстам, языковым стилям, социальным диалектам как системам потенциальных смысловых возможностей и, наконец, к ценностному эталону понимания (Бог, народ, совесть, суд истории, наука и др.). Понимание есть интерпретации субъектом ценностно-смыслового контекста, индивидуализирующего текст («микромир слова»).

Представленные исследовательские подходы позволяют сделать некоторые выводы относительно расширения концептуальных границ моделей, утвердившихся в лингвистике [Хоменко 2021: 21–44], переосмысления их некоторых свойств.

Функциональность модели следует понимать не только как перенесение свойств модели на исследуемый языковой объект, «функциональный аналог оригинала» [Медведева 2010: 4]. Неклассические лингвистические модели реконструируют имплицитно действующие ментальные механизмы, порождающие правила употребления и эксплицитно выраженные структурные характеристики языковых объектов (синтаксические структуры Н. Хомского, интенциональные состояния Дж. Остина, интеракция Ю. Хабермаса, «диалогическое общение между сознаниями» М.М. Бахтина). Природа таких моделей в соответствии с типом языковых объектов функционально-коммуникативная.

Новый тип исследовательских моделей не нацелен на сведение к минимуму субъективного фактора в исследовании. Наоборот, субъективный фактор становится определяющим компонентом модели языкового явления, вовлеченного в координаты человеческих действий, мотивов, целей в их историческом измерении. Данные модели акцентируют речевую вариативность в ее функционально-прагматической направленности, индивидуализирующей коммуникацию.

Формализация остается необходимым свойством неклассических лингвистических моделей, реализующим требования простоты, экономичности, схематичности. Однако она дополняется содержательными интерпретациями ценностных оснований познания, которые невозможно уложить в некую формальную схему и точные правила ее преобразования.

Неклассические лингвистические модели нельзя назвать и строго дедуктивными. Способом рассуждения становятся приемы вероятностной логики, ориентированной на поиск правдоподобных гипотез, объясняющих внутренние механизмы наблюдаемых эмпирических регулярностей дискурса

и верифицируемых посредством интерпретации его фрагментов. Поэтому наряду с логическими параметрами данные модели опираются на образные, опытные, ценностные структуры познания.

Среди концептуальных подходов в лингвистике второй половины XX века невозможно выделить доминирующую исследовательскую модель. Допускается возможность осознанного выбора моделей структурно-субстратного или функционально-дискурсивного типов, а также их сочетания с учетом их объяснительной способности, целей исследования, аспектов рассмотрения языковых явлений, лингвистических источников, позиции исследователя. Однако нельзя не отметить, что обоснование системы новых методологических принципов (историзм, функционализм, прагматизм, интерпретация и др.), на основе которых происходит упорядочивание, нормирование, генерирование знания, оказывает влияние на становление антропоцентрической парадигмы, которая становится ведущей стратегией научного поиска для всего цикла лингвистических дисциплин, «существенно расширяющей горизонты лингвистических исследований» [Маслова 2018: 10]. Высокий методологический статус позволяет определить антропоцентрическую парадигму как суперпарадигму современных лингвистических исследований [Комарова 2012: 369]. В данном качестве она, в свою очередь, оказывает существенное воздействие на лингвистическую науку [Звегинцев 1982; Павиленис 1983; Степанов 1985; Караулов 1987; Серебренников 1988; Фрумкина 1992; Кубрякова 1995; Маслова 2018; Болдырев 2019б и др.].

1.1.2. Когнитивная лингвистическая модель, ее характер и свойства

Когнитивная исследовательская модель языковых явлений также создается в масштабе антропоцентрической парадигмы, т. к. ее доминантой становится моделирование неявных структур и механизмов субъективного познавательного опыта в качестве основания языковой концептуализации и

категоризации (80-е годы XX века). Однако познавательная перспектива когнитивных моделей преодолевает установки генеративной грамматики: мы мыслим не предложениями, а довербальными ментальными конструкциями, связанными с представлением и обработкой знаний, следовательно, доминантой языка являются не синтаксические, а семантические структуры как корреляция с различными форматами знания. Также она отличается и от интенциональной модели речевого акта Остина-Серля: ориентирована не на элементарный и репрезентативный срез коммуникации, в котором выделяются элементы интенции говорящего, а на холистический подход к языку, анализ сложной коммуникации как целенаправленного процесса и выявление механизмов семантической трансформации. Когнитивный подход к языку рождается тогда, когда изучаемый феномен исследуется «по тем **реальным** (выделено мной – *М.Т.*) связям и корреляциям, которые могут быть выявлены между структурами сознания или структурами знания и объективирующими их языковыми формами» [Кубрякова 2004: 59].

Любой когнитивный акт предполагает включение значимых для человека фрагментов его окружения в процедуры опознавания, номинации, сохранения в памяти и воспроизводства знания. Степень адекватности рациональных действий и аффективных переживаний знаково-символическим координатам социально-культурного окружения определяется овладением когнитивными процедурами означивания и осмысления. Степень неадекватности зависит от нарушений когнитивной компетенции. Сигналами для модификаций когнитивных стратегий становятся непонятность слова, словосочетания, конструкции предложения, что свидетельствует об осознании отсутствия релевантной схемы понимания. Нехватка нужных слов для выражения требуемых отношений между когнитивными схемами или непонимание смысла высказывания, т. е. его отношения с определенным, активированным словом коммуникативным контекстом (концептуально-тематической областью энциклопедического знания) также стимулируют намерение понять речь совершенствованием

когнитивных схем репрезентации значений и смыслов [Демьянков 1994а]. Когнитивный подход к языку предполагает, что когнитивные механизмы рационализации опыта моделируют структурно-организованную когнитивную реальность («концептуальная система», «концептуально-тематическая область», «folk model» и др.), формирующую разнообразные системы знания и стратегии понимания, способом верификации которых становится их использование в социальных вербальных коммуникативных взаимодействиях. В когнитивных исследованиях языка моделирование как когнитивная универсалия получает двойственный, онтологический и гносеологический статус. Онтологический аспект когнитивного моделирования ориентирован на выявление структур и механизмов естественной концептуализации, категоризации, репрезентации, интерпретации, порождающих значение языковых выражений и обеспечивающих понимание их смысла в повседневной языковой практике посредством моделей, раскрывающих сущность данных когнитивных процессов и взаимосвязей единиц концептуального и языкового уровней. Гносеологический аспект когнитивного моделирования акцентирует внимание на объяснительной способности данных моделей, которые становятся способом верификации знания концептуально-тематической области определения значения и смысла языковых выражений.

Происходит и переосмысление понятия модель: «С одной стороны, оно сохраняет свой эпистемологический статус – обозначает аналитический конструкт, представляющий некоторую форму восприятия, мышления, способ хранения и передачи информации. С другой – когнитивной модели приписывается статус онтологический, подтверждаемый в форме проявления **прогнозируемых свойств** в деятельности или экспериментально. Таким образом, моделирование выступает и как метод представления объекта, явления или процесса, и как метод верификации» [Романова 2014: 323–324].

Так понимаемые моделирование/модель совпадают, по существу, с фундаментальным посылом когнитивного подхода к языку: язык как одна из

базовых когнитивных способностей человека репрезентирует мир опосредованно, через ментальную проекцию внешнего окружения и осмысление человеком своего внутреннего мира. Способы концептуализации и категоризации опыта одновременно представляют собой и механизмы когнитивного моделирования внешнего социально-культурного окружения и внутреннего экзистенциального мира человека, репрезентируемые онтологически ориентированной концептуальной картиной мира. В то же время ментальная репрезентация мира в определенной мере ориентирована на языковые формы и категории, формируется под влиянием структур и механизмов языкового сознания, включенных в процесс коммуникации [Кубрякова 2004: 59; Кибрик 2015: 32; Болдырев 2019: 22–23]. Таким образом, когнитивное исследование языка нацелено на моделирование релевантных языковым формам и категориям когнитивных структур, их содержательных компонентов и функциональных взаимосвязей как ментальных репрезентаций внешнего и внутреннего мира человека, обеспечивающих означивание и осмысление языковых выражений: «В основе современного подхода к языку лежит идея целенаправленной реконструкции когнитивных структур по данным внешней языковой формы. Реконструкция опирается на постулат об исходной когнитивной мотивированности языковой формы: в той мере, в какой языковая форма мотивирована, она «отражает» стоящую за ней когнитивную структуру» [Кибрик 2015: 32]. Лингвистические исследования, ориентированные на моделирование когнитивных структур, мотивирующих языковую референцию, осуществляют весомый вклад в современное решение проблемы взаимодействия языка и сознания.

Когнитивное моделирование онтологических оснований познания развивается в тесной связи с феноменолого-герменевтической традицией, сложившейся на основе интерпретаций онтологии субъективности, ориентированной на гуманизацию познавательного процесса (В. Дильтей, Э. Гуссерль, М. Хайдеггер, Г. Гадамер и др.). Так, гносеологическая модель

понимания В. Дильтея как постоянного контекстуального обоснования, уточнения смыслов и значений, мотивированных осознанной системой оценочных суждений и императивов, наиболее адекватная «сознающей себя жизни» («герменевтический круг»), содержит предпосылки выхода на проблему бытия субъекта познания [Дильтей 2000]. Анализ Э. Гуссерлем трансцендентальной субъективности (доопытных и внепсихологических «регионов интенциональности» индивидуального сознания) и ее связи с предметным миром во многом определил постановку проблемы познания в онтологическом аспекте [Гуссерль 2004]. М. Хайдеггер осуществил радикальный поворот к онтологии субъективности, выявив в качестве оснований познания личностные экзистенциальные предструктуры индивидуального сознания (Dasein: «бытие-присутствие», «вот-бытие») [Хайдеггер 1993]. Г. Гадамер отдал предпочтение авторитету традиции («смысловой горизонт понимания»), определяющей в качестве предпосылочного знания («предпонимание») индивидуальную понимающую интерпретацию [Гадамер 1988].

Таким образом, логико-аналитическое решение проблемы познания, представленное субъектно-объектной парадигмой, доминантой которой является принцип отражения в познавательной деятельности, дополняется феноменолого-герменевтической субъектно-субъектной парадигмой, актуализирующей проблему коммуникативной природы человеческого сознания. Важной темой неклассической гуманитарной эпистемологии становятся такие познавательные процедуры, как понимание, интерпретация, репрезентация, интуиция и др., раскрывающие операциональную, функционально-прагматическую сторону познавательного процесса, ориентированную на включенность человека в историю, целевые структуры его деятельности, значимость личностных концептуальных структур.

Новый тип философии создает образ познания, основанный на фундаментальном положении об онтологической связи индивидуального сознания, языка и внешнего социально-природного окружения человека.

Феноменолого-герменевтически ориентированная философия продемонстрировала сложность выбранного пути, связанную с объективированием глубинных ментальных структур, несводимых к явлениям сознания, и одновременно невозможность решения проблемы познания без обращения к неявным онтологическим структурам субъективности, без учета коммуникативной, диалоговой природы сознания. Современные гуманитарные исследования не могут не принимать во внимание онтологический человеческий компонент в познании: «Опознавая, что характерно и репрезентативно, что может считаться «хорошим» образцом, а, главное, угадывая, как одни обобщения согласуются с другими, мы используем способность суждения, то есть форму мышления, построенную на большом опыте, силе воображения, твердой памяти, чувстве реальности, чувстве возможного и невозможного» [Берлин 2001: 97].

Когнитивные исследования языка оказывают серьезную поддержку дальнейшей разработке феноменолого-герменевтического подхода. В когнитивной лингвистике выделение онтологических когнитивных структур и механизмов, обеспечивающих означивание языковых выражений и/или понимание их, анализируется в терминах профиль – база (Р. Лангакер), фигура – фон (Л. Талми), ментальное пространство – ментальная область (Ж. Фоконье), категория – идеализированная когнитивная модель (Дж. Лакофф). Онтологический статус механизмов когнитивного моделирования и его результатов определяется понятиями *projected world*, *experienced world*, *phenomenal world* [Jackendoff 1995: 28; Anderson 1996]. В отечественной когнитивной лингвистике онтологические нормы приобретения значения и смысла языкового выражения в рамках определенной структурированной концептуальной матрицы выражаются понятиями «призма» мировидения [Постовалова 1988], концептуальная картина мира [Серебренников 1988: 107], миромоделирование [Кушнерук 2019], ментальная модель мира, ментальная проекция мира [Болдырев 2019б: 22, 149] и др. Благодаря онтологическим схемам и

структурам естественной категоризации, объективированным в системах языка с помощью языковой категоризации, сознание как собственно человеческий способ ориентации в мире природы, социума и культуры позволяет активно воспринимать и перерабатывать информацию в систему коллективных знаний, индивидуальные конфигурации которых интерпретируют значение, смысл, оценку объектов, ситуаций, событий, знаний о них и позволяют определять и контролировать личностно значимые цели и действия.

В когнитивном исследовании языка областью определения языкового значения становится когнитивное моделирование процессов и структур естественной категоризации, которая «есть в своей сущности продукт человеческого опыта и воображения – восприятия, двигательной активности и культуры, с одной стороны, и метафоры, метонимии, и ментальной образности в целом, с другой» [Лакофф 2011: 23]. Логическая модель категоризации в данном контексте предстает как частный случай общей теории когнитивных моделей, принимающей во внимание опытные, образные, оценочные аспекты рационализации опыта. Когнитивное исследование языка на современном этапе развития науки нацелено на то, чтобы «показать соотношение и взаимодействие языковых единиц и лежащих в их основе структур знания, а также на основе изучения языкового опыта – опыта использования языковых единиц – смоделировать, насколько это возможно, сами эти структуры, их содержание и связи, внося тем самым свой посильный вклад в общую теорию интеллекта» [Болдырев 2019б: 31].

Следует отметить, что в когнитивной науке как области междисциплинарных исследований, широко использующей компьютерное моделирование когнитивных систем, сложилось два стандартных вычислительных подхода. Первый, более ранний, классический (символицизм) исходит из предположения, что человеческое мышление функционально эквивалентно процессорному устройству, способному последовательно обрабатывать единицы символьной информации, хорошо

решать аналитические задачи, требующие четких высокоуровневых правил обработки информации. Данные модели имитируют знаково-символическое, как правило левополушарное, когнитивное мышление, владеющее аналитическими стратегиями обработки информации: выделение общих, существенных для анализа признаков, отношений, каузальных связей, организующих однозначный контекст, необходимый для успешной вербальной коммуникации. Второй, современный, неклассический подход к моделированию когнитивных процессов (коннекционализм) предполагает, что работа когнитивных систем живых существ может быть симулирована с помощью искусственных нейронных сетей (нейрокомпьютеров), способных сохранять любую информацию, которая существует как паттерн между узлами соединения: распознавать образы, решать сложные задачи планирования, обучения, запоминания и т. д. Данные модели имитируют пространственно-образное, как правило правополушарное, когнитивное мышление, владеющее холистическими стратегиями обработки информации: выявление многообразия связей между элементами образа или целостными образами (гештальтами), организующих многозначный контекст, весь спектр которого не может быть передан вербальными средствами [Солсо 1995; Thagard 1996; Меркулов 2003]. В когнитивной психологии широко используется компьютерное моделирование для подтверждения результативности исследовательских методик. Однако когнитивные исследования языка устанавливают границы применимости методов компьютерного моделирования, обосновывают необходимость содержательных интерпретаций когнитивных процессов: «информационной системе – в отличие от системы значений – внеположены такие понятия, как неопределенность, полисемия, метафора и коннотация» [Bruner 1990]. Показательно, что подзаголовок книги I Дж.Лакофф «Женщины, огонь и опасные вещи. Что категории языка говорят нам о мышлении» представлен выражением «Разум вне машины». В когнитивных теориях языка акцентируется внимание на содержательных интерпретациях онтологических

норм и структур когнитивного моделирования в качестве основания форматирования значения и интерпретации смыслового понимания языковых компонентов.

В когнитивной грамматике Р. Лангакера онтологическим статусом в вышеизложенной интерпретации обладают базовые схемы образности, лежащие в основе структурирования когнитивных областей (cognitive domains) и формирующие языковой континуум [Langacker 1988]. Данные схемы означивания подробно анализируются исследователями [Скребцова 2018: 163–170; Болдырев 2019: 184–189]. Фундаментальным механизмом языковой категоризации в концепции Р. Лангакера становится механизм когнитивной выделенности – профилирование, понимаемое как наложение профиля (семантически неопределенного фрагмента) на базу (когнитивную область или матрицу областей), взаимодействие которых, активированное словом, с помощью использования базовых инструментальных схем образности определяет его «семантическую конфигурацию» (значение). Профилирование как выделение когнитивных «точек референции» организует весь ментальный опыт человека, структурируя его на семантические области. Базовые области представляют некий предел перцептивных возможностей человеческого организма (опыт пространства и времени, спектр цвета, диапазон частот, шкала температур, дифференциация вкусовых ощущений и др.). Структуры более высокого уровня являются результатом когнитивных операций над структурами более низкого уровня. Так выстраивается концептуальная иерархия, задающая онтологические параметры (области определения) языковой референции, преимущественно лексической (именных групп и реляционных выражений), в когнитивной модели языка Р. Лангакера.

В топологической грамматике Л. Талми базовые схемы языковой категоризации («схематические категории», «схематические системы») также имеют кинестетический, пространственно-образный характер [Talmy 1986, 1996; Талми 1999]. Одной из центральных пространственных схем

семантической интерпретации является схема фигура – фон. Фигура выражает семантически неопределенный движущийся объект, фон – неподвижный объект, выполняющий функцию «референциального объекта». Функционально асимметричное взаимодействие фигура-фон становится когнитивным механизмом сложного пространственно-образного структурирования сцены – пространственной организации языкового объекта или ситуации. Пространственные схемы топологической грамматики Л. Талми не тождественны параметрам метрического пространства. Для них несущественны масса, расстояние, объем, масштаб, для репрезентации которых используются лексические ресурсы языка. Грамматические элементы языка структурируют пространство с точки зрения топологических свойств, сохраняющих гибкие, относительные отношения соседства, включенности/исключенности, прерывности/непрерывности, что позволяет осуществлять многофункциональные интерпретации одной и той же сцены посредством приложения к ней различных пространственных схем (*rubber-sheet geometry*). Наиболее разработанной областью концепции является тема языковой концептуализации пространства посредством предлогов как элементов закрытых классов [Talmy 1983]. Грамматические структуры задают структуру когнитивным репрезентациям, на которую наслаивается содержательный лексический материал. Таким образом, именно моделирование пространственных структур грамматической категоризации обеспечивает концептуальную связность сцены, ее содержательное наполнение и является онтогенетическим механизмом создания значения языкового объекта.

Ментальное пространство Ж. Фоконье представляет динамическую онтологическую модель осмысления речевого восприятия, понимаемую как взаимные отображения ментальных пространств говорящего и слушающего, которые создаются, уточняются, перестраиваются в ходе коммуникации [Fauconnier 1994]. Поэтому ментальные пространства могут претендовать на когнитивно адекватную модель речевого восприятия [Fauconnier 1990: 152–

153]. Успешность коммуникации зависит от сходности построенной собеседниками конфигурации ментальных пространств, на которую, кроме языковых выражений, оказывают влияние экстралингвистические факторы (фоновые знания, прагматическая информация, интенциональные ожидания и др.). Каждое новое высказывание опирается на конфигурацию, построенную в предыдущем дискурсе, его прагматический контекст и, в свою очередь, перестраивает их.

Язык как инструмент «фоновой когниции» также участвует в форматировании ментальных пространств, поэтому языковые структуры (фонологические, лексические (преимущественно глаголы), синтаксические) являются репрезентативными для экспликации семантических проекций структурных элементов и отношений внутри и между ментальными пространствами (ментальными областями). Языковое выражение предстает не только в качестве объекта интерпретации по отношению к когнитивному контексту или коммуникативной ситуации (как у Р. Лангакера и Л. Талми), но и как «инструкция», по которой слушающий самостоятельно осмысливает их. Язык играет роль «проводника» в процессе извлечения смысла, скрытого в глубине сознания.

Когнитивные конструкторы ментальных пространств и областей являются механизмами организации (структурирования) и интерпретации (конструирования) сложных концептуальных структур (например, блендов), коррелирующих со сложными языковыми выражениями (например, контрфактивными рассуждениями или высказываниями, вписывающими объект или ситуацию в существующий фрейм). В концепции Фоконье-Тернера механизмы концептуальной интеграции представляют собой онтологические стратегии семантической интерпретации (понимания) сложных концептуальных и языковых структур [Turner 1987, 2000; Lakoff, Turner 1989; Turner, Fauconnier 1995].

Сознательно и системно когнитивные онтологические основания познания и знания, репрезентируемые посредством языка, представлены в

гипотезе экспериенциального реализма Лакоффа-Джонсона. Авторы подвергают критике объективистскую и субъективистскую теории значений: «И миф объективизма, и миф субъективизма – оба упускают из вида то, как мы понимаем мир в процессе взаимодействия с ним» [Лакофф, Джонсон 2017: 216]. Объективистский подход рассматривает значение как феномен, независимый от речевого поведения человека. Лингвистические выражения и концепты получают свое значение через непосредственную корреляцию с вещами и категориями актуального мира, вне контекстов употребления. Субъективистский подход исходит из произвольности опытных гешталтов, отсутствия внешних ограничений, естественной организации индивидуального опыта [Лакофф, Джонсон 2017: 209–217].

В качестве теоретических предпосылок когнитивной семантики Дж. Лакофф обращается к положениям «внутреннего реализма» Х. Патнэма и теории ментальных пространств Ж. Фоконье: внутренний реализм не принимает внешней перспективы, «сосредотачивается на способе, которым мы осмысляем реальность, функционируя внутри нее» [Putnam 1981; Лакофф 2011: 343]; ментальные пространства не имеют онтологического статуса вне сознания [Fauconnier 1985; Lakoff 1987: 282].

Экспериенциализм как философское обоснование когнитивной теории значения делает акцент на том, что языковая референция обусловлена познавательной активностью субъекта, зависит от профиля знаний индивидуального носителя языка, активированных пониманием и говорением, ориентирована на целевые структуры его деятельности: «Когда речь идет о человеческой деятельности, метафизика, то есть наши взгляды по поводу того, что существует и является реальным, не независима от эпистемологии в широком смысле человеческого понимания и знания» [Лакофф 2011: 384].

В когнитивной эпистемологии областью определения понимания и знания являются универсально значимые и одновременно индивидуально интерпретируемые механизмы и структуры человеческой категоризации

(когнитивного моделирования реальности), синтезированные в понятии «идеализированные когнитивные модели» (ИКМ). ИКМ базируются на доконцептуальном опыте психофизиологического функционирования индивида, его телесном взаимодействии с природным и социальным окружением, включают категории базового уровня, непосредственно коррелирующие с доконцептуальными структурами, а также сложные концептуальные структуры, возникающие благодаря систематическим метафорическим переносам конкретных областей на абстрактные области знания или таксономическим проекциям категорий базового уровня на выше и нижестоящие категории. Следовательно, элементами онтологии ИКМ являются ментальные сущности («ментальные вещи»): «Каждая ИКМ имеет *онтологию* и *структуру*. Онтология – это множество элементов, используемых в ИКМ. Структура образована признаками этих элементов и существующими между ними отношениями. Элементами онтологии ИКМ могут быть концепты базового уровня – сущности, действия, состояния, признаки и т.д. – или концепты, охарактеризованные когнитивными моделями других типов» [Лакофф 2011: 370–371].

Таким образом, в концепции Лакоффа-Джонсона онтогенетическими механизмами форматирования знания являются:

- базовая категоризация – способность производить образно-символические структуры, непосредственно коррелирующие с доконцептуальными операциональными структурами повседневного опыта;
- метафорическая проекция структур конкретных тематических областей на коррелирующие с ними абстрактные области или построение таксономии, т.е. отображение концептов базового уровня на вышестоящий или нижестоящий уровни концептуальной системы.

Знание в данной системе онтогносеологических координат относительно способам понимания. Для объективного оценивания ситуации мы должны опираться на **непосредственно значимые концепты** (гештальты, кинестетически-образные схемы, ментальные образы, базовые концепты),

что обеспечивает некоторые фиксированные «точки референции» для стабильной (коллективной) оценки ситуации. Возможности категоризации базового уровня расширяются вследствие новых технологических решений оперирования гештальтным типом когнитивных структур (фотография, телевидение, Интернет), а также за счет дополнительных альтернативных возможностей оценки ситуации с использованием **опосредованно значимых концептов** (метафорических, метонимических, логических, и др.), релевантных индивидуальным конфигурациям ИКМ. Прямое понимание языкового выражения («прототипическая истина») возможно, когда концепты предложения непосредственно значимы для нас, и аспекты ситуации даны в опыте или доконцептуально структурированы. Непрямое понимание предложения («периферийные истины») может иметь множество интерпретаций, использующих знание опосредовано-значимых концептов, в терминах которых понимается ситуация.

В концептуальных координатах экспериенциалистской гипотезы, ориентированной на достижение лично значимых целей, разрабатывается преимущественно психофизиологический аспект концептуализации и категоризации, акцентируется внимание на индивидуальном познавательном опыте. Она предполагает расширение непосредственного семантического интерпретирования объекта или ситуации за счет индивидуально-профилированного опосредованного понимания. Таким образом, «характеристика значения в терминах *природы и опыта мыслящих организмов*» [Лакофф 2011: 347] позволяет объяснить, как мы приобретаем понятия, познаем их, можем достичь понимания различных концептуальных систем, мотивирующих значение и смысл языковых выражений.

Представленные исследовательские программы когнитивного моделирования значения/смысла языковых выражений в зарубежной лингвистике оригинальны и самостоятельны в стремлении к формализации онтологических моделей концептуализации и категоризации для

содержательного объяснения семантических трансформаций естественного языка. В них разрабатываются сходные онтологические модели форматирования знания внутри концептуальной системы (профилирование когнитивной области, построение концептуальной связности сцены, проекция ментальных пространств; соотнесение с ИКМ); различия объективно и субъективно ориентированных механизмов и структур концептуализации и категоризации («объективность требует правильного понимания человеческой категоризации, поскольку ситуации всегда оцениваются в терминах человеческих категорий») [Лакофф 2011: 392]. В концепции значения Р. Лангакера дифференциация объективности и субъективности предполагает учет точки зрения субъекта (viewer, conceptualizer), ответственного за интерпретацию ситуации. Так, параметры перспективы как базовой образно-схематической модели означивания позволяют достичь объективности семантической интерпретации, когда объект имеет четкие пространственные очертания, отделен от наблюдателя, но располагается в поле его зрения. Субъективность интерпретации мотивируется вовлечением субъекта в ситуацию, «растворением» в ней. Схематические системы семантической интерпретации ситуации Л. Талми также определяют точку зрения, с которой производится концептуализация сцены, позволяют выделить в различных типах событий (движение, покой, каузация, регулярность повторения и др.) пространственную иерархию. Например, параметры распределения внимания фиксируют концептуальный «каркас события» (аналогично базовому уровню категоризации Э. Рош и Дж. Лакофф), исключая его периферийные или случайные элементы. Авторы гипотезы экспериенциализма считают, что объективность является аспектом концептуальной системы, присущей культуре в целом [Лакофф, Джонсон 2017: 216]. Следовательно: «Разумная постановка вопроса об объективности невозможна, если конфликтуют концептуальные системы или культурные ценности» [Лакофф, Джонсон 2017: 244]. В теории когнитивных идеализированных моделей Дж. Лакоффа статусом объективности

наделяются пропозициональные модели, т. к. они не используют опосредованные механизмы понимания: «Мне представляется, что, когда мы осмысливаем наш опыт, проецируя на него пропозициональные модели, мы накладываем на мир объективистскую структуру» [Лакофф 2011: 371].

В когнитивных семантических моделях есть взаимное уточнение или интегрирование результатов; развитие следствия одной теории посредством введения его в качестве посылки в другую, что повышает их продуктивность. Так, теории когнитивной грамматики Р. Лангакера, фреймовой семантики Ч. Филлмора, ментальных пространств Фоконье-Тернера интегрируются в теорию ИКМ Лакоффа-Джонсона. Л. Талми, сопоставляя пространственную семантику предлогов в английском и немецком языках, делает предположение о том, что возможно язык способен активно влиять на способ концептуализации, предлагая устойчивые, коллективные, грамматически выраженные пространственные схемы [Talmy 1983: 266–267]. Предположение, являющееся следствием в топологической семантике Л. Талми, становится ключевой посылкой в теории ментальных пространств Ж. Фоконье и теории идеализированных когнитивных моделей Дж. Лакоффа.

Они избирательны в выборе эмпирического материала для теоретического обоснования и верификации выводов. Р. Лангакер отдает предпочтение лексическим репрезентациям когнитивных механизмов семантической интерпретации, Л. Талми – грамматическим элементам языка, задающим структуру когнитивных репрезентаций, Ж. Фоконье – когнитивным механизмам осмысления речи, Дж. Лакофф – общим когнитивным механизмам означивания и осмысления языковых выражений.

Данные модели различаются в понимании механизмов корреляции когнитивных и языковых структур. Р. Лангакер усматривает полную аналогию между способами когнитивной и языковой категоризации: «языковые и когнитивные механизмы в основе своей обусловлены единой способностью, проявляемой во всех областях и на всех уровнях организации, а именно: динамической эксплуатацией асимметрично выделенных

сущностей, служащих для структурирования опыта» [Langacker 1993: 36]. Л. Талми допускает, что некоторые грамматические схематические системы имеют аналоги в других когнитивных системах (конфигурационная структура, перспектива, распределение внимания – в зрительном восприятии; статус реальности, выражающийся показателями наклонения, или статус знания, выражающийся категорией эвиденциальности, – в системе рассуждения и логического вывода). Тем не менее, каждая из главных когнитивных систем имеет и собственные принципы организации и форматирования знания. Таким образом, онтологически ориентированная когнитивная организация представляет собой модель пересекающихся когнитивных систем [Талми 1999: 117]. Ж. Фоконье основывается на неразрывной связи языка и когниции: «Хотя язык несомненно имеет свою собственную структуру, он существенным образом связан с другими когнитивно обусловленными структурами, и именно эти связи определяют основные свойства его организации» [Fauconnier 1990: 151]. При этом язык выступает инструментом конструирования ментального пространства, а не только средством его репрезентации. С ним солидарен Дж. Лакофф, синтезирующий в ИКМ сложную многоуровневую систему корреляций ментальных и языковых репрезентации: «Язык, таким образом, базируется на познании. Структура языка использует те же самые механизмы, которые используются для структурирования когнитивных моделей – образные схемы, понимаемые в терминах физического, телесного функционирования» [Лакофф 2011: 379].

Анализ данных исследовательских программ, признанных научным сообществом лингвистов в качестве классических когнитивных теорий значения, позволит выделить некоторые общие свойства когнитивных моделей языка.

Когнитивные лингвистические модели являются не структурными или функциональными, а **корреляционными** моделями. В их масштабе значение/смысл языковых объектов предстают как многоуровневые

корреляции языковых и когнитивных структур в их коммуникативной направленности. Корреляции закрепляются в первичных структурах знания (фрейм, схема, прототип, стереотип и др.), проецируются на более сложные концептуальные структуры (посредством метафоры, метонимии, логической абстракции и др.) и объективируются посредством языковой репрезентации и интерпретации в языковых структурах. Значение языкового выражения понимается как органическая составляющая процесса внутренней согласованности между концептами разноуровневых концептуальных структур. Смысл – как корреляция между концептуальными структурами (когнитивными и языковыми) и прагматичными целевыми структурами коммуникации.

Когнитивные исследовательские модели являются **двойственными, онтогносеологическими** моделями. Они представляют собой и способы категоризации, задающие онтологически ориентированные концептуальные координаты определенных лингвокультур в их языковой репрезентации, и одновременно способы субъективной интерпретации (понимания) ценностно-целевых контекстов дискурса. Поэтому по языковой репрезентации можно реконструировать как когнитивную структуру, имплицитно мотивирующую языковое значение (способ категоризации), так и ценностно-целевой смыслообразующий контекст, неявно присутствующий в речевой вариативности когнитивных проекций (способ понимания).

Данные модели объединяет общее стремление к формализации правил семантической интерпретации (означивания и осмысления) для содержательного объяснения семантических трансформаций естественного языка.

Когнитивные модели языка являются **динамическими** моделями, ориентированными на познавательную активность субъекта, процесс получения знания и достижения понимания. Также они обладают мощным «возникающим потенциалом» (термин Дж. Лакоффа), проявляющимся в

когнитивных проекциях и речевой вариативности как способах генерирования недостающих языку значений и смыслов.

В них широко используются приемы нетрадиционной, немонотонной логики исследования – абдуктивной логики (abduction – отведение), ориентированной на поиск правдоподобных гипотез, объясняющих внутренний механизм наблюдаемых эмпирических регулярностей. В данном способе рассуждения гипотеза выступает не в качестве посылки (как в гипотетико-дедуктивной модели познания) и не в качестве обобщения фактов (как в индуктивной модели). Гипотеза является результатом анализа взаимодействий между фактами как основы рассуждения. Способом ее проверки становится ее объяснительный потенциал: способность производить следствия, подтверждающие гипотезу-догадку, а также интерпретирующие фрагменты эмпирического дискурса. В абдуктивном выводе нарушается принцип стандартного отношения логического следствия к посылке (посылки могут добавляться, пересматриваться, а следствия – уточняться или отменяться), но повышается эвристический потенциал исследования.

Природа и свойства когнитивных моделей языка проявляются также в их классификациях.

1.1.3. Классификация когнитивных лингвистических моделей

Существует множество классификаций когнитивных моделей, определяемых концептуально-методологическим контекстом исследовательских программ. Так, в грамматике Р. Лангакера профилирование получает конкретизацию в схемах категоризации:

- уровень конкретности, позволяющий детализировать семантику ситуации;
- фоновые допущения и ожидания, производящие семантическое акцентирование;

- вторичная активация, с помощью которой осуществляются переносы между различными тематическими областями, связанными отношениями категоризации;

- масштаб и сфера действия семантики языкового выражения, позволяющая определить область предикации как основания для осмысления объекта;

- относительная когнитивная выделенность семантических подструктур как правило асимметричного конструирования семантики ситуации;

- перспектива, предполагающая учет точки зрения наблюдателя, ответственного за интерпретацию ситуации [Langacker 1988].

Пространственно-образные инструментальные схемы категоризации производят структурирование ментального опыта человека на области определения языковой референции.

Л. Талми систематизирует инвентарь грамматически выраженных понятий, объединенных в схематические категории, на основе принципов параллелизма пространства и времени (концептуализация свойств массы и объема в терминах процесса и наоборот); внутрикатегориальной конверсии, представленной когнитивными операциями опредмечивания (reification – номинализация глагола) и акционализации (actionalizing – образование глагола из существительного, обозначающего массу или объем); вложенности (nesting – одно грамматически выраженное понятие может быть вложено в другое) [Талми 1999]. Схематические категории входят в крупные интегративные схематические системы, позволяющие формализовать грамматические правила языковой категоризации:

- конфигурационная структура, производящая концептуализацию пространства, времени или другой области посредством грамматических структур закрытых классов;

- перспективизация, определяющая точку зрения, с которой производятся концептуализация сцены;

- распределение внимания, выстраивающее пространственную иерархию конфигурационной структуры или перспективы;
- динамика сил как семантический компонент языка, интерпретирующий взаимодействие противоположных сил;
- когнитивное состояние, имеющее отношение к воле, намерениям, ожиданиям и эмоциям субъекта, а также эпистемическому статусу высказывания [Talmy 1986, 1996].

Использование языка предполагает неосознанный выбор пространственных схем интерпретации, основанных на «сверхглубинной» корреляции грамматических структур языка с другими когнитивными системами. Универсальная функция всех когнитивных систем заключается в обеспечении концептуальной связности сцены, т. е. ее содержательного наполнения.

В теории Фоконье-Тернера выделяются модели сложных концептуальных структур, коррелирующих со сложными языковыми выражениями на основе принципа концептуальной интеграции, заключающегося в отображении исходных ментальных пространств (input) на новое ментальное пространство (blend) со своим значением [Turner 1987; Lakoff, Turner 1989; Turner, Fauconnier 1995]. Концептуализация модели бленда предполагает выявление когнитивных операций как моделей взаимного отображения ментальных пространств:

- использование связей и аналогий между исходными пространствами (выделение общих, параллельных элементов);
- при построении бленда некоторые сходные элементы исходных пространств могут соединяться (fused), параллельные не сплавляются вместе (counterparts);
- проекция из исходных пространств является выборочной, соответствующей прагматическому целевому контексту;

- концептуальная интеграция может применяться повторно, поэтому созданный бленд может выступать исходным пространством на каком-то этапе рассуждения;

- структура бленда не заложена в исходных пространствах, бленд представляет собой мысленную симуляцию, благодаря которой возникает новая структура;

- бленд может оказывать воздействие на сознание человека, заставляя его пересматривать свои взгляды;

- бленд может быть причиной предвзятых выводов, искажений, порождаемых неосознанным, автоматическим характером проецирования или получать обоснование при помощи знаний, приобретенных позже, и др. [Turner 2000].

Бленды сводят воедино концептуальные структуры, хранящиеся в памяти отдельно: выборочно отображают их (composition), обогащают их новыми знаниями, возникающими на этапе завершения (competition) или по ходу развития «логики бленда» (elaboration).

Дж. Лакофф производит структурирование ИКМ по механизмам категоризации:

- пропозициональные модели, опирающиеся на непосредственно значимые концепты с гештальтным типом когнитивных структур и не использующие механизмы воображения (метафору, метонимию, ментальные образы);

- образно-схематические модели, пространственно структурирующие тематические области определения языковых значений (вместилище, часть/целое, источник/путь/цель, верх/низ, впереди/сзади и др.);

- метафорические модели, частично отображающие область-источник, структурированную пропозиционально или образно-схематически, на область-цель как абстрактную ментальную сущность. Виды метафор определяются в соответствии с аспектами когнитивных проекций: структурные (проецируют эмпирические концепты на ненаблюдаемые

ментальные пространства), ориентационные (организуют одну систему концептов относительно другой), онтологические (с помощью которых абстрактные ментальные сущности получают пространственные границы);

- метонимические модели, осуществляющие замещение категории внутри единой ИКМ ее элементом или субкатегорией. Среди метонимических моделей выделяются стереотипы (позволяют определять культурные ожидания и оценивать норму и отклонения от нее), типичные примеры (используются для вынесения вероятностных суждений), идеалы, (осуществляют планирование, целеполагание), образцы (производят сравнение), генераторы (идентифицируют элементы категории и субкатегории по центральным членам), субмодели (делают вычисления и приблизительные вычислительные оценки), выделяющие примеры (выносят суждения о вероятностных событиях на основе из связи с хорошо запомнившимися примерами), радиальные структуры (мотивированно расширяют категорию и устанавливают связи между субкатегориями);

- символические модели, в которых концептуальные элементы соотносятся с лингвистическими структурами. Морфологические структуры коррелируют с прототипическими структурами базовых категорий (имена существительные номинируют центральные элементы базовых категорий, глаголы соотносятся с действиями базового уровня, прилагательные выражают базовые адъективные значения). Грамматические конструкции релевантны образным схемам (часть/целое, центр/периферия, связь, линейная шкала, вместилище) [Лакофф 2011].

ИКМ как механизмы естественной концептуализации и категоризации порождают прототипические эффекты на всех уровнях языка (фонологическом, морфологическом, грамматическом), релевантные образно-символическим форматам знания, демонстрирующим асимметричность структуры базовых категорий, проецируемую на более сложные, абстрактные или детализированные концептуальные структуры.

Отечественная Тамбовская школа когнитивной лингвистики расширяет модели когнитивных механизмов репрезентации и оперирования знанием в языке за счет инструментария концептуальной деривации, понимаемой как «формирование нового смысла в результате определенного способа интерпретации исходного вербализованного знания» [Болдырев 2019б: 189]. Основанием для классификации когнитивно-языковых моделей становится выделение механизмов языковой концептуализации и категоризации, формирующих концептуальные структуры языкового сознания и знания.

Первичная языковая концептуализация и категоризация как репрезентация естественной концептуализации и категоризации предполагает выделение при помощи селективной интерпретации неязыковых единиц знания разного уровня абстракции (простые и сложные форматы знания), ориентированных на законы и принципы вербальной коммуникации, и объединение их в категории с общим языковым названием (первичная номинация как точка внутриязыковой референции). Результатом первичной языковой репрезентации становятся корреляции концептуально-тематических областей и лексически представленных концептов и категорий, функционирующие в качестве коллективных когнитивных схем, формирующих языковое сознание конкретного лингвокультурного сообщества («общая когнитивная матрица»).

Вторичная языковая концептуализация и категоризация ориентирована на уже представленные в языке коллективные знания и осуществляет репрезентацию по прототипическому принципу с выраженной таксономической иерархией от базового уровня в сторону обобщения или детализации с помощью собственно языковых механизмов (вторичная номинация, словообразовательная номинация, эвфемизация, дисфемизация, синонимическая или антонимическая замена и др.). Лексико-грамматические категории «отражают категоризацию естественных для языка объектов – слов – по их собственно языковым параметрам (морфологическим категориям, синтаксическим функциям и т.д.)» [Болдырев 2019б: 144].

Грамматические структуры языка адаптируют языковое знание применительно к нормам и целям вербальной коммуникации, поскольку фиксируют наиболее регулярные и инвариантные характеристики языковых концептов и категорий, менее зависимые от позиции говорящего. Модусные концепты являются ментальными моделями внутреннего, экзистенциального мира человека. Они создают дополнительные, аксиологические аспекты языкового знания согласно оценочным шкалам представителей определенной лингвокультуры или отдельных индивидов. Результатом вторичной языковой концептуализации и категоризации является внутриязыковая корреляция базовых языковых структур и их проекций на суперординатном и субординатном уровнях языковых таксономий, а также интерпретация коллективных знаний и когнитивных схем в индивидуальной концептуальной системе конкретного человека («частная когнитивная матрица»).

Таким образом, соответственно онтологической триаде «система мира – система языка – концептуальная система человека» выделяются три модели вербализации, порождающие форматы языкового знания:

- логико-гносеологическая модель естественной концептуализации и категоризации реальности, соразмерной человеку, порождающая лексический формат языкового знания, реализующий собственно когнитивную функцию в системе мир-язык-сознание;

- онтологическая модель внутриязыковой концептуализации и категоризации, организованная по собственно языковому прототипическому принципу, порождающая лексико-грамматический и грамматический форматы языкового знания, выполняющие коммуникативную функцию в системе мир-язык-сознание;

- онтогносеологическая модель самосознания, сочетающая прототипический и логический принципы организации, порождающая модусный формат языкового знания в аспекте интерпретационной функции в системе мир-язык-сознание [Болдырев 2019б: 156–157].

В нашем исследовании мы опираемся на доминантный принцип организации языкового сознания, разработанный в концептуально-методологических координатах когнитивной теории языка Тамбовской школы когнитивной лингвистики [Болдырев 2019а]. Роль опорных точек в процессах означивания и осмысления принадлежит, прежде всего, названиям базовых категорий (первичная номинация), которые в качестве внутриязыковых точек референции формируют поступающую информацию и участвуют в порождении когнитивных и языковых форматов знания.

Лексическая система языка является переходной зоной естественной и собственно языковой категоризации. С одной стороны, лексическая категоризация представляет аналог естественной категоризации объектов внешнего и внутреннего мира человека, лексические значения **«отражают онтологию мира** и результаты его познания: знания конкретных предметов и явлений, их характеристик и категорий» [Болдырев 2019б: 141]. С другой стороны, лексическая категоризация подвергается необходимому для коммуникации онтологическому (в системе языка) грамматическому нормированию в области лексико-грамматических категорий, которая является переходной зоной между лексической и грамматической концептуальными системами языка.

Двойственная детерминация обуславливает принцип структурирования лексической области языка. Лексические категории, реализующие познавательную, собственно когнитивную функцию языка, классифицируются по инвариантно-вариативному принципу, на основе которого выделение центральных элементов лексической категории, используемых в качестве семантических кодификаторов в словарных дефинициях, производится как логическое обобщение аналоговых характеристик естественных категорий (они номинируются одним словом), к которым добавляются отличительные характеристики вариативных элементов лексической категории.

Можно предположить, что логический инвариант концепта гендерной лексико-тематической области языка (вторичная языковая категоризация), являясь абстракцией от прототипических характеристик базового концепта гендерной концептуально-тематической области знания, опосредовано коррелирует с данной областью через лексический прототип (первичная языковая категоризация), активирующий ассоциативные связи с прототипическим ядром естественного концепта.

Н.Н. Болдырев считает некорректным введение термина «лексический прототип» как принципа структурирования лексической области языка, ошибочным – подмену значения лексической единицы (вторичная номинация) названием прототипа естественной категории (первичная номинация) [Болдырев 2019б: 142]. Термин «лексический прототип» используется как категория переходной зоны естественной и языковой концептуализации и категоризации, что позволяет, на наш взгляд, на основе индивидуально-профилируемых лексических единиц, активированных номинацией базовых гендерных концептов МУЖЧИНА/ЖЕНЩИНА, произвести выделение доминирующих по частотности употребления и общности денотативного компонента лексико-семантических характеристик. Их устойчивая сочетаемость опосредованно маркирует знание прототипических признаков мужественности/женственности в современной групповой интерпретации, кодирующих актуальные тенденции способа категоризации гендера, реализуемого в дискурсивных и поведенческих практиках.

Также представляется продуктивным для исследования выделение статического и динамического аспектов языковой концептуализации и категоризации, что обуславливает осознанный выбор методологии построения познавательных моделей гендерного стереотипа. Представление гендерного стереотипа в статическом аспекте как структурно-содержательной модели знания (тематический концепт) требует выделения базового уровня лексико-семантических характеристик как корреляций

наиболее значимых, индивидуально-профилируемых концептуальных признаков мужественности/женственности, определяющих срединный уровень структурирования гендерной тематической области, на котором непосредственно проявляются прототипические эффекты. А также – различия уровней обобщения и/или детализации, требующего дополнительных языковых знаний и когнитивных усилий, на которых прототипические эффекты присутствуют неявно и обнаруживаются опосредовано. С помощью данной методологии в практической главе будут построены прототипическая модель личностных характеристик мужчины/женщины и таксономическая модель сфер типической социальной реализации мужчин/женщин (по результатам анкетирования).

Представление модели гендерного стереотипа в функциональном аспекте (операциональный концепт) позволяет по контекстуальным репрезентациям обнаружить динамику прототипических эффектов на базовом уровне концептуализации и категоризации, наличие переходных зон между признаками базового и небазовых уровней. В данном аспекте разрабатывались контекстуальные модели гендерного стереотипа, репрезентирующие доминантный для носителей русского языка коллективный способ категоризации, его когнитивные механизмы (на материале текстового корпуса).

Коллективность/индивидуальность знания мы, вслед за Н.Н. Болдыревым, рассматриваем в качестве дифференцированного показателя стандартизации знания, благодаря которому психофизиологическая обусловленность естественной концептуализации и категоризации дополняется социокультурной составляющей, обеспечивающей общенациональные, коллективные (групповые) и индивидуальные интерпретации когнитивно-языковой семантики [Болдырев 2019б: 138].

Таким образом, построение структурно-содержательных и функционально-дискурсивных лексико-семантических моделей как моделей

вторичной языковой репрезентации гендерного стереотипа позволяет осмыслить содержание лексического прототипа как модели первичной языковой репрезентации базового уровня гендерной концептуально-тематической области. В свою очередь, энциклопедическое неязыковое знание выступает в качестве когнитивного фона при осмыслении лексем гендерной лексико-тематической области языкового знания.

Гендерный стереотип мы рассматриваем как разновидность социального стереотипа. Социальный стереотип можно определить только в границах конкретных подходов. В следующих параграфах трактовка гендерного стереотипа осуществляется с позиции когнитивно-лингвистического подхода.

1.2. Социальные стереотипы в когнитивном аспекте. Когнитивные модели гендерных стереотипов

1.2.1. Концептуальные модели когнитивного исследования социальных стереотипов в языковой репрезентации

Стереотип – один из ключевых терминов когнитивных исследований языка, наиболее часто употребляемый в научном дискурсе как «шаблоны концептуализации», «формирующиеся в сознании модели»; «образцы поведения и действий людей в обществе», «культурная норма» [Проектный словарь-справочник когнитивных терминов 2022: 176].

Когнитивные подходы к пониманию социальных стереотипов зависят от теоретических и методологических установок, познавательных интересов исследователей. Можно выделить некоторые направления в исследовании социальных стереотипов в когнитивном аспекте.

Стереотипы анализируются в контексте неклассической теории референции (Р.В. Гиббс, К. Доннелан, Д. Каплан, Н. Мк Карелл, С. Крипке, Х. Патнэм и др.).

Впервые понятие «стереотип» в лингвистике ввел американский философ и логик Х. Патнэм. Идея стереотипа развивается им на основе критического переосмысления основных положений дескриптивной семантики (Дж. Милль, Б. Рассел, Г. Фреге и др.), с позиции которой смысл языкового выражения определяет его предметное значение (в современной терминологии – референцию). Референтом слова становится объект, который удовлетворяет дескрипции характеристик, включенных в смысл данного слова [Фреге 1997].

Х. Патнэм проводит многочисленные мысленные эксперименты с логико-математическими моделями планет и людей-двойников, доказывая логическую возможность случаев, когда концепт слова (интенционал) не определяет его референта (экстенционал). Свое решение проблемы Х. Патнэм предлагает в экстерналистской эпистемологической парадигме, вынося значение за пределы ментальных репрезентаций в сферу общества и природы: «Экстенционалы наших имен зависят от реальной природы тех вещей, которые для них выступают в роли парадигмы, а их реальная природа в полном ее объеме говорящим не известна» [Патнэм 1982: 390]. Стереотип в повседневном, обыденном употреблении трактуется как идеализированная ментальная репрезентация, коллективно признанное мнение (часто неточное, предумышленное) о типичном, нормальном представителе естественного вида [Патнэм 1999: 207–208].

Развитие теории приводит к различению аналитической и операциональной референции. Аналитическая референция определяется исследовательской программой, позволяющей установить принадлежность объекта экстенционалу термина естественного вида, чтобы включить данный объект в экстенционал коррелирующей с ней предметной языковой категории. Она требует длительного исследовательского труда экспертов для определения как типичных, так и нетипичных референтов. Для большинства же достаточно общих сведений о грамматических и семантических

признаках слова, чтобы правильно использовать его в коммуникации, быть полноценным членом языкового коллектива (операциональная референция).

Таким образом, в «новой теории референции» понятие стереотипного образца термина естественного вида определяет его лексическое значение и фиксирует присвоение его определенным представителям (лучшим примерам), по отношению к которым устанавливается принадлежность объекта к экстенсионалу термина.

Гипотеза Х. Патнэма о «лингвистическом разделении труда» является плодотворной. Механизм социального стереотипа опосредует способы функционирования языка (прагматический и аналитический) в коллективной коммуникативной среде. Однако характерный для аналитической философии тезис о том, что корректное употребление термина естественного вида определяется научным сообществом, подвергается справедливой критике, т.к. противоречит практике употребления языка. Также вряд ли можно согласиться с тем, что экстенсионалы терминов устанавливает «природа вещей» без участия человека, его знания об окружающем мире. Обоснование Х. Патнэмом инвариантности референции терминов естественных видов на основе объективной природы объектов исключает индивидуальную активность субъектов в их интерпретации (семантическую вариативность термина в коммуникации). Сам Х. Патнэм был вынужден допустить «множество концептуальных выборов» – альтернативные, несовместимые концептуальные схемы описания объекта, в пределах каждой из которых оно является «правильным»: ««Объекты» не существуют независимо от концептуальных схем. Мы «разрезаем» мир на объекты, когда мы вводим ту или иную схему описания. Поскольку объекты *и* знаки одинаково являются *внутренними* для данной схемы описания, оказывается возможно сказать, что чему соответствует» [Putnam 1981: 52]. В масштабе интерналистской эпистемологической парадигмы («внутренний реализм») Х. Патнэм снимает противопоставление факта и ценности. Концептуальные схемы влияют на индивидуальное осмысление опыта, но не препятствуют объективности

знания: «[Наши понятия] зависят от нашей биологии и культуры; они отнюдь не являются «ценностно свободными». Но они *являются* нашими понятиями, и они являются понятиями о чем-то реальном. Они определяют вид объективности, *объективность для нас*, даже если это не метафизическая объективность Божественного видения. Объективность и рациональность, говорящие по-человечески, это то, что мы имеем, и это лучше, чем ничего» [Putnam 1981: 55].

Исследователи отмечают, что эволюция взглядов приводит Х. Патнэма к сближению с идеями Л. Витгенштейна, когда американский философ утверждает, что слова и предложения обладают значением благодаря «технике употребления», в которой значение «показывает свое лицо» [Макеева 1997: 133].

Понимание социального стереотипа как механизма референции и корректного употребления слова в типичных коммуникативных ситуациях получило развитие в **теориях семейного сходства** (Л. Витгенштейн), **прототипов** (Б. Берлин, Р. Браун, К. Мервис, Э. Рош и др.), **идеализированных когнитивных моделей** (Дж. Лакофф и др.).

Л. Витгенштейн также обращает внимание на функционально-прагматический аспект значения. В его интерпретации значение слова зависит от типического контекста употребления («значение слов обусловлено словоупотреблением»). Носителем языка у австробританского философа, также как у Х. Патнэма, выступает языковое сообщество как коррелят совокупности коммуникативных операций, существенным свойством которых является их наблюдаемый и публично интерпретируемый характер.

Понимание Л. Витгенштейном референции как «языковой игры» находит обоснование в идеях фамильного (семейного) сходства (члены языковой категории не имеют общего набора признаков, а структурируются подобием в различных отношениях); расширения значения слова (отсутствие у языкового значения фиксированных границ); хороших и плохих примеров (неравнозначность элементов в структуре языковой категории). Так,

например, значение слова «игра» определяется пересекающимся и перекрещивающимся сходством, как общим, так и в деталях, при этом выделяются лучшие примеры игры. Некоторые игры (например, детский «каравай») служат для развлечения, но в них нет соревнования. Другие связаны с удачей (бросание игральной кости). Третьи предполагают умение (шахматы и го) и др. Игры не имеют общего набора признаков, однако, как члены одной семьи, подобны друг другу в разнообразных отношениях (так, шахматы предполагают и умение, и соревнование), их границы способны к расширению (появление видеоигр), они имеют лучшие примеры (например, игра в кости не является лучшим примером игры) [Витгенштейн 2010].

Коммуникативные события рассматриваются Л. Витгенштейном как безличный процесс, происходящий в коллективной коммуникативной среде, имеющий нормативно конвенциональный характер. Языковые значения структурируются на основе фамильного сходства. Смысл языковых выражений определяется их употреблением в языковых практиках.

Идеи стереотипа как модели репрезентации лексического значения, фамильного сходства как основания языковой концептуализации и категоризации получают переосмысление в теориях прототипов и базовой категоризации исследовательской группы когнитивного психолога Э. Рош. В данном теоретико-методологическом контексте языковая референция базируется на естественной концептуализации и категоризации индивидуального познавательного опыта, опосредована когнитивной референцией.

Результаты экспериментальных методик продемонстрировали асимметрию, неравнозначность элементов и уровней в структуре категории. Психологически мотивированной реальностью для человека являются прототипы как наиболее репрезентативные элементы категории («точки референции») и базовый уровень категории, обладающий максимальной информированностью [Rosch 1975]. Эволюция взглядов привела Э. Рош к выводу, что «прототипы сами по себе не образуют какую-либо особую

модель обработки, представления и изучения данных» [Rosch 1978: 40]. Они способны ограничивать членство и производить ранжирование элементов категории на основе фамильного сходства с прототипом, но не определять модели репрезентации.

Таким образом, с позиции теорий прототипов и базового уровня категоризации членство в категории определяется не по отношению к классу вещей, объективно-природным референтам и не по отношению к устойчивым коммуникативным контекстам, социально признанным референтам («социальному гештальту»), а по отношению к прототипам (лучшим представителям категории), обладающим психологически мотивированной «когнитивной выделенностью» (Д. Герартс). Носителем языка является субъект, основанием категоризации – структурированная целостность индивидуального опыта, основой теоретических конструкторов – образная рациональность категорий базового уровня, языковая категоризация коррелирует с категоризацией когнитивной.

Базовые положения когнитивной психологии о том, что языковая референция зависит от профиля знаний индивидуального носителя языка, ориентирована на целевые структуры его деятельности получают развитие в когнитивной лингвистике. Дж. Лакофф разрабатывает понятие социального стереотипа в контексте теории прототипов и теории идеализированных когнитивных моделей (ИКМ) [Лакофф 2011; Лакофф, Джонсон 2017].

Действие ИКМ состоит в том, что слово активирует ИКМ как мотивированное когнитивное устройство для категоризации, создающее контекст определения значения языковой категории. ИКМ структурирует категорию, выделяя наиболее репрезентативные элементы, маркирующие коллективные и личные ожидания, и ориентирована на то, чтобы успешно действовать в предложенных обстоятельствах и соотносить ожидания индивида с ожиданиями других людей.

Социальные стереотипы в интерпретации автора встроены в метонимическую когнитивную модель: «Социальные стереотипы

представляют собой случаи метонимии – когда подкатегория наделяется общественно признанным статусом представителя категории в целом, обычно в целях быстрого вынесения суждений о людях» [Лакофф 2011: 114].

Таким образом, социальный стереотип выполняет когнитивную функцию в структурировании категории. Несмотря на то, что стереотип не имеет фиксированного набора концептуальных характеристик, он оказывается достаточным условием для определения членства и ранжирования элементов категории. Границы стереотипа определяются социальными ожиданиями, связанными с данной категорией и позволяющими различать норму и отклонение от нее.

Актуальные тенденции семиотической репрезентации и смысловых акцентуаций социальных стереотипов представлены в разработках **когнитивной социолингвистики**. Так, отечественные школы **гендерной лингвистики** исследуют концептуальные инновации гендерных аспектов языкового сознания, коммуникации и когнитивных процессов, обусловленные ускорением процессов глобализации, вызывающих столкновение глобалистских и традиционалистских парадигм. В работах А.В. Кирилиной отмечается, что в научных представлениях о гендере (преимущественно в англоязычных культурах) ведущей тенденцией становится переход к постгендеризму – сознательному отказу от социального конструирования гендера и превращению его в маркер индивидуальной самоидентификации. Анализ языковых репрезентаций гендерно ориентированных норм социальных институтов, статусов лиц, официального дискурса и повседневных коммуникативных практик современных постиндустриальных обществ позволил сделать вывод: «Таким образом, глобалистский этап развития гендерных исследований ознаменован полным переосмыслением понятия *гендер*. Из дихотомического / дуального / бинарного социокультурного концепта, отражавшего наличие в мире двух типов людей, он превратился в чрезвычайно политизированный маркер сексуальной ориентации (*агендер, бигендер, трансгендер* и т.д.), а также в

маркер самоидентификации как таковой» [Кирилина, Гаранович 2022: 16]. Современная семантическая интерпретация гендера в России определяется как плюралистическая модель, в которой выделяется глобальная тенденция к гендерной нейтрализации, сочетающаяся с патриархальным фундаментализмом [Кирилина 2021: 124].

Интерсекциональный подход к гендеру разрабатывается в Пермской **социолингвистической школе**, которая анализирует феноменологию гендера на пересечении базовых характеристик социально-психологических различий. Так, работы М.В. Гаранович посвящены исследованию гендерных стереотипов как структурированных когнитивных образований группового языкового сознания. Автор акцентирует внимание на социолингвистической вариативности гендерных стереотипов, выявляет зависимости между содержанием гендерных стереотипов и базовыми социальными параметрами (гендер, возраст, образование, специальность), обнаруживает актуальные для носителей русского языка тенденции гендерной категоризации [Гаранович 2011].

Исследовательский коллектив под руководством Е.С. Гриценко анализирует гендер с позиции **социального конструктивизма**, что позволяет объяснить лингвистический выбор целевого, значимого для коммуникативного контекста аспекта гендерной идентификации [Гриценко 2005]. Такой подход позволяет обнаружить динамику концептуализации и репрезентации гендера в англоязычном (преимущественно американском и европейском) контексте, во многом определяющую стратегию нового гендерного порядка – «дегендеризацию коммуникации», подвергающую сомнению само толкование специфического гендерного поведения как отклонения от нормы и транслируемую по различным информационным каналам в глобально масштабе: «Сверхиндивидуализированное общество создает десятки определений новых гендерных идентичностей, подвергая сомнению само понятие «отклонений» в гендерном поведении» [Гриценко 2021: 67].

В нашем исследовании мы определяем социальные стереотипы как культурно значимые концепты, мотивирующие трансформации коллективных и индивидуальных концептуальных систем представителей конкретных лингвосообществ. Стереотип – нормативно-оценочный концепт, объективированный в типических поведенческих реакциях и речевых практиках. Перестройка нормы не может отменить императивный характер взаимной корреляции индивидуально мотивированного и социально приемлемого поведения.

В анализе гендерного стереотипа как разновидности социального стереотипа мы опираемся на фундаментальные положения теории Лакоффа-Джонсона: языковые выражения проявляют корреляционную связь структуры категории с порождающей ее идеализированной когнитивной моделью (в отечественной терминологии – «концептуально-тематическая область»); социальный стереотип как модель репрезентативности порождает прототипические эффекты внутри категории. Считаем необходимым провести различие:

- социальный стереотип как формат знания, компонент прототипической структуры категории;
- социальный стереотип как механизм категоризации, порождающий прототипические эффекты внутри категории.

Данные аспекты позволяют выделить важные для концептуальной системы когнитивные функции социального стереотипа:

- социальный стереотип выделяет наилучший пример внутри категории, соответствующий коллективно признанным ожиданиям конкретного лингвокультурного сообщества;
- ограничивает членство и производит ранжирование элементов категории,
- соотносит индивидуально профилируемые и коллективно признанные репрезентативные элементы категории;
- позволяет различать идеальную норму и отклонения от нее;

- является когнитивным механизмом образной рациональности, включенным в процедуры суждения, оценки, планирования, постановки целей;

- становится механизмом расширения отношений внутри категории или между категориями (например, может использоваться для мотивировки и определения контрастирующей субкатегории или проецироваться на структуру матричного формата знания и др.).

1.2.2. Содержательная организация социального стереотипа. Структурно-содержательная модель гендерного стереотипа

В отечественной когнитивной лингвистике исследуется специфика социального стереотипа как формата знания (Н.Н. Болдырев, В.В. Красных, В.А. Маслова, И.Г. Серова и др.). Так, В.В. Красных определяет социальный стереотип по отношению к концепту. Стереотип представляет фиксированную ментальную «картинку», являющуюся результатом отражения в сознании личности «типового» фрагмента картины мира. Автор различает стереотип-представление как «некое устойчивое, минимизированно-инвариантное, обусловленное национально-культурной спецификой представление о предмете или о ситуации» [Красных 2002: 179] и стереотипы поведения, которые «представляют собой инварианты деятельности, определяют коммуникативное (и в том числе – вербальное) поведение в той или иной коммуникативной ситуации» [Красных 2002: 179]. Таким образом, за стереотипом стоит вектор предсказуемых образных и нормативных ассоциаций, характерных для конкретного лингвокультурного сообщества.

При определении концепта автор руководствуется определением А. Вежбицкой, с позиции которой концепт представляет собой объект из мира «Идеальное», имеет имя, отражает определенные культурно обусловленные представления человека о мире [Вежбицкая 1996]. Национальный концепт, определяет В.В. Красных, – «самая общая,

максимально абстрагированная, но конкретно репрезентируемая (языковому) сознанию, подвергшаяся когнитивной обработке идея «предмета» в совокупности всех валентных связей, отмеченных национально-культурной маркированностью» [Красных 2002: 184].

Таким образом, с позиции автора, концепт и стереотип – знание разного уровня абстракции и способа функционирования в лингвокультуре. Концепт представляет собой понятие более абстрактного уровня, является феноменом парадигматического плана, в то время как стереотип более конкретен в силу своей образной природы и функционален, т.к. проявляется в коммуникативном поведении. В то же время концепт и стереотип обладают национальной спецификой, в основе имеют схематичный образ, могут вызывать предсказуемые, хранящиеся в долговременной памяти ассоциации.

Мы согласимся с утверждением автора, что стереотип является культурно значимым схематичным представлением о «типовом» фрагменте картины мира. Также считаем плодотворным выделение образно-содержательного и нормативно-оценочного аспектов социального стереотипа. Однако более перспективной представляется точка зрения на концепт как формат знания, способный к расширению, включающий как образно-символические, так и абстрактно-теоретические структуры.

В когнитивной теории языка Н.Н. Болдырева социальный стереотип рассматривается в контексте типологии концептов как структурированной единицы знания. Автор проводит разграничение «понятия» и «концепта». Областью определения понятия является теоретическое познание: «Понятие – это рациональный, логически осмысленный концепт» [Болдырев 2019б: 54]. Тематическую область концепта представляет когниция. Концепт с позиции когнитивного подхода к языку, разделяемого автором, есть «оперативная содержательная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга (*lingua mentalis*), всей картины мира, отраженной в человеческой психике» [Кубрякова и др. 1996: 90].

Оперируя концептом в различных коммуникативных контекстах, мы обнаруживаем ряд характеристик (концептуальных признаков), различающихся по степени абстрактности. Ядро концепта составляют конкретно-образные компоненты, отсылающие нас к сохраняющемуся в долговременной памяти прототипу. Прототипический образ, первоначально определяющий семантическую составляющую концепта, впоследствии становится определенной точкой референции для выводного или специального знания, полученного в результате теоретического познания. Конфигурирование признаков носит как индивидуальный, поскольку зависит от условий формирования концепта у отдельного человека, так и коллективный характер вследствие определенной стандартизации содержания концепта на общенациональном или коллективном (групповом) уровнях, что следует учитывать при типологии концептов. Следовательно, концепт представляет собой структурированное, не имеющее фиксированных границ, включенное в сложно организованные концептуально-тематические области знание.

Познавательная модель концепта может строиться только в контексте процесса концептуализации, формирующего знание. Исследование концепта в содержательном аспекте «предусматривает анализ соответствующей тематической области, ее структуры и содержания, а также различных способов и уровней их репрезентации в языке» [Болдырев 2019б: 64]. Анализ концепта в функциональном аспекте «характеризует, скорее, конкретные процессы репрезентации концептуального содержания и, как следствие, формирования и передачи конкретных смыслов в высказывании» [Болдырев 2019б: 64].

Структурно-содержательная типология концептов ориентирована на различные принципы организации знания, на основе которых выделяются форматы (структуры) знания. В данной типологии социальный стереотип представлен как прототип – «это категориальный концепт, дающий представление о типичном члене определенной категории, его прототипе.

Это могут быть типичные примеры, социальные стереотипы, идеалы, образцы или описательно представленные концепты в виде перечня наиболее типичных характеристик» [Болдырев 2019б: 56]. Социальный стереотип, таким образом, встроен в прототипическую структуру категории и служит когнитивным ориентиром для ранжирования ее компонентов.

Нам представляется справедливым утверждение автора о различении аспектов концептуализации по целям и методологии исследования. В то же время содержательный и функциональный аспекты, в нашем понимании, дополняют друг друга, поскольку механизмы концептуализации и категоризации, а также структура концепта коррелируют друг с другом. Так, метонимическая идеализированная когнитивная модель как один из механизмов категоризации в концепции Дж. Лакоффа структурирует гендерную категорию «МАТЬ», выделяя наиболее репрезентативный компонент, соответствующий социальным ожиданиям. В традиционной культуре, где наиболее репрезентативной характеристикой матери является воспитание детей, центральным элементом становится субкатегория «МАТЬ-ДОМОХОЗЯЙКА», замещающая категорию в целом, – идеализированное представление о типичной, «настоящей матери», по отношению к которой производится ранжирование видов матерей. Стереотип «МАТЬ-ДОМОХОЗЯЙКА» также используется для определения контрастирующей субкатегории «РАБОТАЮЩАЯ МАТЬ», которая релевантна модели воспитания, но воспринимается как отклонение от нормы.

Языковые выражения проявляют корреляционную связь структуры категории с порождающей ее ИКМ. Так, в традиционной метонимической ИКМ высказывание «*Она мать, но она не ведет домашнее хозяйство*» представляет норму, а высказывание «*Она мать, но она ведет домашнее хозяйство*» – отклонение от нее, в то время как в нетрадиционной модели первое высказывание выражает отклонение, а второе является нормой [Лакофф 2011: 116].

В теории ИКМ категория «МАТЬ» структурируется также кластерной моделью – типом модели, когда «ряд когнитивных моделей объединяется в составной пучок (кластер), являющийся с психологической точки зрения более базовым, чем вошедшие в него модели в отдельности» [Лакофф 2011: 107]. Метонимическая модель социального стереотипа определяется относительно одной модели кластера. Объединяясь с кластерной моделью, социальный стереотип включается в сложную структуру радиальной категории с составным прототипом, которая является источником линейной структуры репрезентативности категории в форме выраженной асимметрии центральной и периферийных моделей. Так, традиционная кластерная модель «МАТЬ» объединяет ряд различных ИКМ (генетическая модель, модель воспитания, супружеская модель, генеалогическая модель) с выраженной иерархией центрального прототипического случая (сочетание наиболее репрезентативных характеристик), воспринимаемого в качестве идеализированной нормы, и его ранжированных непрототипических вариантов, связанных с идеальным случаем. Но даже в сложно организованных, нетрадиционных культурах, когда модели расходятся в кластере между собой, для определения «настоящей матери» требуется сделать выбор в пользу наиболее базовой модели, что находит свое отражение в практике словарей.

Однако радиальная структура категории не сводится только к структуре репрезентативности: «Радиальная структура – это структура, где есть центральный случай и его конвенционализированные разновидности, которые не могут быть выведены из центрального по общему правилу» [Лакофф 2011: 119]. Полное исследование структуры категории производится автором по следующей методике:

1. Выделить прототипический случай и произвести ранжирование его непрототипических вариаций (центральная модель: «МАТЬ» – женщина, которая родила, будучи в браке, растит ребенка, является его юридическим

попечителем; периферия: «МАЧЕХА», «ПРИЕМНАЯ МАТЬ», «МАТЬ-ОДИНОЧКА» и др.).

2. Отмечать появление новых субкатегориальных элементов ИКМ, определяемых конвенционально (например, «СУРРОГАТНАЯ МАТЬ»).

3. Выявить случаи, которые еще не стали категориями (например, транссексуал, который родил ребенка, а потом изменил пол; однополый брак, в котором усыновлен ребенок, и др.).

В нашем исследовании социальный стереотип рассматривается как концепт, включенный в прототип категории как интегративного формата знания, обладающего разнообразием характеристик и неравнозначностью элементов. Прототипические элементы категории имеют все наиболее характерные признаки категории, по отношению к которым производится ранжирование ее элементов, и максимально отличаются от прототипов других категорий по своим характеристикам. В то время как непрототипические элементы обнаруживают ряд признаков, свойственных другим категориям, что обуславливает неопределенность категориальных границ.

Социальный стереотип встраивается в ядро прототипа и представляет собой набор наиболее релевантных признаков, отраженных в языковой репрезентации, соответствующих социальным ожиданиям данной культуры и воспринимаемых как идеализированная норма социально одобряемых поведенческих реакций. Несмотря на схематизм и стандартизацию, стереотипы могут подвергаться критической рефлексии и корректироваться в связи с модернизацией опыта. Индивидуальные интерпретации фонового знания могут, в свою очередь, мотивировать расширение границ и перестройку структуры социального стереотипа в коллективно признанной интерпретации.

Гендерный стереотип как разновидность социального стереотипа в структурно-содержательном аспекте представляет собой прототипический концепт, областью определения которого становятся знания,

репрезентированные категорией ГЕНДЕР (знания о гендерных ролях, гендерных нормах, гендерно обусловленном поведении в пределах его вариативности, гендерных психологических чертах, качествах характера, гендерной идентичности и др.).

Субкатегории МУЖЧИНА/ЖЕНЩИНА коррелируют с базовым уровнем категоризации гендерной концептуально-тематической области энциклопедического знания, на котором непосредственно проявляются прототипические эффекты: выделяется набор наиболее репрезентативных характеристик мужественности/женственности, составляющих ядро гендерного стереотипа, по отношению к которым ранжируются периферийные признаки.

Гендерный стереотип проецируется на более сложные категориальные структуры, на которых прототипические эффекты проявляются опосредованно: встраивается в кластер, объединяющий разные концептуальные структуры; в радиальную структуру, в которой прототипический принцип организации дополняется конвенциональным; в матричную структуру, объединяющую знание разных концептуально-тематических областей энциклопедического знания (мужская и женская поэзия – литература, мужская и женская стратегии власти – политология, маскулинный и феминный когнитивные стили – философия и др.).

Анкетирование, проведенное с целью выявления типических личностных характеристик и сфер реализации мужчин и женщин, позволило произвести анализ содержания и структуры концептов МУЖЧИНА/ЖЕНЩИНА:

- составить перечень гендерно маркированных качеств с указанием частотности употребления;
- произвести анализ словарных дефиниций с целью установления всех возможных значений;
- выделить лексико-тематические группы на основе общности денотативных компонентов;

- произвести ранжирование тематических групп;
- выявить наиболее репрезентативные характеристики мужественности и женственности, составляющие ядро стереотипа, а также менее типичные признаки предъядерной зоны и периферии;
- составить перечень сфер реализации мужчин и женщин;
- объединить их в тематические группы по характеру деятельности базового уровня;
- обобщить данные группы в блоки социальной деятельности на суперординатном уровне;
- выявить детализацию групп на субординатном уровне.

Результаты анализа представлены в моделях прототипической организации базовых гендерных концептов и таксономической организации типических сфер реализации мужчин и женщин. Данные модели позволят реконструировать содержание и структуру концептов МУЖЧИНА/ЖЕНЩИНА в современной коллективной (групповой) интерпретации носителей русского языка.

1.2.3. Социальный стереотип как модель репрезентации в когнитивном исследовании языка. Интерпретационная модель гендерного стереотипа

В современных когнитивных лингвистических исследованиях преобладает интерпретационный подход к социальным стереотипам (Н.Н. Болдырев, В.З. Демьянков, О.Г. Дубровская, И.Г. Серова и др.). С данной точки зрения когнитивная способность человека понимается как интерпретационная способность: «понятие языковой когниции совпадает с тем, что в последние годы, в рамках интерпретационизма, называют интерпретацией в широком смысле, охватывающей фактически все действия над языком, когда для этих действий появляется повод – речь» [Демьянков 1994а: 30].

В работах Н.Н. Болдырева, О.Г. Дубровской [Болдырев 2011; Болдырев 2019б; Дубровская 2015] вводится понятие когнитивно-дискурсивная интерпретанта (КДИ) как маркер социокультурной специфики дискурса. Если интерпретанта связывает знак и то, что он обозначает вне контекста и обстоятельств его употребления, то КДИ соотносит конкретный дискурс с определенным социокультурным контекстом («метаконтекстом»), мотивирующим выбор говорящим данного концептуального содержания и языковых средств его репрезентации. КДИ «как область определения для событий внешнего мира» активирует фоновые субъективные (коллективные и личностные) энциклопедические знания, структурированные, интерпретируемые в дискурсе с помощью метаконцептов «как универсальных категорий высокого уровня абстракции, не зависящих от того или иного языка или социокультуры» [Болдырев, Дубровская 2015: 18]. В процессе дискурсивной деятельности субъект «наполняет» метаконцепты конкретным содержанием под влиянием индивидуального опыта и усвоенных знаний о социуме и культуре.

В контексте данной теории СОЦИАЛЬНЫЙ СТЕРЕОТИП, как и другие метаконцепты (РОЛЬ, ЯЗЫКОВОЙ ОПЫТ, ЦЕННОСТЬ, НОРМА), представляет собой фактор формирования социокультурной специфики дискурса, выполняющий интерпретирующие функции селекции (отбор элементов концепта, характеризующих индивидуальный опыт субъекта), классификации (способ категоризации, когда определенные события соотносятся с усвоенной в процессе социализации типологией), оценки (выстраивание индивидуальных предпочтений по коллективной оценочной шкале).

Социальный стереотип как языковая модель репрезентации понимается как «схематический, стандартизированный образ-представление», выражает привычное отношение субъекта к определенному явлению или событию, которое складывается под влиянием социальных условий и предшествующего личного опыта (место рождения, уровень образования,

профессиональная деятельность, возраст, гендерная самоидентификация, уровень жизни, социальный статус и др.). Социальный стереотип предстает как когнитивный регулятор отбора вербальных средств, исходя из социокультурных (энциклопедических) знаний субъекта, профилируемых коммуникативным контекстом; передает отношение субъекта к предмету дискурса, репрезентируемое языковыми маркерами. Таким образом, посредством когнитивных операций социального стереотипа (селекции, классификации, оценки) производится индивидуальная интерпретация определенной концептуально-тематической области знания (например, ЧЕЛОВЕК, ПРИРОДА, ЖИВОТНЫЙ МИР, АРТЕФАКТ, ПРОСТРАНСТВО, ВРЕМЯ и др.), которая служит ориентиром для коллективных когнитивных схем.

Теория когнитивно-дискурсивной интерпретанты конкретизируется в концепции гендерной интерпретанты, которая понимается как «часть значения, отражающая знание гендерных смыслов как «опыта знака», которые должны быть учтены в процессе коммуникации для ее полноценного протекания» [Болдырев, Серова 2007: 48]. Сам гендер образует в языке и культуре фрагмент социально маркированного знания, которое имеет ряд измерений и манифестируется на трех уровнях языковой личности: когнитивном, вербально-семантическом, мотивационно-прагматическом.

Теория гендерной интерпретанты исследует социокультурно обусловленную связь между интерпретируемым объектом и интерпретирующим субъектом, в результате чего становится возможным объединение существующих подходов в изучении знания мужчин и женщин о мужчинах и женщинах и специфики его реализации в дискурсе.

В ходе деятельности по формированию гендерной модели объекта источниками формирования гендерно маркированной ситуации (ГМС) могут выступать реальная или воображаемая гендерная особенность объекта, гендерная идентичность адресата, а также гендерная идентичность интерпретатора. Центром создания ГМС является интерпретатор, который

определяет объект как мужской или женский и/или оценивает объект с позиции мужчины или женщины, что определяет специфику гендерной параметризации объекта. В данном случае, утверждают авторы, необходимо учитывать следующие обстоятельства:

- интерпретатор может представлять собой как коллективный, так и индивидуальный субъект;
- интерпретация является непрерывным процессом и «никогда не может завершиться».

Таким образом, гендерная интерпретанта в концепции Н.Н. Болдырева и И.Г. Серовой представляет часть языкового значения, областью определения которой является концептуально тематическая область как совокупность знаний о гендере, интерпретируемая в конкретном дискурсе.

Э. Андерсон предлагает описание данной области и утверждает, что гендер конструируется фрагментом гендерно маркированного знания, который репрезентирует гендерные стереотипы – стандартные мнения о социальном поведении каждой из двух биосоциальных групп, функционирующих в языке и культуре в форме упрощенных суждений о гендерных ролях, гендерных нормах, гендерно обусловленном поведении в пределах его вариативности, гендерных психологических чертах (пороках и добродетелях), гендерной идентичности как нормальной/проблемной ситуации, гендерно обусловленных эмоциях, отношениях, интересах и умениях, гендерном символизме и гендерно обусловленных когнитивных стилях [Anderson 2004].

В данной работе мы используем интерпретационный подход, с позиции которого социальный стереотип рассматривается как когнитивный механизм отбора, интерпретации, оценки фонового знания, активированного в дискурсе и репрезентируемого в языке. Однако считаем, что «метаконцепт» – понятие теоретического дискурса, а в обыденном дискурсе социальный стереотип представляет культурно значимый структурированный фрагмент гендерно маркированной концептуально-тематической области, релевантный

определенным способам и уровням языковой репрезентации. Гендерный стереотип как механизм структурирования базового уровня гендерной концептуально-тематической области энциклопедического знания использует когнитивные операции селекции, классификации, оценки, а также проецируется на более абстрактные или детализированные концептуальные структуры посредством когнитивных механизмов разного уровня сложности (метонимия, метафора, объединение в кластер, порождение радиальной структуры, профилирование, фонирование, уточнение, изменение области определения, сравнение, перспектива, точка референции и др.).

Мы считаем продуктивным для анализа гендерных стереотипов понятие гендерной интерпретанты, в качестве которой могут выступать области определения как непосредственно гендерных признаков (качества характера мужчин и женщин, гендерные роли, нормы поведения и др.), так и опосредованных социальных характеристик (например, фактор возраста, который косвенно указывает на вариативность границ гендерного стереотипа и соотносится с другими социальными параметрами, такими как образование, социальный статус и др.).

Таким образом, исследование опирается на понимание гендерного стереотипа как устойчивого, социально признанного и лексически выраженного сочетания наиболее репрезентативных характеристик мужественности и женственности, типических сфер реализации мужчин и женщин, функционирующих в качестве экономной, нормативно-оценочной схемы осмысления и языковой интерпретации гендерной параметризации дискурса.

Гендерный стереотип обладает рядом признаков: он представляет образно-символический фрагмент знания, структурируемый и интерпретируемый посредством взаимной корреляции индивидуальной и коллективной (групповой) гендерно маркированной области концептуальной системы представителей конкретной лингвокультуры; имеет устойчивые языковые репрезентации (клише); функционирует в качестве нормативно-

оценочной когнитивной схемы, производящей структурирование тематических областей гендерно маркированного знания и отбор вербальных средств, релевантных конкретной дискурсивной практике, а также позволяющей различать норму и отклонение от нее.

Выводы к Главе I

1. В основу анализа языкового материала исследования положены когнитивные модели языка, которые являются динамическими корреляционными онтогносеологическими моделями. По их языковой репрезентации можно реконструировать как когнитивную структуру, имплицитно мотивирующую языковое значение (способ категоризации), так и ценностно-целевой смыслообразующий контекст, неявно присутствующий в речевой вариативности когнитивных проекций (способ понимания). Результатом первичной языковой репрезентации становятся корреляции концептуально-тематических областей и лексически представленных концептов и категорий, функционирующие в качестве коллективных когнитивных схем, формирующих языковое сознание конкретного лингвокультурного сообщества («общая когнитивная матрица»). Вторичная языковая концептуализация и категоризация ориентирована на уже представленные в языке коллективные знания и осуществляет репрезентацию по прототипическому принципу с выраженной таксономической иерархией от базового уровня в сторону обобщения или детализации с помощью собственно языковых механизмов (вторичная номинация, словообразовательная номинация, эвфемизация, дисфемизация, синонимическая или антонимическая замена и др.).

2. В данной работе социальный стереотип рассматривается как когнитивный механизм отбора, интерпретации, оценки фонового знания, активированного в дискурсе и репрезентируемого в языке. Гендерный стереотип как механизм структурирования базового уровня гендерной концептуально-тематической области энциклопедического знания

использует когнитивные операции селекции, классификации, оценки, а также проецируется на более абстрактные или детализированные концептуальные структуры посредством когнитивных механизмов разного уровня сложности (метонимия, метафора, объединение в кластер, порождение радиальной структуры, профилирование, фонирование, уточнение, изменение области определения, сравнение, перспектива, точка референции и др.). Гендерный стереотип можно рассмотреть в двух аспектах: структурно-содержательном и функционально-дискурсивном.

3. Лексическая система языка является переходной зоной естественной и собственно языковой категоризации. Логический инвариант концепта гендерной лексико-тематической области языка (вторичная языковая категоризация), являясь абстракцией от прототипических характеристик базового концепта гендерной концептуально-тематической области, опосредовано коррелирует с данной областью через лексический прототип (первичная языковая категоризация), активирующий ассоциативные связи с прототипическим ядром естественного концепта. Способы структурирования тематических групп позволяют выявить актуализированные в различных речевых дискурсивных практиках наиболее репрезентативные признаки концептов МУЖЧИНА/ЖЕНЩИНА.

4. Представляется продуктивным выделение статического и динамического аспектов языковой концептуализации и категоризации. Представление гендерного стереотипа в статическом аспекте как структурно-содержательной модели знания (тематический концепт) требует выделения базового уровня лексико-семантических характеристик как корреляций наиболее значимых, индивидуально-профилируемых концептуальных признаков мужественности/женственности, определяющих срединный уровень структурирования гендерной тематической области, на котором непосредственно проявляются прототипические эффекты. А также – различения уровней обобщения и/или детализации, требующего дополнительных языковых знаний и когнитивных усилий, на которых

прототипические эффекты присутствуют неявно и обнаруживаются опосредованно. Изложенная методология объясняет суть прототипической модели личностных характеристик мужчины/женщины и таксономической модели сфер типической социальной реализации мужчин/женщин (по результатам анкетирования), представленных во второй главе.

5. Социальный стереотип в динамическом аспекте определяет отбор языковых средств для формирования социально устоявшихся смыслов. Представление модели гендерного стереотипа в функциональном аспекте (операциональный концепт) позволяет по контекстуальным репрезентациям обнаружить динамику прототипических эффектов на базовом уровне концептуализации и категоризации, наличие переходных зон между признаками базового и небазовых уровней. В данном аспекте разрабатывались контекстуальные модели гендерного стереотипа, репрезентирующие доминантный для носителей русского языка коллективный способ категоризации, его когнитивные механизмы (на материале текстового корпуса), также представленные во второй главе.

6. Гендерный стереотип в нашем исследовании понимается как устойчивое, социально признанное и лексически выраженное сочетание наиболее репрезентативных характеристик мужественности и женственности и типических сфер реализации мужчин и женщин, функционирующих в качестве экономной, нормативно-оценочной схемы осмысления и языковой интерпретации гендерной параметризации дискурса. Гендерный стереотип мы рассматриваем как разновидность социального стереотипа и опираемся на фундаментальные положения теории Лакоффа-Джонсона: 1) языковые выражения проявляют корреляционную связь структуры категории с порождающей ее идеализированной когнитивной моделью (в отечественной терминологии – «концептуально-тематическая область»); 2) социальный стереотип как механизм категоризации порождает прототипические эффекты внутри категории. Исходя из этого, определяем важные для концептуальной системы когнитивные функции социального стереотипа:

- социальный стереотип выделяет наилучший пример внутри категории, соответствующий коллективно признанным ожиданиям конкретного лингвокультурного сообщества;
- ограничивает членство и производит ранжирование элементов категории;
- соотносит индивидуально профилируемые и коллективно признанные репрезентативные элементы категории;
- позволяет различать идеальную норму и отклонения от нее;
- является когнитивным механизмом образной рациональности, включенным в процедуры суждения, оценки, планирования, постановки целей;
- становится механизмом расширения отношений внутри категории или между категориями.

7. Гендерный стереотип как разновидность социального стереотипа в структурно-содержательном аспекте представляет собой прототипический концепт, областью определения которого становится гендерно-маркированное знание. Гендерный стереотип коррелирует с базовым уровнем категоризации, на котором выделяется набор наиболее репрезентативных характеристик мужественности/женственности, составляющих ядро гендерного стереотипа, по отношению к которым ранжируются периферийные признаки. Гендерный стереотип проецируется на более сложные категориальные структуры, на которых прототипические эффекты проявляются опосредованно: встраивается в кластер, объединяющий разные концептуальные структуры; в радиальную структуру, в которой прототипический принцип организации дополняется конвенциональным; в матричную структуру, объединяющую знание разных концептуально-тематических областей энциклопедического знания (мужская и женская поэзия – литература, мужская и женская стратегии власти – политология, маскулинный и феминный когнитивные стили – философия).

8. Гендерный стереотип как разновидность социального стереотипа в функционально-дискурсивном аспекте представляет собой когнитивный механизм отбора, интерпретации, оценки языкового значения, областью определения которого является концептуально-тематическая область как совокупность знаний о гендере, активированная и интерпретированная в конкретном дискурсе. По языковой репрезентации можно реконструировать наиболее репрезентативные признаки мужественности/женственности и актуальные тенденции речевой вариативности когнитивных проекций в современном языковом сознании носителей русского языка.

ГЛАВА II. СТРУКТУРНО-СОДЕРЖАТЕЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ И КОНТЕКСТУАЛЬНАЯ ВАРИАТИВНОСТЬ КОНЦЕПТОВ МУЖЧИНА/ЖЕНЩИНА В ИХ ЯЗЫКОВОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ

2.1. Прототипическая организация концептов МУЖЧИНА/ЖЕНЩИНА в групповом языковом сознании

Структура естественной категории играет важную роль в мыслительных процессах, формируя содержание языковой категории. Следовательно, по лексически выраженным признакам можно реконструировать организацию исследуемых концептов.

В рамках исследования было проведено анкетирование, в котором приняли участие 315 респондентов (85 мужчин и 230 женщин). Анкета была выложена в Интернет-пространстве и находилась в свободном доступе. Наиболее многочисленной группой респондентов по возрастному показателю является группа 18–23 года – 120 респондентов, далее следуют группы 24–29 лет – 82, 30–39 лет – 54, 40–49 лет – 30, 50 лет и старше – 29 респондентов. Большинство из них имеет или получает высшее образование – 279, число респондентов со средним или средне-специальным образованием составляет 23 и 13 соответственно. В результате материалом для анализа послужили 1238 реакций о типично мужских и 1242 реакции о типично женских качествах характера и поведенческих характеристиках; 1025 реакций о типично мужских и 960 реакций о типично женских сферах деятельности. При анализе все ответы респондентов были приняты во внимание. Вопросы анкеты представлены в Приложении.

В данном параграфе рассматриваются реакции о типично мужских и типично женских качествах характера и поведенческих характеристиках. Полученные реакции информантов группируются «на понятийной основе», «по смысловым (идеографическим) группам, внутри которых соотносятся с общим для них понятием» [СТРП 2015: 20]. Многие качества являются

полисемантичными, соотносимыми с различными тематическими группами. Данный аспект исследования был отражен на графах полисемантичных мужских и женских качеств, построенных с помощью графопостроителя Gephi. В результате была составлена модель прототипической структуры базовых гендерных концептов в современной групповой интерпретации.

2.1.1. Прототипическая организация концепта МУЖЧИНА

Большинство реакций респондентов, маркирующих идеализированный образ мужчины, относятся к тематической группе «**Качества личности**» (933 реакции), ранжирование которых с абсолютной частотой от 20 раз и выше представлено в Таблице 1:

Таблица 1

Компоненты группы «Качества личности»

Наименование качества	Вербализаторы	Частотность
Ответственность	<i>Ответственность</i> ¹ (72), <i>ответственный</i> (7), <i>ответственность за поступки</i> (1), <i>ответственность за свои поступки</i> (1), <i>готовы принимать ответственность</i> (1), <i>умение брать ответственность</i> (1), <i>умение брать ответственность и разделять ее</i> (1), <i>умение брать ответственность на себя</i> (1)	85
Сила	<i>Сила</i> (48), <i>сильный</i> (18), <i>физическая сила</i> (4), <i>сильные</i> (2), <i>сила (характера и физическая)</i> (1), <i>сила характера/духа</i> (1), <i>сильнохарактерность</i> (1), <i>сильный характер</i> (1), <i>физически сильный</i> (1)	77
Мужество	<i>Мужество</i> (32), <i>мужественность</i> (26), <i>мужественный</i> (5), <i>смелость/мужественность</i> (1)	64
Смелость	<i>Смелость</i> (40), <i>смелый</i> (5), <i>смелость/мужественность</i> (1)	46
Уверенность	<i>Уверенность</i> (27), <i>уверенность в себе</i> (9), <i>уверенность в своей правоте</i> (1), <i>уверенность в себе и своих решениях</i> (1), <i>уверенный</i> (1), <i>уверенный в себе</i> (1)	40

¹ Здесь и далее сохранено авторское правописание.

Надежность	<i>Надежность (28), надежный (8)</i>	36
Решительность	<i>Решительность (28), решительный (3), умение принимать решение (2), умение принимать решения (1), уметь принимать решения (1), более решительные (1)</i>	36
Ум	<i>Ум (19), умный (9), трезвый ум (1), якобы самый умный (1)</i>	30
Целеустремленность	<i>Целеустремленность (25), устремленность (2), устремленность к цели (1), целеустремленный (1)</i>	29
Честность	<i>Честность (24), честный (3)</i>	27
Чувство юмора	<i>Чувство юмора (15), юмор (2), с чувством юмора (2), иметь чувство юмора (1), с чувством юмора и самоиронии (1), хорошее чувство юмора (1)</i>	22

Среди указанных качеств доминантами можно считать личностные характеристики с абсолютной частотой употребления от 40 раз и выше: *ответственность, сила, мужество, смелость, уверенность.*

В область определения *ответственности*, помимо свойства характера мужчины, включены компоненты ‘добросовестное отношение к выполнению своих обязанностей’ («Деловые качества»), ‘высокоразвитое чувство долга’, ‘обязанность отвечать за свои поступки’ («Моральные качества»). Рассматривая репрезентацию качества по отношению к профессиональной деятельности, можно отметить синонимы *дисциплинированность (4), организованность (4), пунктуальность (3)* и др.

Сила может быть соотнесена и с группой «Волевые качества». С одной стороны, она характеризует человека, который ‘отличается твердым волевым характером’ [Ефремова]. Некоторые респонденты конкретизируют данное качество с помощью уточняющих маркеров *сила воли, сила духа, сила (характера и физическая)* и др. С другой стороны, *сила* маркирует деятельность, связанную с ‘определенной степенью напряженности, устремленности’ [Ефремова]. Можно выделить синонимический ряд, где реализуются различные конфигурации значимости данного качества: физическая сила – *выносливость (9), крепкий (1)*; обладание властью и

могуществом – *властность* (3), *главенство* (1), *доминантность* (1);
обладание волей – *решительность* (28), *твердость* (8), *выдержка* (3).

Качество *мужество*, воспринимаемое как собирательное, относится к нескольким группам концептуальных признаков. Оно одновременно маркирует ‘душевную стойкость и смелость’ [Ефремова] («Волевые качества») и подразумевает определенный стандарт достойного поведения («Моральные качества»). Данное качество репрезентируется не только лексическими единицами *мужество* (32), *мужественность* (26), *мужественный* (5). По данным «Русского ассоциативного словаря», прямыми ассоциациями по отношению к данному качеству являются признаки *храбрость*, *героизм*, *отвага*, *сила*, *смелость*, *выносливость* и др. [РАС]. Л.Г. Бабенко в качестве синонимов выделяет *храбрость*, *бесстрашие*, *смелость*, *героизм* [ССРЯ 2011].

Смелость представлена синонимическим рядом существительных *смелость* (40), *храбрость* (13), *отвага* (6), *бесстрашие* (1), *героизм* (1) и прилагательных *смелый* (5), *нетрусливый* (1), *рискованный* (1), *храбрый* (1).

Уверенность маркируется не только лексическими единицами *уверенность* (27), *уверенный* (1) как ‘не сомневающийся в своих силах, возможностях’, но и конкретизируется компонентами *уверенность в своей правоте* (1), *уверенность в себе и своих решениях* (1) и др.

С точки зрения лексико-морфологической репрезентации тематическая группа «Качества личности» представлена абстрактными существительными; в деривационно-эпидигматических связях – однокоренными прилагательными (*ответственный* – *ответственность*, *сильный* – *сила*), окказиональными существительными (*сильнохарактерность* – контаминационная метафора); в синтагматике – конкретизирующими согласованными и несогласованными определениями (*физическая сила*, *сила характера*, *сила духа*), дополнением со значением объекта-каузатора (*ответственность за свои поступки*, *уверенность в себе и своих решениях*); в парадигматике – синонимической заменой (*смелость* – *мужественность*,

решительность – умение принимать решение), гиперо-гипонимическими отношениями (*умение брать ответственность, сила духа*), отношениями сужения, спецификации (*сильный характер, физически сильный*).

Механизм профилирования (когнитивной выделенности признака) активируется полисемантической языковых единиц, концептуальные признаки объективируются с помощью метафорических (*сила характера, брать ответственность, принять решение*) и метонимических моделей (*иметь чувство юмора*). Зона-донор для метафорического переосмысления – физические сущности. В ответах на вопросы анкеты используется лексическая метафора – идентифицирующая или индикативная. Подобие основано на реальном сходстве различных концептуальных областей. Результатом такого уподобления является конкретизация значения лексической единицы, «опредмечивание» абстрактных понятий. Чужое предметное значение создает новый образ (модус *как*): *сила характера – ‘невозможность сломать, разрушить’, ‘устойчивость под любой силой воздействия’* (механизм семантической конверсии).

Модус интерпретации указанных в ответах личностных качеств положительно-оценочный, что определяет ценностную интерпретацию называемых концептуальных признаков.

Фрейм/пропозициональная структура тематической области «Качества личности» включает следующие компоненты: объект характеристики – предикативный признак – атрибутивный признак – источник/каузатор признака.

«Волевые качества» (349 реакций)

Качества данной группы преимущественно маркируют проявление упорства и настойчивости, подчеркивают стремление к осуществлению поставленных целей. Наиболее частотным употребляемым качеством является *сила* (48)/*сильный* (18), понимаемая как проявление не только физической силы – *физическая сила* (4), но и силы характера – *сила воли* (3), *сила духа* (2).

Ряд реакций представляет качества, необходимые для достижения целей, а обозначающие их лексические единицы содержат компоненты значения ‘стремление’, ‘настойчивость’ [Ефремова]: *целеустремленность* (25), *упрямство* (9), *упорство* (7), *напористость* (4) и др.

Кроме того, отмечается склонность к принятию решений – *решительность* (28)/*решительный* (3), *решимость* (4), *более решительные* (1). Реакции *выносливость* (9), *терпеливость* (5)/*терпение* (3)/*терпеливый* (2), *твердость* (8), *стойкость* (6)/*стойкий* (1), *выдержка* (3), *усидчивый* (1)/*усидчивость* (1) акцентируют внимание на высоком самоконтроле, самообладании и содержат компоненты ‘способный выдержать’, ‘стойкий’ [Ефремова].

В меньшей степени респонденты отмечают отсутствие так называемых волевых качеств у мужчин, акцентируя внимание на пассивности, моральной незрелости. Например, *пассивность* (4), *несамостоятельность* (2), *нерешительный* (1), *инертность* (1), *отсутствие целеустремленности* (1), *расхлябанность* (1) и др.

С точки зрения лексико-морфологической репрезентации тематическая группа «Волевые качества» представлена преимущественно абстрактными существительными; лексическими единицами со сниженной стилистической окраской (*расхлябанность*). В деривационно-эпидигматических связях – парами однокоренных лексических единиц существительное – прилагательное (*решительность* – *решительный*, *стойкость* – *стойкий*, *усидчивость* – *усидчивый*); окказиональными существительными (*терпеливость*). С точки зрения синтагматической репрезентации – конкретизирующими согласованными определениями (*физическая сила*), дополнением со значением объекта-каузатора (*сила воли, сила духа*). С точки зрения парадигматической репрезентации – синонимическими рядами существительных с компонентами значения ‘стремление, настойчивость’, ‘способный выдержать’; отношениями спецификации (*сила воли, сила духа*).

Механизм профилирования активируется полисемантической языковых единиц, концептуальные признаки объективируются с помощью метафорических моделей (*инертность, твердость, стойкость*), которые выражены лексическими метафорами, когда физическое свойство объекта переносится на качество личности.

Отрицательная оценка в ответах респондентов связана с модусом отрицания, при котором стереотипные качества данной тематической группы формируются по принципу оппозиции с помощью морфем или языковых единиц, имеющих отрицательное значение (*несамостоятельность, нерешительность, отсутствие целеустремленности*). Также механизм оппозиции проявляется при сравнении типично мужских качеств с типично женскими при помощи использования слов-интенсификаторов и форм сравнительной степени прилагательных (*более решительные*).

Фрейм/пропозициональная структура тематической области «Волевые качества» включает следующие компоненты: объект характеристики – предикативный признак – атрибутивный признак – источник/каузатор признака.

«Деловые качества» (301 реакция)

Данная группа маркирует качества, необходимые для осуществления успешной профессиональной деятельности. Некоторые реакции напрямую связаны с работоспособностью и расположением к труду и работе – *трудолюбие (8)/трудолюбивость (2)/трудолюбивый (1), работоспособность (4), работающий (1), деловая хватка (1), деловитость (1), увлеченность работой (1)* и др. или характеризуют атрибуты рабочей обстановки – *деловые встречи (1)*.

Вместе с тем респонденты отмечают следующие аспекты деловых качеств:

- старательность и исполнительность: *ответственность (72), серьезность (9), дисциплинированность (4), пунктуальность (3)* и др.;

- способность работать в условиях многозадачности: *стрессоустойчивость* (11), *уравновешенность* (4), *нервоустойчивость* (1) и др.;

- взаимодействие с коллегами: *вежливость* (5), *кооперативность* (1), *стремление к сотрудничеству* (1) и др.;

- способность руководить: *инициативность* (2), *лидерство* (2), *главенство* (1), *руководить* (1) и др.;

- настроенность на карьерный рост: *карьеризм* (1), *ориентироваться на свою успешность и эффективность* (1), *профессиональные амбиции* (1), *стремление к успеху* (1) и др.;

- структурированность в работе: *структурированность* (1), *умение приоритезировать* (1), *точный* (1) в значении ‘пунктуальный, аккуратный’ [Ефремова], *четкий* (1)/*четкость* (1) в значении ‘хорошо организованный’ [Ефремова] и др.

Также в ответах наблюдаются реакции, которые маркируют отсутствие должных профессиональных качеств. Например, *лень* (10)/*ленивость* (11), *пассивность* (4), *пофигизм* (3), *безответственность* (2), *небрежность* (1), *раздолбай* (1), *расхлябанность* (1) и др.

С точки зрения лексико-морфологической репрезентации тематическая группа «Деловые качества» представлена преимущественно абстрактными существительными, лексическими единицами со сниженной стилистической окраской (*пофигизм*, *раздолбай*). В деривационно-эпидигматических связях – однокоренными лексическими единицами (*работоспособность* – *работающий*, *трудолюбие* – *трудолюбивый* и др.), окказиональными существительными (*трудолюбивость*, *нервоустойчивость*, *кооперативность*). С точки зрения синтагматической репрезентации – конкретизирующими согласованными (*профессиональные амбиции*, *деловые встречи*) и несогласованными (*умение приоритезировать*) определениями, дополнениями с объектно-характеризующей семантикой и семантикой каузации (*увлеченность работой*). С точки зрения парадигматической

репрезентации – синонимическими рядами существительных с компонентами значения ‘расположенность к работе’, ‘старательность и исполнительность’, ‘способность руководить’, ‘структурированность в работе’ и др.), отношениями спецификации (*стремление к сотрудничеству*).

Механизм профилирования активизируется полисемантической языковых единиц, концептуальные признаки объективируются с помощью метафорических моделей (*деловая хватка*). В ответах на вопросы респондентами также используется лексическая метафора (*точный, четкий/четкость*).

Модус интерпретации в ответах респондентов можно определить как положительно-оценочный, маркирующий качества, связанные с расположением к труду и добросовестному выполнению обязанностей.

Фрейм/пропозициональная структура тематической области «Деловые качества» включает следующие компоненты: объект характеристики – предикативный признак – атрибутивный признак – источник/каузатор признака.

«Моральные качества» (301 реакция)

Под моральными качествами понимаются внутренние личностные ценности, которые имеют внешнее выражение через манеры и поведение, являются осознанным выбором личности и приобретены путем воспитания и социализации [ФЭС 1983: 387–388]. В большинстве случаев лексические единицы, эксплицирующие данные качества, обладают генерализованным значением ‘чувство долга’: *ответственность* (72), *чувство долга* (2), *совесть* (1) и др. Схожей семантикой обладают реакции *заботливый* (3), *забота* (3), *заботливость* (3), *забота о близких* (2), *способность заботиться* (1) и др. как ‘необходимость уделять внимание дорогим людям’ и одно из проявлений чувства долга [Ефремова].

Также респонденты отмечают различные аспекты моральных качеств:

- приверженность своим принципам: *твёрдость* (8) в значении 'стойкий, непоколебимый, верный своим убеждениям' [Ефремова], *твёрдость характера* (1) и др.;

- *прямолинейность* (7), *прямота* (3), *прямодушие* (1), *большая прямолинейность* (1) в значении 'действующий прямо, по убеждению' [Ефремова];

- *верность* (9) в значении 'неизменная приверженность чему-либо, следование чему-либо' [Ефремова];

- *стойкость* (6), понимаемая как 'непоколебимость' [Ефремова].

Реакции *честность* (24)/*честный* (3)/*честь* (3), *галантность* (3), *порядочность* (2), *благородство* (3) и др. подчеркивают внутреннее достоинство и умение себя вести.

Отдельно выделяются реакции *верность своему слову* (1), *слово и дело едины* (1), *умение держать свое слово* (1) как некий стандарт достойного поведения.

Так называемые «отрицательные» моральные качества менее частотны: *безответственность* (2), *конъюнктуристики* (1) в значении 'беспринципный человек, действующий в зависимости от сложившейся в данный момент ситуации' [Ефремова], *подвержены вредным привычкам* (1).

С точки зрения лексико-морфологической репрезентации тематическая группа «Моральные качества» представлена преимущественно абстрактными существительными. В деривационно-эпидигматических связях – однокоренными лексическими единицами (*прямолинейность* – *прямота*, *честность* – *честный* – *честь*; *заботливость* – *забота*). С точки зрения синтагматической репрезентации – конкретизирующими несогласованными определениями (*чувство долга*, *твёрдость характера*, *верность своему слову*), существительными с прилагательными в форме сравнительной степени (*большая прямолинейность*) дополнением со значением объекта (*забота о близких*), парфразой (*слово и дело едины*). С точки зрения парадигматической репрезентации – синонимическими рядами

существительных с компонентами значения ‘чувство долга’, ‘действующий прямо, по убеждению’, ‘внутреннее достоинство и умение себя вести’; гиперо-гипонимическими отношениями (*умение держать свое слово, способность заботиться*).

Механизм профилирования активируется полисемантической языковых единиц, концептуальные признаки объективируются с помощью метафорических моделей (*стойкость, твердость*), которые выражены лексическими метафорами, когда физическое свойство объекта переносится на качество личности.

Оценочный модус интерпретации имеет как положительно-оценочную семантику и маркирует наличие высоких моральных качеств, так и отрицательную семантику, при которой стереотипные качества данной тематической группы формируются по принципу оппозиции (*ответственность – безответственность*).

Фрейм/пропозициональная структура тематической области «Моральные качества» включает следующие компоненты: объект характеристики – предикативный признак – атрибутивный признак – источник/каузатор признака.

«Интеллектуальные качества» (181 реакция)

Качества данной группы маркируют высокие интеллектуальные способности, мыслительную активность в целом – *ум* (19)/*умный* (9), *интеллект* (6), *мудрость* (4)/*мудрый* (1), *интеллектуал* (1) и др., а также *чувство юмора* (15), *остроумие* (3), *острый юмор* (1), *хорошее чувство юмора* (1), понимаемое как ‘изоощренность мысли, острота ума’ [Ефремова]. Отмечается и высокий уровень образования, широкий кругозор в целом: *образованность* (1), *грамотный* (1), *начитанный* (1) и др.

Способность мужчины ‘руководствоваться в своих действиях требованиями рассудка, здравого смысла’ и качества, ‘отличающиеся преобладанием рассудка над чувством’ [Ефремова], эксплицируются с

помощью реакций *рассудительность* (9)/*рассудительный* (1), *рациональность* (7)/*рационализм* (1)/*рациональный* (1), *логика* (4), *аналитическое мышление* (1), *аналитический склад ума* (1), *рассудочность* (1), *рациональное мышление* (1), *трезвый ум* (1) и др.

Кроме того, акцентируется внимание на 'вдумчивости в мыслях и поступках' [Ефремова] – *серьезность* (9), *расчетливость* (5), *осознанность* (1) и др. и на 'спокойном состоянии, при котором сохраняется выдержка и ясность мысли' [Ефремова] – *хладнокровие* (7), *хладнокровность* (2), *холодный ум* (1) и др.

Низкие интеллектуальные способности передаются реакциями *глупый* (1), *иррациональность* (1), *нелогичность* (1), *раздолбай* (1) (в значении '1. жарг., бран. глупый, никчемный человек, бездельник' [Викисловарь]), а реакция *якобы самый умный* (1) несет в себе дополнительную ироничную оценку.

С точки зрения лексико-морфологической репрезентации тематическая группа «Интеллектуальные качества» представлена абстрактными существительными, прилагательными, лексическими единицами со сниженной стилистической окраской (*раздолбай*). В деривационно-эпидигматических связях – преимущественно парами однокоренных лексических единиц абстрактное существительное–прилагательное и абстрактное существительное–существительное со значением субъекта (*ум – умный, интеллект – интеллектуал*); окказиональными существительными (*хладнокровность*). С точки зрения синтагматической репрезентации – согласованными определениями (*рациональное мышление*); устойчивыми метафорическими словосочетаниями (*трезвый ум, аналитический склад ума, холодный ум*);

Механизм профилирования активизируется полисемантической языковых единиц, концептуальные признаки объективируются с помощью механизма спецификации (*чувство юмора – хорошее чувство юмора*).

Отрицательная оценка в ответах респондентов связана с модусом отрицания, при котором стереотипные качества данной тематической группы формируются по принципу оппозиции с помощью морфем, имеющих значение отрицания (*иррациональность, нелогичность*). Также в ответах модус оценки совмещается с модусом отрицания (*якобы самый умный*).

Фрейм/пропозициональная структура тематической области «Интеллектуальные качества» включает следующие компоненты: объект характеристики – предикативный признак – атрибутивный признак – источник/каузатор признака.

«Эмоциональные качества» (97 реакций)

Качества данной группы организованы по принципу неявной оппозиции и свидетельствуют о том, что мужчины менее эмоциональны, чем женщины: *уравновешенность* (4), *закрытость* (3), *уравновешенность эмоций* (1), *безэмоциональность* (1), *менее эмоциональные* (1), *низкий уровень эмоциональности* (1), *относительное непроявление эмоций* (1), *сухие* (1) в значении ‘лишенный выразительности, эмоциональности. || скупой, лаконичный’ [Ефремова] и др. Ряд ответов передает мнение респондентов о том, что мужчины могут контролировать свое эмоциональное состояние: *спокойствие* (8), *уравновешенность* (4), *невозмутимость* (1), *эмоциональная стабильность* (1) и др.

Также респондентами акцентируется внимание на том, что мужчинам не свойственно делиться своими эмоциями: *закрытость* (3), *склонность скрывать свои чувства и эмоции* (1) и др.

Реже встречаются реакции, которые передают способность мужчин проявлять яркие эмоции и испытывать душевные переживания: *импульсивность* (2), *вспыльчивые* (1)/*вспыльчивый* (1), *драйв* (1), *ранимость* (1) и др.

С точки зрения лексико-морфологической репрезентации тематическая группа «Эмоциональные качества» представлена преимущественно

абстрактными существительными, реже – прилагательными в форме единственного и множественного числа (*вспыльчивый, вспыльчивые*). В деривационно-эпидигматических связях – окказиональными существительными (*непроявление, безэмоциональность*). С точки зрения синтагматической репрезентации – согласованными определениями (*эмоциональная стабильность*), глагольными словосочетаниями (*скрывать свои чувства и эмоции*), парафразами (*склонность скрывать свои чувства и эмоции, низкий уровень эмоциональности, относительное непроявление эмоций*).

Механизм профилирования активируется полисемантической языковых единиц, концептуальные признаки объективируются с помощью метафорических моделей (*закрытость, сухие*), которые выражены лексическими метафорами, когда физическое свойство объекта переносится на качество личности.

Отрицательная оценка в ответах респондентов связана с модусом отрицания, при котором стереотипные качества данной тематической группы формируются по принципу оппозиции с помощью морфем или языковых единиц, имеющих отрицательное значение (*безэмоциональность, менее эмоциональны, низкий уровень эмоциональности, относительное непроявление эмоций*). Данная тенденция организована по принципу оппозиции, когда способность женщины проявлять свои эмоции или быстро менять свое эмоциональное состояние противопоставляется эмоциональной стабильности мужчин.

Фрейм/пропозициональная структура тематической области «Эмоциональные качества» включает следующие компоненты: объект характеристики – предикативный признак – атрибутивный признак – источник/каузатор признака.

«Семейные качества» (91 реакция)

В данной группе отмечаются качества, которые могут составить собирательный образ «настоящий семьянин» и ассоциируются в сознании респондентов с тем, как именно мужчина должен вести себя в семье. Наиболее частотными реакциями являются *надежность* (28)/*надежный* (8) как ‘такой, на которого можно положиться; внушающий доверие’ [Ефремова], *верность* (9) и *стабильность* (4) как постоянство в чувствах [Ефремова], *заботливый* (3)/*забота* (3)/*заботливость* (3)/*забота о близких* (2) как проявление внимания, попечительство [ССРЯ 2011].

Ценность семьи для мужчины представлена реакциями *любовь к семье* (1), *отношение к женщинам и детям и семье* (1), а традиционные стереотипные роли – реакциями *защита* (2)/*готовность защищать* (1)/*защита семьи* (1)/*защищающий* (1), *кормилец* (1)/*прокормить семью* (1), *опора* (1), *сильное плечо* (1), *умение обеспечивать* (2), *хороший семьянин* (1) и др.

В меньшей степени в ответах респондентов присутствуют реакции, которые маркируют непостоянство и ветреность мужчины: *свободолюбие* (2), *любвеобильность* (1), *непостоянство* (1) и др.

С точки зрения деривационно-эпидигматических связей тематическая группа «Семейные качества» представлена преимущественно парами однокоренных лексических единиц абстрактное существительное – прилагательное (*надежность* – *надежный*), а также рядом однокоренных лексических единиц (*забота*, *заботливый*, *заботливость*); окказиональными существительными (*любвеобильность*). С точки зрения синтагматической репрезентации – согласованными определениями (*хороший семьянин*) и объектными распространителями (*готовность защищать*, *любовь к семье*, *отношение к женщинам и детям и семье*); устойчивыми словосочетаниями (*сильное плечо*); дополнением со значением объекта-каузатора (*прокормить семью*, *защита семьи*). С точки зрения парадигматической репрезентации – синонимическим рядом существительных с компонентом значения

‘постоянство в чувствах’; отношениями спецификации (*умение обеспечивать*).

Механизм профилирования активируется полисемантической языковых единиц, концептуальные признаки объективируются с помощью метафорических моделей (*опора*), которые выражены лексическими метафорами, когда физическое свойство объекта переносится на качество личности.

Фрейм/пропозициональная структура тематической области «Семейные качества» включает следующие компоненты: объект характеристики – предикативный признак – атрибутивный признак – источник/каузатор признака.

«Коммуникативные качества» (84 реакции)

В данную группу качеств вошли такие ответы респондентов, которые характеризуют способность мужчины взаимодействовать с другими людьми. Ряд реакций образуют антонимические пары:

- склонность к общению: *коммуникабельность* (2), *общительность* (1) / *открытость* (1) / *закрытость* (3), *замкнутость* (2), *лаконичность* (2), *молчаливость* (2), *немногословность* (2);

- стиль общения, речевое поведение: *вежливость* (5), *тактичность* (1) / *агрессивность* (6), *агрессия* (5), *грубость* (2), *грубый* (1), *грубые* (1), *дерзость* (1), *резкость* (1);

- отношение к другим людям: *терпимость* (2), *толерантность* (1) / *гомофоб* (1), *сексист* (1) и др.

Можно предположить, что развитые коммуникативные качества, расположенность к общению и взаимодействию с другими людьми могут быть связаны с внимательным отношением к окружающим, проявлением участия, способностью сопереживать и поддерживать, что маркируется реакциями *отзывчивость* (4), *понимание* (1) и др. К данным реакциям можно

отнести и качество **доброта**, которое маркирует отзывчивость, готовность помочь: *доброта* (13)/*добрый* (3)/*добрые* (1) и др.

Отдельно можно выделить реакции, которые маркируют ценность дружбы для мужчины: *дружелюбные* (1), *кооперативность* (1), *помощь* (1), *способность к дружбе* (1), *ценят дружбу* (1) и др.

С точки зрения лексико-морфологической репрезентации тематическая группа «Коммуникативные качества» представлена преимущественно абстрактными существительными. В деривационно-эпидигматических связях – однокоренными парами лексических единиц существительное – прилагательное (*доброта* – *добрый/добрые*); окказиональными существительными (*кооперативность*). С точки зрения синтагматической репрезентации – дополнением со значением объекта-каузатора (*ценят дружбу, способность к дружбе*). С точки зрения парадигматической репрезентации – синонимической заменой (*доброта* – *отзывчивость, понимание*); синонимическими рядами существительных с компонентами значения ‘склонность к общению’, ‘речевое поведение’, ‘отношение к говорящему’; отношениями спецификации (*способность к дружбе, ценят дружбу*).

Механизм профилирования активизируется полисемантической языковых единиц, концептуальные признаки объективируются с помощью метафорических моделей (*закрытость*), которые выражены лексическими метафорами, когда физическое свойство объекта переносится на качество личности. Также концептуальные признаки объективируются с помощью механизма оппозиции, когда внутри тематической группы «Коммуникативные качества» выделяются различные аспекты указанных качеств, которые противопоставляются друг другу (*общительность/необщительность, вежливость/грубость, толерантность/нетерпимость*).

Фрейм/пропозициональная структура тематической области «Коммуникативные качества» включает следующие компоненты: объект

характеристики – предикативный признак – атрибутивный признак – источник/каузатор признака.

«Внешние качества» (65 реакций)

Реакции данной группы преимущественно маркируют физические характеристики мужчины: *сила* (48), *физическая сила* (4), *мышцы* (1), а также передают мысль о том, что мужчина должен быть крепко сложен. В меньшей степени подчеркивается внешняя привлекательность – *сексуальность* (1), опрятность – *бреется* (1), *чистоплотный* (1). Также отмечаются биологические характеристики, которые можно отнести к описанию внешности: *волосатость* (1), *высокие* (1).

Однако вместе с тем отмечается невнимание к внешнему виду: *неряшливость* (3) в значении ‘неопрятный’ [Ефремова], *небрежность* (1) в значении ‘неряшливый, неаккуратный’ [Ефремова].

С точки зрения лексико-морфологической репрезентации тематическая группа «Внешние качества» представлена преимущественно абстрактными и конкретными существительными, реже – прилагательными и глаголом. В деривационно-эпидигматических связях – окказиональными существительными (*волосатость*). С точки зрения синтагматической репрезентации – согласованными определениями (*физическая сила*). С точки зрения парадигматической репрезентации – синонимами (*неряшливость*, *небрежность*), отношениями спецификации (*сила* – *физическая сила*).

Фрейм/пропозициональная структура тематической области «Внешние качества» включает следующие компоненты: объект характеристики – предикативный признак – атрибутивный признак – источник/каузатор признака.

Таким образом, при описании стереотипных характеристик мужчин в ответах респондентов с точки зрения лексико-морфологической репрезентации преобладают абстрактные существительные с семантикой

‘свойство, качество’ и прилагательные в форме мужского рода, единственного числа или в форме множественного числа; с точки зрения деривационно-эпидигматических связей частотно употребляемыми являются пары однокоренных лексических единиц существительное – прилагательное; с точки зрения синтагматики активно употребляются согласованные и несогласованные определения с целью уточнения признаков; с точки зрения парадигматики можно отметить наличие синонимических рядов существительных и прилагательных с общими компонентами значения, а также отношения сужения, спецификации; механизм профилирования (когнитивной выделенности признака) активируется полисемантической языковых единиц, концептуальные признаки объективируются преимущественно с помощью метафорических моделей. Модус интерпретации в целом можно определить как положительно-оценочный. Фрейм/пропозициональная структура включает следующие компоненты: объект характеристики – предикативный признак – атрибутивный признак – источник/каузатор признака.

2.1.2. Прототипическая организация концепта ЖЕНЩИНА

Большинство реакций респондентов, маркирующих идеализированный образ женщины, также относятся к группе «**Качества личности**» (789 реакций), ранжирование которых с абсолютной частотой от 20 раз и выше представлено в Таблице 2:

Таблица 2

Компоненты группы «Качества личности»

Наименование качества	Вербализаторы	Частотность
Эмоциональность	<i>Эмоциональность</i> (56), <i>эмоциональная</i> (6), <i>эмоциональные</i> (1), <i>чрезмерная эмоциональность</i> (1)	64
Забота	<i>Заботливость</i> (23), <i>забота</i> (20), <i>заботливая</i> (7), <i>заботливые</i> (2), <i>забота о детях</i> (1), <i>заботилось</i> (1), <i>инстинкт заботиться</i> (1),	58

	<i>способность заботиться об окружающих (1), стремление заботиться о других (1), чувство материнства/заботливость (1)</i>	
Доброта	<i>Доброта (34), добрая (13), доброжелательность (2), добродушие (1), добрые (1)</i>	51
Женственность	<i>Женственность (36), женственная (4)</i>	40
Нежность	<i>Нежность (30), нежная (5)</i>	35
Ответственность	<i>Ответственность (34), ответственные (1)</i>	35
Красота	<i>Красота (24), красивая (6), красивые (1)</i>	31
Мудрость	<i>Мудрость (21), мудрая (2)</i>	23
Хитрость	<i>Хитрость (21), хитрая (1), хитрые (1)</i>	23
Мягкость	<i>Мягкость (17), мягкая (2), мягкость характера (2)</i>	21
Верность	<i>Верность (19), верная (1)</i>	20

Среди указанных качеств доминантами можно считать личностные характеристики с абсолютной частотой от 40 раз и выше: *эмоциональность, забота, доброта, женственность.*

Эмоциональность маркирует особенность темперамента, а также соотносится с группой «Эмоциональные качества», где репрезентируются различные спонтанные проявления эмоций. Конфигурациями выделенной области определения являются маркеры различных эмоциональных состояний – *вспыльчивость (4), восприимчивость (3), переменчивость (2), несдержанность (1), неуравновешенность (1)* и др., а также душевные переживания – *утонченность (3), ранимые (2), сентиментальность (3)* и др.

Забота помимо группы «Качества личности» может быть отнесена к концептуальным структурам, представленным моральными и семейными качествами. Как ‘бескорыстная забота о благе других, отказ от собственных интересов во благо других’ [Ефремова] данное качество маркируется реакциями *заботливость (23), гиперопека (1), альтруизм (1), самопожертвование (1)* и др.

Доброта может быть отнесена и к группе «Моральные качества», поскольку маркирует нравственное качество, и к коммуникативным

качествам, где присутствуют признаки, репрезентирующие взаимодействие с людьми. В значении данной лексической единицы присутствует компонент 'отзывчивость, готовность помочь' [Ефремова], а в словаре Л.Г. Бабенко данное качество входит в группу «Дружелюбие – одиночество» [СТРП 2015]. Синонимами могут выступать *сострадание* (10), *эмпатия* (10), *чуткость* (5).

Женственность является собирательным качеством – 'обладающий качествами, присущими женщине' [Ефремова] («Качества личности»). Также оно передает внешнюю привлекательность и грациозность («Внешние качества»), поскольку одним из значений данной лексической единицы является 'изящный', 'изысканно красивый, грациозный' [Ефремова].

С точки зрения лексико-морфологической репрезентации тематическая группа «Качества личности» представлена преимущественно абстрактными существительными, сильное присутствие признака выражено с помощью слов-интенсификаторов со значением 'очень' (*чрезмерная эмоциональность*). В деривационно-эпидигматических связях – парами однокоренных лексических единиц существительное – прилагательное в форме единственного/множественного числа (*мудрость – мудрая, хитрость – хитрая/хитрые*); существительными, производными от прилагательных, с семантикой 'качество характера' (*заботливость, доброжелательность, переменчивость*). С точки зрения синтагматической репрезентации – конкретизирующими согласованными (*яркая эмоциональность*) и несогласованными (*мягкость характера, чувство материнства*) определениями, дополнением со значением объекта-каузатора (*забота о детях*); парафразами (*стремление заботиться о других*). С точки зрения парадигматической репрезентации – синонимическими рядами существительных с генерализованными компонентами значения 'спонтанные проявления эмоций' (*вспыльчивость, восприимчивость, переменчивость*), 'необходимость уделять внимание дорогим людям' (*гиперопека, альтруизм, самопожертвование*); синонимической заменой (*доброта – сострадание,*

эмпатия, чуткость); отношениями спецификации (*способность заботиться об окружающих, стремление заботиться о других*).

Механизм профилирования (когнитивной выделенности признака) активируется полисемантической языковых единиц; концептуальные признаки объективируются с помощью метафорических моделей (*мягкость*), которые выражены лексической метафорой, когда физическое свойство объекта переносится на качество личности.

Модус интерпретации указанных в ответах личностных качеств положительно-оценочный, что определяет ценностную интерпретацию называемых концептуальных признаков. Также присутствуют маркеры отрицания признака, которые выражены соответствующими морфемами (*несдержанная, неуравновешенность*).

Фрейм/пропозициональная структура тематической области «Качества личности» включает следующие компоненты: объект характеристики – предикативный признак – атрибутивный признак – источник/каузатор признака.

«Деловые качества» (253 реакции)

В данную группу вошли личностные качества, необходимые для осуществления успешной профессиональной деятельности.

Некоторые из них, как и у мужчин, связаны с работоспособностью и расположенностью к труду – *трудолюбие* (9), *трудолюбивая* (2), однако респондентами не акцентируется внимание на способности женщины занимать лидерскую позицию: реакции *инициативность* (2), *любит контролировать* (1) и *делегирование полномочий* (1) являются одними из наименее частотно употребляемых в общем массиве ответов.

Также можно выделить различные аспекты деловых качеств:

- старательность, исполнительность, дотошность, ответственное отношение к делу: *ответственность* (34)/*ответственные* (1), *усидчивость* (12), *исполнительность* (3), *организованность* (4), *усердие* (2),

обязательность (1), методичность (1), строгость (1), перфекционизм (1), самоотдача (1) и др. Отдельно можно отметить аккуратность (18), внимательность (15)/внимание к деталям (1)/внимательность к деталям (1)/внимательная (1)/внимание к мелочам (1), передающие сосредоточенность, концентрацию, тщательное выполнение рабочих обязанностей [Ефремова];

- умение находить решение в нестандартных ситуациях: сообразительность (1), изобретательность (1)/изобретательные (1), быстрая реакция (1), находчивая (1), умение быстро принимать решения (1), изворотливость (1) и др.;

- взаимодействие с коллегами: соперничество (1), тактичность (6)/такт (1), вежливость (3), договороспособность (1), дипломатичность (4)/дипломатия (1), умение находить компромиссы (1)/компромисс (1), конфликтность (1) и др.;

- способность адаптироваться под изменяющиеся условия: гибкость (14), адаптация (1)/способность адаптироваться (1), мобильность (2)/мобильная (1), приспособляемость (1)/приспособляемость (1), способность к обучению (1) и др.

С точки зрения лексико-морфологической репрезентации тематическая группа «Деловые качества» представлена преимущественно абстрактными существительными. В деривационно-эпидигматических связях – парами однокоренных лексических единиц существительное – прилагательное в форме единственного/множественного числа (*ответственность – ответственные, внимательность – внимательная*); парами однокоренных лексических единиц существительное – существительное (*тактичность – такт, дипломатия – дипломатичность*); окказиональными существительными (*договороспособность,, приспособляемость*); существительными, производными от прилагательных, с семантикой ‘поведенческие характеристики’ (*дипломатичность, конфликтность, приспособляемость*); клише (*делегирование полномочий*). С точки зрения

синтагматической репрезентации – конкретизирующими согласованными (*быстрая реакция*) и несогласованными (*способность адаптироваться*) определениями; глагольными и девербативными словосочетаниями (*любит контролировать; внимание к деталям*); парафразами (*умение быстро принимать решения*). С точки зрения парадигматической репрезентации – синонимическими рядами существительных с генерализованными компонентами значения ‘ответственное отношение к делу’ (*ответственность, усидчивость, исполнительность, организованность, обязательность* и др.), ‘умение находить решение в нестандартных ситуациях’ (*сообразительность, изобретательность* и др.), ‘способность адаптироваться под изменяющиеся условия’ (*гибкость, адаптация, мобильность* и др.); отношениями спецификации (*способность адаптироваться, способность к обучению*).

Механизм профилирования активизируется полисемантической языковых единиц; концептуальные признаки объективируются с помощью метафорических моделей (*гибкость, мобильность, изворотливость*), которые выражены лексической метафорой, когда физическое свойство объекта переносится на качество личности.

Модус интерпретации указанных в ответах деловых качеств можно определить как положительно-оценочный, что определяет ценностную интерпретацию называемых концептуальных признаков.

Фрейм/пропозициональная структура тематической области «Деловые качества» включает следующие компоненты: объект характеристики – предикативный признак – атрибутивный признак – источник/каузатор признака.

«Моральные качества» (248 реакций)

Данная группа представлена областью определения различных моральных качеств:

- чувство долга: *ответственность* (34)/*ответственные* (1), *чувство долга* (2), *обязательность* (1) и др.;

- необходимость уделять внимание дорогим людям как одно из проявлений чувства долга: *заботливость* (23)/*забота* (20)/*заботливая* (7)/*заботливые* (2), *способность заботиться об окружающих* (1), *инстинкт заботиться* (1) и др.;

- проявление внутреннего достоинства, умение вести себя: *гуманность* (6), *честность* (7), *воспитанность* (4), *тактичность* (6)/*такт* (1), *вежливость* (3), *добропорядочность* (2), *человечность* (2), *целомудрие* (1), *уважение к окружающим и окружающему миру* (1) и др.;

- приверженность своим принципам: *верность* (19)/*верная* (1), *стойкость* (3), *преданность* (1), *твердость* (1) и др.

Среди качеств, обладающих негативной коннотацией и маркирующих отсутствие так называемых моральных качеств, можно отметить отсутствие чувства долга, 'отсутствие моральной твердости, строгости в поведении'. Например, *беззаботность* (1), *легкомысленность* (1)/*легкомыслие* (1), *безответственность* (1) и др.

С точки зрения лексико-морфологической репрезентации тематическая группа «Моральные качества» представлена преимущественно абстрактными существительными. В деривационно-эпидигматических связях – парами однокоренных лексических единиц существительное – прилагательное в форме единственного/множественного числа (*ответственность* – *ответственные*); парами однокоренных лексических единиц существительное – существительное (*тактичность* – *такт*); окказиональными существительными (*заботливость*, *добропорядочность*, *легкомысленность*). С точки зрения синтагматической репрезентации – конкретизирующими несогласованными определениями (*инстинкт заботиться*, *чувство долга*), парафразами (*уважение к окружающим и окружающему миру*). С точки зрения парадигматической репрезентации – синонимическими рядами существительных с генерализованными

компонентами значения ‘чувство долга’, ‘проявление внутреннего достоинства’, ‘приверженность своим принципам’; отношениями спецификации (*способность заботиться об окружающих*).

Механизм профилирования активизируется полисемантической языковых единиц; концептуальные признаки объективируются с помощью метафорических моделей (*стойкость, твердость*), которые выражены лексической метафорой, когда физическое свойство объекта переносится на качество личности. Также в данной группе был выявлен механизм оппозиции, когда определенному стандарту достойного поведения противопоставляются качества, маркирующие отсутствие моральной твердости, строгости в поведении. Данный механизм реализуется с помощью морфем, имеющих значение противопоставления (*беззаботность, безответственность*), или лексических единиц с указанным значением (*легкомыслие*).

Модус интерпретации в ответах респондентов можно определить как положительно-оценочный, маркирующий качества, связанные с наличием высоких моральных качеств.

Фрейм/пропозициональная структура тематической области «Деловые качества» включает следующие компоненты: объект характеристики – предикативный признак – атрибутивный признак – источник/каузатор признака.

«Коммуникативные качества» (241 реакция)

Реакции данной группы акцентируют внимание на расположенности женщины к общению и взаимодействию с другими людьми: *легкость* (8)/*легкость в общении* (1), *общительность* (5), *открытость* (6)/*открытые* (1)/*открытая* (1), *дружелюбие* (1), *доброжелательность* (2), *коммуникативная* (1)/*коммуникативность* (3)/*коммуникабельность* (1), *контактность* (1), *умение находить общий язык* (1) и др.

Расположенность женщины к коммуникации характеризуется лексическими единицами, маркирующими 'словоохотливость' [Ефремова] – *болтливость* (9), *разговорчивость* (4), *болтовня* (1) и др., а речевое поведение в целом – реакциями *тактичность* (6), *вежливость* (3), *деликатность* (2), *умение подбирать слова* (1) и др.

Можно предположить, что развитые коммуникативные качества, расположенность к общению и взаимодействию с другими людьми может быть связана с внимательным отношением к окружающим, проявлением участия, способностью сопереживать и поддерживать. Например, *сострадание* (10)/*сострадательность* (2), *эмпатия* (10)/*эмпатичность* (3), *гуманность* (6), *чуткость* (5)/*чуткая* (1), *понимающая* (2)/*понимание* (2), *сопереживание* (3), *сочувствие* (3), и др. К данному ряду реакций можно отнести и качество доброта, которое маркирует отзывчивость, готовность помочь: *доброта* (34)/*добрая* (13)/*добрые* (1), *добродушие* (1).

Отдельно отмечается способность женщины избегать конфликтных ситуаций путем выбора верной речевой стратегии: *дипломатичность* (4), *компромисс* (1), *умение подбирать слова* (1), *умение находить компромиссы* (1), *умение сгладить острые углы* (1), *умение сглаживать конфликты* (1) и др.

Необщительность женщины представлена в меньшей степени и вербализуется при помощи реакций *скрытность* (1)/*скрытные* (1), а так называемые «отрицательные» коммуникативные качества представлены реакциями *конфликтность* (1), *любит сплетни* (1), *резкость* (1), *сплетничество* (1).

С точки зрения лексико-морфологической репрезентации тематическая группа «Коммуникативные качества» представлена преимущественно абстрактными существительными, лексическими единицами со сниженной стилистической окраской (*болтовня*). В деривационно-эпидигматических связях – парами однокоренных лексических единиц существительное – прилагательное в форме единственного/множественного числа (*открытость*

– *открытая/открытые*); парами однокоренных лексических единиц существительное – существительное (*сострадание – сострадательность*); окказиональными существительными (*сплетничество, эмпатичность*). С точки зрения синтагматической репрезентации – конкретизирующими несогласованными определениями; глагольными словосочетаниями (*любит сплетни*); клише (*умение подбирать слова*). С точки зрения парадигматической репрезентации – синонимической заменой (*доброта – сострадание, эмпатия, гуманность, чуткость, понимание, сопереживание, сочувствие*); синонимическими рядами существительных с компонентами значения ‘расположенность к общению’, ‘способность сопереживать’, ‘способность избежать конфликтных ситуаций’; отношениями сужения, спецификации (*умение находить компромиссы*).

Механизм профилирования активизируется полисемантической языковых единиц; концептуальные признаки объективируются с помощью метафорических моделей (*умение сгладить острые углы, резкость, открытость*), которые выражены лексической метафорой, когда физическое свойство объекта переносится на качество личности.

Модус интерпретации указанных в ответах коммуникативных качеств можно определить как положительно-оценочный, что определяет ценностную интерпретацию называемых концептуальных признаков.

Фрейм/пропозициональная структура тематической области «Коммуникативные качества» включает следующие компоненты: объект характеристики – предикативный признак – атрибутивный признак – источник/каузатор признака.

«Семейные качества» (217 реакций)

Качества данной группы ассоциируются в сознании респондентов с тем, как именно женщина должна вести себя в семье и взаимодействовать с партнером.

Наиболее частотно употребляемыми качествами данной группы являются нежность, забота и верность. Так, нежность понимается респондентами как проявление любви и ласки по отношению к кому-либо [Ефремова] и вербализуется с помощью реакций *нежность* (30), *нежная* (5). В ходе анализа дефиниций полученных ответов можно предположить, что с данным качеством соотносятся такие реакции, как *любящая* (3)/*любящие* (1), *потребность в любви* (1); а также *ласка* (3)/*ласковая* (2) и др.

Забота, в свою очередь, связана с проявлением внимания, попечительством [Тришин] и маркируется лексическими единицами *заботливость* (23)/*забота* (20)/*заботливая* (7)/*заботливые* (2)/*заботилось* (1); *инстинкт заботиться* (1), *способность заботиться об окружающих* (1). С данным качеством также соотносятся *гиперопека* (1) как ‘чрезмерная забота о детях’ [Викисловарь]; *альтруизм* (1) как ‘бескорыстная забота о благе других’ [Ефремова]; *жертвенность* (1), *самопожертвование* (2), *склонность к жертвенности (самопожертвованию)* (1) как отказ от собственных интересов во благо других [Ефремова].

Верность трактуется респондентами как постоянство в чувствах [Ефремова] и представлена реакциями *верность* (19), *верная* (1). Репрезентация данного качества может быть дополнена синонимическим рядом имен существительных *моногамность* (1), *постоянство* (1), *преданность* (1), *привязанность* (2), *стабильность* (1) и др.

Значимость семьи для женщины репрезентируется ответами респондентов *любовь к семье* (10), *потребность в семье* (1), *семья очень важна* (1) и др. Аспект отношений с партнером репрезентируется при помощи реакций *страсть* (2)/*страстность* (1)/*страстные* (1), *доверие в отношениях* (1), *уважение к своему партнеру* (1), *щепетильные в отношениях* (1) и др.

Кроме того, респонденты отмечают традиционные социальные роли женщины:

- быть матерью: *материнский инстинкт* (3), *желание иметь ребенка* (1), *забота о детях* (1), *любовь к детям* (1), *материнство* (1), *мать* (1), *чувство материнства* (1) и др.;

- вести домашнее хозяйство: *хозяйственность* (11)/*хозяйственная* (3)/*хозяйка* (1), *умение убирать* (1), *хранительница очага* (1), *умение готовить* (3), *домашняя* (2), *домовитость* (2) и др.

С точки зрения лексико-морфологической репрезентации тематическая группа «Семейные качества» представлена преимущественно абстрактными существительными, словами-интенсификаторами (*семья **очень** важна*). В деривационно-эпидигматических связях – парами однокоренных лексических единиц существительное – прилагательное в форме единственного/множественного числа (*хозяйственность – хозяйственная; любящая – любящие*); парами однокоренных лексических единиц существительное – существительное с семантикой ‘состояние’, ‘действие’, ‘свойство’, ‘качество’ (*страсть – страстность; забота – заботливость*). С точки зрения синтагматической репрезентации – конкретизирующими согласованными определениями (*материнский инстинкт*) и распространителями с синкретичной объектно-определяющей семантикой (*чувство материнства, потребность в семье, умение убирать, любовь к семье, любовь к детям, уважение к своему партнеру*); дополнением со значением объекта-каузатора (*забота о детях*); парафразой (*способность заботиться об окружающих*), фразой-клише (*семья очень важна*); устойчивыми словосочетаниями (*хранительница очага, материнский инстинкт*). С точки зрения парадигматической репрезентации – синонимической заменой внутри ответа респондента (*склонность к жертвенности (самопожертвованию)*); синонимическими рядами существительных с компонентами значения ‘проявление любви и ласки по отношению к кому-либо’, ‘проявление внимания’, ‘постоянство в чувствах’.

Механизм профилирования активизируется полисемантической языковых единиц; концептуальные признаки объективируются с помощью

метафорических моделей (*постоянство, стабильность*), которые выражены лексической метафорой, когда физическое свойство объекта переносится на качество личности.

Модус интерпретации в ответах респондентов можно определить как положительно-оценочный. Фрейм/пропозициональная структура тематической области «Семейные качества» включает следующие компоненты: объект характеристики – предикативный признак – атрибутивный признак – источник/каузатор признака.

«Эмоциональные качества» (203 реакции)

В данную группу вошли реакции респондентов, которые маркируют склонность женщины к проявлению эмоций, что представлено реакциями *эмоциональность* (56)/*эмоциональная* (6)/*эмоциональные* (1). Некоторые респонденты конкретизируют качество с помощью эмфатических элементов *чрезмерная эмоциональность* (1), *яркая эмоциональность* (1) и др.

Расположенность к быстрой смене эмоционального состояния и спонтанное проявление сильных эмоций репрезентируется реакциями *вспыльчивость* (4)/*вспыльчивы* (1), *импульсивность* (2)/*импульсивная* (1), *истеричная* (2)/*истеричность* (2) и др. Ответы *порывистость* (3), *переменчивость* (2), *перемены настроения* (2), *смены настроения* (1), *изменчивость характера* (1), *эмоциональная гибкость* (1) и др. также передают частые смены эмоционального состояния.

Некоторые реакции маркируют эмоциональную чуткость и восприимчивость, а также образуют синонимический ряд имен существительных и имен прилагательных с общим компонентом ‘обладающий повышенной восприимчивостью к воздействиям извне’, ‘имеющий чувствительную нервную организацию’ [Ефремова]: *чувствительность* (13), *утонченность* (4), *чуткость* (5), *восприимчивость* (3), *ранимость* (2), *сентиментальность* (3), *хрупкость* (1) / *чувствительные* (3), *утонченная* (1), *чуткая* (1), *ранимые* (2), *ранимая* (1), *хрупкая* (1).

Ряд ответов образуют антонимические пары:

- *стрессоустойчивость* (7) – *нестрессоустойчивость* (1);
- *сдержанность* (4)/*сдержанная* (1) – *несдержанность* (1);
- *эмоциональная устойчивость* (1), *стабильность* (1) – *эмоциональная нестабильность* (1);
- *собранность* (2), *спокойствие* (2) – *неуравновешенность* (1).

С точки зрения лексико-морфологической репрезентации тематическая группа «Эмоциональные качества» представлена преимущественно абстрактными существительными; словами-интенсификаторами (*чрезмерная эмоциональность; яркая эмоциональность*). В деривационно-эпидигматических связях – парами однокоренных лексических единиц существительное – прилагательное в форме единственного/множественного числа (*эмоциональность – эмоциональная/эмоциональные; истеричность – истеричная*). С точки зрения синтагматической репрезентации – конкретизирующими согласованными определениями (*эмоциональная гибкость*) и дополнениями с семантикой ‘предмет/объект характеристики, оценки’ (*перемены настроения, смены настроения, изменчивость настроения*). С точки зрения парадигматической репрезентации – синонимическими рядами существительных и прилагательных с компонентом значения ‘обладающий повышенной восприимчивостью’.

Механизм профилирования активизируется полисемантической языковых единиц; концептуальные признаки объективируются с помощью метафорических моделей (*хрупкость, стабильность, переменчивость*), которые выражены лексической метафорой, когда физическое свойство объекта или явления переносится на качество личности. Также ответы респондентов организуются по принципу оппозиции путем выделения антонимических пар, которые образованы с помощью морфем со значением ‘отрицание признака’ (*стрессоустойчивость – нестрессоустойчивость, сдержанность – несдержанность*).

Оценочный модус имеет как положительно-оценочную семантику (эмоциональная чуткость и гибкость), так и отрицательную семантику (частая смена эмоционального состояния, неспособность контролировать эмоции).

Фрейм/пропозициональная структура тематической области «Эмоциональные качества» включает следующие компоненты: объект характеристики – атрибутивный признак – источник/каузатор признака.

«Волевые качества» (141 реакция)

В данной группе внутреннюю силу характера, наличие сильной воли передают реакции *сила духа* (2) / *сильные духом* (1) / *сильная (сила воли)* (1), *волевой характер* (1), *сильный характер* (1), *стержень* (1), а также отсылка к фразеологическому выражению – «*я и баба и мужик*» (1).

Кроме того, в ответах репрезентируются различные аспекты проявления волевых качеств:

- умение проявлять силу воли для достижения целей: *целеустремленность* (14), *решительность* (4), *стремиться к идеалу* (1), *стремление* (1), *настойчивые* (1), *умение добавиться цели* (1), *упорство* (1), *упрямство* (1) и др. Отдельно можно отметить реакцию *умение добиваться цели БЕЗ ПОМОЩИ МУЖЧИН* (1);

- способность сохранять постоянство, выдержку и самообладание для достижения результатов: *усидчивость* (12), *терпение* (7)/*терпеливость* (8)/*терпеливая* (2); *организованность* (4), *выносливость* (3), *стойкость* (3), *выдержка* (2), *собранность* (2), *усердие* (2) и др.;

Однако в большей степени отмечается отсутствие данных качеств в характере женщины: *мягкость* (17)/*мягкая* (2)/*мягкость характера* (2) как проявление уступчивости, а также *слабость* (6)/*слабая* (1), *слабость характера* (1) как отсутствие твердого волевого характера. Реакции *податливость* (2), *уступчивость* (3), *покорность* (1), *смирение* (1) также передают 'покорность' [Ефремова], а указанные лексические единицы

содержат в своих значениях компонент 'легко поддающийся воздействию кого-либо, чего-либо' [Ефремова].

Ряд ответов образуют антонимические пары:

- *независимость* (2) – *зависимость* (1)/*зависеть* (1). К данной паре можно отнести реакцию *псевдонезависимая* (1), подчеркивающую подчиненное положение женщины и невозможность для нее считаться самостоятельной;

- *самостоятельность* (1) – *инфантильность* (1) ('незрелость', 'неразвитость' [Ефремова]), *не хочет взрослеть* (1).

С точки зрения лексико-морфологической репрезентации тематическая группа «Волевые качества» представлена преимущественно абстрактными существительными, в редких случаях – глаголами (*зависеть*). В деривационно-эпидигматических связях – парами однокоренных лексических единиц существительное – прилагательное в форме единственного/множественного числа (*слабость* – *слабая*); парами однокоренных лексических единиц существительное – существительное (*терпение* – *терпеливость*), окказиональными существительными (*псевдонезависимая*). С точки зрения синтагматической репрезентации – конкретизирующими согласованными определениями (*волевой характер*, *сильный характер*) и дополнениями с семантикой 'предмет/объект характеристики, оценки' (*слабость характера*); глагольными словосочетаниями (*не хочет взрослеть*, *стремиться к идеалу*); парафразой (*умение добиваться цели БЕЗ ПОМОЩИ МУЖЧИН*); фразеологизмами (*я и баба и мужик*). С точки зрения парадигматической репрезентации – синонимическими рядами существительных с компонентом значения 'отсутствие волевого характера'; гиперо-гипонимическими отношениями (*сильная (сила воли)*, *сильные духом*), отношениями сужения, спецификации (*мягкость характера*).

Механизм профилирования активизируется полисемантической языковых единиц; концептуальные признаки объективируются с помощью

метафорических моделей (*мягкость, податливость, стержень, стойкость*), которые выражены лексической метафорой, когда физическое свойство объекта переносится на качество личности.

Модус интерпретации указанных в ответах волевых качеств можно определить как модус отрицания, который передается с помощью механизма оппозиции и выражен синонимическими рядом существительных с компонентом значения ‘отсутствие волевого характера’ или лексическими единицами, образованными приставочным способом с помощью соответствующей морфемы (*независимость*).

Фрейм/пропозициональная структура тематической области «Волевые качества» включает следующие компоненты: объект характеристики – атрибутивный признак – источник/каузатор признака.

«Интеллектуальные качества» (144 реакции)

Качества данной группы передают высокие интеллектуальные способности – *ум* (12)/*умная* (7), *интеллект* (3), *интеллектуальность* (1), наличие хорошего образования – *образованность* (2), *всесторонняя развитость* (1), *грамотная* (1) и др., жизненный опыт – *мудрость* (21)/*мудрая* (2), расположенность к получению новых знаний – *способность к обучению* (1), *любящая получать новые знания и опыт* (1), *саморазвитие* (1) и др.

Также к данной группе можно отнести *хитрость* (21)/*хитрая* (1)/*хитрые* (1), трактуемую как ‘изобретательность’ [Ефремова] и являющуюся одним из синонимов лексемы *умный* [ССРЯ 2011], а также одним из маркеров интеллектуальной оценки, умственных способностей [СТРП 2015: 110, 112].

В данной группе представлены другие аспекты интеллектуальных качеств:

- способность находить выход из нестандартных реакций: *сообразительность* (1), *изобретательность* (1)/*изобретательные* (1), *находчивая* (1);
- чувство юмора: *чувство юмора* (4), *юмор* (2);
- творческое мышление: *интуиция* (4) как ‘знание без понимания’ [Ефремова]), *интуитивность* (1), *развитая интуиция* (1); *креативное мышление* (1), *ассоциативность* (1);
- сосредоточенность: *внимание к деталям* (1)/*внимательность к деталям* (15);
- ‘руководствоваться в своих действиях требованиями рассудка, здравого смысла’, рациональность: *логичность* (2), *расчетливость* (3), *рассудительность* (1), *расчет* (1).

Реакции респондентов, маркирующие низкие интеллектуальные способности, непоследовательность, необдуманность, встречаются в меньшей степени: *глупая* (1)/*глупость* (1), *нелогичность* (1), *легкомысленность* (1)/*легкомыслие* (1), *расфокусировка внимания* (1), *инертность мышления* (1) и др.

Интересно отметить, что устойчивое сочетание *женская логика* употребляется только 1 раз в ответах респондентов, характеризуя ‘суждения, отличающиеся отсутствием логичности, основанные не на доводах рассудка, а на чувстве’, и сопровождается пометами «шутл. или ирон.» [Викисловарь].

С точки зрения лексико-морфологической репрезентации тематическая группа «Интеллектуальные качества» представлена преимущественно абстрактными существительными. В деривационно-эпидигматических связях – парами однокоренных лексических единиц существительное – прилагательное в форме единственного/множественного числа (*ум* – *умная*, *изобретательность* – *изобретательные*); парами однокоренных лексических единиц существительное – существительное (*легкомысленность* – *легкомыслие*); окказиональными существительными (*ассоциативность*, *расфокусировка*, *интуитивность*). С точки зрения синтагматической

репрезентации – конкретизирующими согласованными (*развитая интуиция, креативное мышление, всесторонняя развитость*) и несогласованными определениями (*чувство юмора*), дополнениями с семантикой ‘предмет/объект характеристики, оценки’ (*инертность мышления*), парафразой (*любящая получать новые знания и опыт*), устойчивыми словосочетаниями (*женская логика*). С точки зрения парадигматической репрезентации – синонимической заменой (*ум – мудрость – хитрость*); синонимическими рядами существительных и прилагательных с компонентами значения ‘обладающий повышенной восприимчивостью’.

Механизм профилирования активизируется полисемантической языковых единиц; концептуальные признаки объективируются с помощью метафорических моделей (*расчет*), которые выражены лексической метафорой, когда физическое свойство объекта или явления переносится на качество личности.

Модус интерпретации указанных в ответах интеллектуальных качеств можно определить как положительно-оценочный, маркирующий развитые интеллектуальные способности и хороший жизненный опыт.

Фрейм/пропозициональная структура тематической области «Интеллектуальные качества» включает следующие компоненты: объект характеристики – атрибутивный признак – источник/каузатор признака.

«Внешние качества» (110 реакций)

Респонденты акцентируют внимание на привлекательной внешности – *красота* (24)/*красивая* (6)/*красивые* (1), *сексуальность* (4), *привлекательность* (2), *изящность* (1), *эстетичность* (1) и др. Желание женщины оставаться привлекательной передается с помощью реакции *не хотят стареть* (1). Реакции *женственность* (36), *женственная* (4) также маркируют внешнюю привлекательность и грациозность.

В ответах респондентов подчеркивается аккуратный внешний вид и поддержание ухоженного внешнего вида – *чистоплотность*

(4)/чистоплотные (1), ухоженность (2)/уход за собой (2)/ухоженная (1), опрятность (2), забота о внешнем виде (1), внимание к внешности (1), следит за внешностью (1) и др., а также наличие определенного стиля в одежде – чувство стиля (2).

Кроме того, акцентируется внимание на целостном образе: лексические единицы *милая* (2)/*милота* (1), *няшность* (1), *обаятельность* (2)/*обаятельная* (1)/*обаяние* (1), *гармоничность* (1), *шарм* (1) имеют общую сему ‘симпатичный, приятный’ [Ефремова]. Отличительный предмет гардероба женщины представлен реакцией *носит платье* (1).

С точки зрения лексико-морфологической репрезентации тематическая группа «Внешние качества» представлена преимущественно абстрактными существительными, существительными сленговой сферы употребления (*милота*, *няшность*). В деривационно-эпидигматических связях – парами однокоренных лексических единиц существительное – прилагательное в форме единственного/множественного числа (*красота* – *красивая/красивые*); парами однокоренных лексических единиц существительное – существительное (*обаяние* – *обаятельность*); окказиональными существительными (*обаятельность*). С точки зрения синтагматической репрезентации – конкретизирующими распространителями синкретичной семантики (*чувство стиля*); глагольными словосочетаниями (*не хочет стареть*, *следит за внешностью*, *носит платье*). С точки зрения парадигматической репрезентации – отношениями спецификации (*внимание к внешности*); дополнением со значением объекта-каузатора (*забота о внешнем виде*).

Механизм профилирования активизируется полисемантической языковых единиц; концептуальные признаки объективируются с помощью метафорических моделей (*гармоничность*), которые выражены лексической метафорой, когда физическое свойство объекта или явления переносится на качество личности.

Модус интерпретации указанных в ответах внешних качеств можно определить как положительно-оценочный, что определяет ценностную интерпретацию называемых концептуальных признаков.

Фрейм/пропозициональная структура тематической области «Внешние качества» включает следующие компоненты: объект характеристики – предикативный признак – атрибутивный признак – источник/каузатор признака.

Таким образом, при описании стереотипных характеристик женщин в ответах респондентов с точки зрения лексико-морфологической репрезентации преобладают абстрактные существительные с семантикой ‘свойство, качество’ и прилагательные в форме женского рода, единственного числа или в форме множественного числа; с точки зрения деривационно-эпидигматических связей частотно употребляемыми являются пары однокоренных лексических единиц существительное – прилагательное, а также пары однокоренных лексических единиц существительное – существительное; с точки зрения синтагматики активно употребляются конкретизирующие согласованные и несогласованные определения с целью уточнения признаков, глагольные словосочетания; с точки зрения парадигматики можно отметить наличие синонимических рядов существительных и прилагательных с общими компонентами значения и синонимические замены; отношения сужения, спецификации применяются для конкретизации признаков; механизм профилирования (когнитивной выделенности признака) активируется полисемантической языковых единиц, концептуальные признаки объективируются преимущественно с помощью метафорических моделей, реже – с помощью метонимических моделей; модус интерпретации в целом можно определить как положительно-оценочный, что определяет ценностную интерпретацию называемых концептуальных признаков. Обязательными элементами пропозициональной структуры являются субъект характеристики и предикат

со значением качественной характеристики; частотными элементами – объект-каузатор и характеризующий компонент.

Таким образом, можно сделать предварительный вывод, что прототипическую структуру базовых гендерных концептов представляют идеализированные лингвокогнитивные характеристики мужественности (*ответственность, сила, мужество, смелость, уверенность*) и женственности (*эмоциональность, забота, доброта, женственность*), репрезентирующие традиционную модель гендерных различий.

2.2. Таксономическая организация сфер реализации мужчин и женщин в групповом языковом сознании

В данном параграфе проводится анализ ответов респондентов на вопрос о том, в каких сферах деятельности мужчины и женщины могут наиболее успешно реализовать себя. В ходе анкетирования было получено 1025 реакций о типично мужских и 960 реакций о типично женских сферах деятельности. В результате анализа было произведено моделирование социальных функций в качестве содержательных компонентов прототипической структуры концептов МУЖЧИНА/ЖЕНЩИНА, областью определения которых является коллективное энциклопедическое знание о сферах деятельности, профилируемое индивидуальными реакциями респондентов. Следует отметить, что все реакции были приняты во внимание при анализе.

Анализ произведен с помощью концептуально-таксономического метода, разработанного исследовательским коллективом под руководством Н.Н. Болдырева. Данный метод «позволяет исследовать не только концептуальное содержание, передаваемое языковыми единицами, но и представить его в виде определенной иерархии концептов, лежащей в основе организации лексической подсистемы и определяющей уровни языковой

репрезентации данного концептуального содержания» [Болдырев 2019: 381]. Результатом анализа является разработка классификации тематически связанных групп лексики, репрезентирующих типично мужские и женские сферы деятельности и маркирующих концептуальные различия в их семантике.

В ходе классификации были выделены три уровня языковой категоризации (таксономические ранги) с учетом концептуальной иерархии сфер деятельности мужчин и женщин. Уровневое представление лексических единиц, основанное на концептуальной иерархии, позволяет выявить их место в структуре сфер деятельности, системные различия и функциональные возможности, а также определить их роль в структуре языкового сознания как базовых, обобщающих или конкретизирующих элементов.

Реакции респондентов можно распределить по 4 крупным блокам, которые соответствуют основным сферам общественной жизни:

Блок 1. Экономическая сфера.

Блок 2. Политико-правовая.

Блок 3. Социальная сфера.

Блок 4. Духовная сфера (личностная сфера реализации, увлечения, хобби).

Схемы таксономической организации сфер реализации мужчин и женщин представлены в Приложении.

2.2.1. Таксономическая организация сфер реализации мужчин

Реакции о типично мужских сферах деятельности классифицируются на основе смысловой близости и сходства рода деятельности.

Блок 1. Экономическая сфера (515 реакций)

Самой многочисленной группой данного блока является «Бизнес» (108 реакций). С точки зрения респондентов, данный вид деятельности непосредственно связан с ведением собственного дела. Базовый уровень

выражается реакциями *бизнес* (77), а также с учетом когнитивного механизма конкретизации включает сочетания *собственный бизнес* (1), *бизнес сфера* (1), *коммерческая сфера* (1), *предпринимательская деятельность* (1), *бизнес в любой отрасли* (1), *предпринимательство* (13). Реакции, составляющие субординатный уровень, базируются на когнитивном механизме спецификации и указывают на специальные отрасли предпринимательской деятельности – *ресторанный бизнес* (2)/*развитие ресторанный бизнеса* (1), *автомобильный бизнес* (1)/*автобизнес* (1), *ИП* (1) и др.

Группа «**Архитектура и строительство**» (85 реакций) представлена ответами, которые маркируют деятельность, связанную с ремонтом, проектированием и строительством сооружений, отделочными работами. Базовый уровень представлен реакциями *строительство* (65)/ *строительная сфера* (1), *архитектура* (3), *стройка* (2). Конкретизация происходит через указание конкретных видов работ – *отделочные работы* (1), *проектирование* (1), *строительство и ремонт* (1) и др. или профессий – *строитель* (3), *архитектор* (2) и др.

В группу «**Компьютерные технологии**» вошли 80 реакций. Они преимущественно маркируют работу в области информационных и компьютерных технологий. Базовый уровень данной сферы деятельности вербализуется следующими реакциями: *IT* (24)/*it* (3), *информационные технологии* (5), *IT-сфера* (4), *айти* (3), *IT технологии* (1), *компьютерные технологии* (1) и др. Субординатный уровень маркирует деятельность, связанную с конкретными операциями по разработке программного обеспечения, или профессии данной отрасли: *программирование* (14), *программист* (4), *разработка ПО* (1), *it-шник* (1)/*it-шники* (1).

В группе «**Производство**» (76 реакций) на базовом уровне находятся реакции *промышленность* (12), *производство* (10), *производственная деятельность* (1); *физический труд* (4), *тяжелый физический труд* (2), *тяжелая физическая работа (обусловлено только физиологическими характеристиками)* (1).

Субординатный уровень представлен наименованиями сфер промышленности или профессий:

- конкретные сферы промышленности: *машиностроение* (6), *сельское хозяйство* (4), *металлургия* (2), *нефтяная промышленность* (1), *разработка ископаемых* (1), *горнодобывающая индустрия* (1), *автомобильная промышленность* (1), *высокотехнологичные производства* (1), *производство (заводы)* (1) и др.;

- наименования профессий: *заводские профессии* (1), *сварщик* (1), *токарь* (1), *фрезеровщик* (1), *шпалокладчик* (1), *грузчик* (2) и др.

Группа «**Техника**» (66 реакций) представлена реакциями, которые связаны с ‘изучением и созданием средств, производств, орудий труда’, а также со знаниями и деятельностью человека в целом, ‘служащих для создания материальных ценностей’ [Ефремова]. Базовый уровень представлен реакцией *техника* (10) или реакциями, которые маркируют инженерное дело как ‘творческую техническую деятельность’ [Ефремова] – *инженерия* (19), *инженерное дело* (4).

Субординатный уровень составляют реакции, конкретизирующие базовый уровень: *инженер* (5)/*инженеры* (1), *ремонт устройств (машины, техника)* (1), *электроника* (1), *практическая деятельность (руками)* (1), *технических дел мастер* (1), *инженерные профессии* (1), *на инженерных должностях* (1).

Группа «**Финансы**» (52 реакции) представлена большим спектром лексических единиц, которые маркируют деятельность, связанную с денежными операциями и средствами, а также разнообразные финансовые институты. Реакции базового уровня номинируют деятельность в целом: *финансы* (8)/*финансовая* (2), *финансовая сфера* (1).

На субординатном уровне происходит конкретизация деятельности путем выявления различных специфических отраслей – *банковское дело* (4)/ *банк* (3), *биржи* (1), *инвестиции* (1), *работа с финансами (рыночная*

аналитика) (1) и др.; *продажи* (7), *торговля* (1) и др. или конкретных профессий – *банкир* (1), *работник банка* (1) и др.

Группа «**Управление**» (46 реакций) представлена ответами респондентов, которые маркируют организаторские способности мужчины в управлении коллективом: *управление* (19), *управленческая деятельность* (2), *руководящие должности* (2), *руководство* (1) и др.

Реакции субординатного уровня представлены преимущественно наименованиями конкретных профессий, но встречаются и наименования более узких отраслей данного рода деятельности: *директор* (1), *руководитель* (1), *управление производством* (1), *высший менеджмент* (1), *управление коллективом* (1) и др.

Блок 2. Политико-правовая сфера (207 реакций)

Группа «**Политика**» (75 реакций) является одной из многочисленных групп, однако ответы респондентов в данном случае не отличаются большим лексическим разнообразием. Базовый уровень представлен реакциями *политика* (66)/*политики* (1), *политическая* (2), *государственное управление* (2), *политическая сфера* (1), *сфера политического руководства* (1). В данную группу также можно отнести реакции *дипломатия* (1) и *президент* (1), которые переходят на субординатный уровень и указывают на специфическую деятельность данной сферы или конкретную должность.

Группа «**Военное дело**» (73 реакции) также является одной из наиболее многочисленных, ответы которой маркируют традиционную социально-политическую роль мужчины как защитника, участника военных действий. Разделение по уровням происходит следующим образом:

- базовый уровень: *военное дело* (26), *военная служба* (7), *военная сфера* (6), *военная деятельность* (2), *воинская служба* (2), *военная отрасль* (1), а также *защита Отечества* (1), *война* (2) и др.;

- субординатный уровень: *военный* (4)/*военные* (1), */воин* (1). В данную группу также можно отнести службу в армии: *армия* (8), *служба в армии* (2), *в армии* (1), *армейская служба* (1) и др.

Сфера права представлена группами **«Юриспруденция»** (23 реакции) и **«Правоохранительные органы»** (23 реакции).

В группе **«Юриспруденция»** (23 реакции) на базовом уровне находятся реакции *юриспруденция* (20), *юридическая практика* (1), на субординатном – *юрист* (2).

Ответы группы **«Правоохранительные органы»** (23 реакции) имеют схожую семантику с ответами группы **«Военное дело»**, однако в данном случае респонденты акцентируют внимание на работе в *органах внутренних дел* (2), *правоохранительных органах* (2) и *правоохранительной деятельности* (1) / *правоохранительная* (3). Отмечается, что данная деятельность направлена на поддержание общественного порядка: указанные реакции и ответы *общественная безопасность* (1), *охрана порядка* (1), *охрана правопорядка* (1) и др. составляют базовый уровень.

Субординатный уровень представлен ответами *силовые структуры* (1)/*силовые* (1), *работа в органах* (1). Респонденты также конкретизируют наименование подразделения: *полиция* (2), *МВД* (1), *фсб-кзб-вчк* (1), *охрана (мвд)* (1) и др.

Также одной из наименее частотных групп является **«Государственная служба»** (13 реакций). Ответы данной группы маркируют профессиональную деятельность в аппарате государственного управления – *госслужба* (3), *государственная служба* (3), *гос структуры* (1), *чиновничья сфера* (1) (базовый уровень), а также работу в различных органах государственной власти – *правительство* (1), *органы власти* (1) (субординатный уровень).

Блок 3. Социальная сфера (116 реакций)

Социальная сфера представлена наиболее частотно употребляемой группой **«Медицина»** (89 реакций). Ответы данной группы

преимущественно вербализованы именами существительными, маркирующими сферу здравоохранения, лечебное дело (базовый уровень): *медицина* (63), *здравоохранение* (4), *врачевание* (2), *врачебная деятельность* (1), *врачебное дело* (1) и др. Некоторые респонденты отмечают как врачебные специализации – *хирургия* (5), *массаж* (2), *фармацевтика* (1) и др., так и конкретные профессии – *врач* (5), *мед.работник* (1), *хирург* (1) и др. (субординатный уровень).

В тематическую группу «**Транспорт**» (17 реакций) вошли реакции, которые связаны с управлением различными транспортными средствами. Базовый уровень представлен реакцией *вождение* (1). На субординатном уровне респонденты указывают управление конкретными видами транспорта – *вождение автомобиля* (1), *управление тяжёлым транспортом (машинист поезда, крана)* (1) и др.; различные виды транспорта – *авиация* (2), *авто* (1), наименования конкретных профессий – *пилот* (1).

Блок 4. Духовная сфера (личностная сфера реализации, увлечения, хобби) (147 реакций)

Такой род деятельности, как «**Наука**» (54 реакции), на базовом уровне представлен преимущественно именем существительным *наука* (38) и словосочетаниями *научная деятельность* (1)/*научная* (2), *научные исследования* (1), *исследовательская деятельность* (1), *профессии связанные с наукой* (1). Также респонденты в своих ответах отмечают как группы наук – *абстрактные науки* (1), *точные науки* (2), так и наименования конкретных научных дисциплин – *литература* (2), *информатика* (1), *математик* (1), *физика* (1)/*физик* (1), что составляет субординатный уровень. В данном случае используется механизм спецификации.

В группу «**Спорт**» вошли 50 реакций. Они преимущественно описывают спортивную сферу в целом (базовый уровень): *спорт* (43), *спортивная деятельность* (1), *в спорте* (1). Некоторые реакции конкретизируют вид спорта (*автоспорт* (1), *профессиональный спорт* (1),

командный спорт (1)) или содержат наименование профессии – *спортсмен* (2).

В группу **«Искусство и творчество»** (24 реакции) вошли ответы, которые маркируют род деятельности, имеющий творческий характер и связанный с созданием произведений искусства. На базовом уровне находятся реакции *искусство* (11), *творчество* (5), *культура* (1).

Субординатный уровень представлен конкретными наименованиями профессий – *актер* (1), *режиссер* (1), *танцор* (1) и др. или более конкретизированным характером творческой деятельности – *дизайн* (1), *киноиндустрия* (1), *музыка* (1), *рок-музыка* (1) и др.

Меньшей частотностью обладает группа **«Кулинария»** (13 реакций) как культура питания. Кулинария как хобби, увлечение представлена именами существительными *кулинария* (11), *готовка* (1) на базовом уровне и реакцией *повар* (1) на субординатном уровне.

В ряде групп количество ответов составляет менее 10 реакций. Данные группы не были детально рассмотрены при построении таксономической организации. Однако их представленность будет прокомментирована в дальнейшем при компаративном анализе мужских и женских сфер деятельности. К ним относятся следующие группы:

- **«Образование и воспитание»** (8 реакций): *образование* (2), *педагогика* (2), *преподавание* (1), *учитель* (2), *сфера высшего образования* (1);

- **«Спецслужбы»** (6 реакций): *спасатель* (1), *спасательная сфера* (1), *спасение жизни (МЧС)* (1), *спецслужбы* (1), *пожарный* (1), *экстренные службы* (1);

- **«Сфера медиа»** (6 реакций): *журналистика* (2), *информационная* (1), *СМИ* (1), *средства массовой информации* (1), *реклама* (1);

- **«Семья»** (2 реакции): *семья* (2);

- **«Сфера услуг»** (2 реакции): *бьюти сфера* (1), *мэйк-ап и стилист по волосам* (1).

Ряд ответов был отнесен в группу «Другое» (21 реакция), поскольку лексические единицы, маркирующие род деятельности или профессии, носили слишком общий или, наоборот, специализированный характер. Например, *аналитические* (1), *кадастровые работы* (1), *космос* (2), *криминал* (1), *офис* (1), *туризм* (1), *ЖКХ* (1) и др.

Респонденты также отмечают, что мужчина может успешно реализовать себя в любом виде деятельности: 14 ответов образуют группу «**В любой сфере**». В качестве примеров реакций можно привести следующие: *во всех* (4), *в любой сфере* (1), *во всех где захочет* (1), *в любых* (1), *если мужчина целеустремленный, то он добьется успеха в любой сфере* (1), *в любой, главное желание* (1) и др.

Языковая экспликация представлена следующими способами:

- абстрактные существительные с генерализованным значением ‘сфера деятельности’, которые соответствуют суперординатному уровню таксономической организации (*предпринимательство, архитектура, техника, промышленность, производство, управление, дипломатия, фармацевтика, наука* и др.);

- согласованные определения (*автомобильный бизнес, предпринимательская деятельность, тяжелый физический труд, государственное управление, политическая сфера, врачебное дело* и др.) и несогласованные определения (*работник банка*), распространители с синкретичной семантикой (*охрана порядка, работа в органах*), которые соответствуют субординатному уровню таксономической организации;

- конкретные существительные в форме мужского рода, единственного числа, обозначающие занятость в конкретной профессии (*строитель, инженер, фрезеровщик, шпалокладчик, президент, юрист, актер, режиссер, танцор*) или в форме множественного числа (*инженеры*), которые соответствуют субординатному уровню категоризации;

- родовидовые пары (*врач, хирург; точные науки, информатика*).

Основные механизмы формирования стереотипного знания о типично мужских сферах деятельности:

- конкретизация (*нефтяная промышленность, высокотехнологичные производства, управление производством*);

- пояснение, уточнение с использованием вставных конструкций: *тяжелая физическая работа (обусловлено только физиологическими характеристиками); практическая деятельность (руками); производство (заводы); охрана (мвд); управление тяжёлым транспортом (машинист поезда, крана)*;

- синонимия (*военное дело, военная служба, военная сфера, военная деятельность, воинская служба, военная отрасль; здравоохранение, врачевание*).

2.2.2. Таксономическая организация сфер реализации женщин

Реакции о типично женских сферах деятельности также классифицируются на основе смысловой близости и сходства рода деятельности.

Блок 1. Экономическая сфера (249 реакций)

Самой частотной группой данного блока является «Сфера услуг» (107 реакций). Среди реакций базового уровня можно отметить *сфера красоты* (13), *красота* (6)/*красоты* (1), *индустрия красоты* (9), *бьюти-индустрия* (5), *бьюти сфера* (10) и др.; а также *сфера услуг* (24), *сфера обслуживания* (4), *услуги* (4)/*услуг* (1), *сервисная* (1) и др.

Реакции субординатного уровня маркируют профессии, востребованные в салонах красоты – *мастер по маникюру* (2), *парикмахер* (2), *визажист* (2) и др., а также *клининг* (2), *обслуживающий персонал* (1), *администратор* (1) и др.

52 реакции составляют группу «**Финансы**»: *финансы* (4), *в кредитно-финансовой сфере* (1), *финансовый сектор* (1) и др. (базовый уровень). На

субординатном уровне находятся реакции, обозначающие финансовые институты и профессии: *банк* (2), *бухгалтерия* (5), *банковские работники* (1), *аудит* (1) и др., *торговля* (8), *продажи* (5) *товары* (1) и др. Вместе тем некоторые наименования профессий при обозначении женщин образуют гендерные пары: *продавец* (1) – *продащица* (1).

Ответы группы «**Бизнес**» (44 реакции), с точки зрения респондентов, подразумевают предпринимательскую деятельность и ведение собственного бизнеса. Примеры реакций:

- базовый уровень: *бизнес* (26), *предпринимательство* (6), *ведение отдельного бизнеса* (1);

- субординатный уровень: отдельные отрасли – *малый бизнес* (2), определенные отрасли предпринимательства – *ресторанный бизнес* (1), *гостиничный бизнес* (1), *фарм бизнес* (1) и др., наименования конкретных профессий – *бизнесвумен* (1), *бизнес-вумэн (владелица собственных фирм и кафе, ресторанов и торговых центров, спорт площадок, кибер-площадок)* (1) и др.

В группе «**Управление**» (33 реакции) маркируется способность женщины управлять коллективом, проявлять организаторские способности.

Примеры реакций:

- базовый уровень: *управление* (7), *руководство организацией* (1);

- субординатный уровень: *руководство небольшими организациями* (1), *управление коллективом (редакцией журнала, например)* (1) и др. Среди наименований профессий отмечаются *менеджер* (3), *директор* (1), *руководитель* (1) и др.

Блок 2. Политико-правовая сфера (35 реакций)

Самыми репрезентативными группами данного блока являются «Юриспруденция» и «Политика». В группе «**Юриспруденция**» (15 реакций) базовый уровень составляют реакции *юриспруденция* (10), *право* (1), субординатный уровень – реакции *адвокатская практика* (1), *юриспруденция*

(консультации, адвокатура, юрист в компании...) (1) и др. В качестве наименования профессии можно отметить *юрист* (1).

В группе «**Политика**» (14 реакций) базовый уровень составляют реакции *политика* (10), а ответы *международные отношения* (1), *международные связи* (1), *межкультурная коммуникация (дипломатия)* (1) составляют субординатный уровень.

Блок 3. Социальная сфера (349 реакций)

Наиболее многочисленной в данном блоке является группа «**Образование и воспитание**» (167 реакций). На базовом уровне находятся ответы, маркирующие наименование деятельности в целом: *преподавание* (38), *образование* (41)/*образовательная* (1), *педагогика* (32), *преподавательская деятельность* (6), *сфера образования* (3)/*в сфере образования* (1), *воспитание* (2) и т. д. Тематическая группа здесь и в подобных случаях, как правило, представлена синонимическими девербативами.

Субординатный уровень представлен следующими блоками реакций:

- наименования конкретных профессий: *педагог* (5), *учитель* (5), *воспитатель* (4), *учитель / преподаватель* (1) и др.

- занятость в данном роде деятельности подразделяется респондентами на работу в дошкольных учреждениях (*сфера воспитания детей дошкольного возраста* (1), *работа в дошкольных образовательных учреждениях* (1), *дошкольное образование* (1) и др.); работу в школе (*учительство* (1)); работу в высшем учебном заведении (*работа преподавателя* (1) и др.). Респонденты также выделяют преподавание отдельных дисциплин – *обучение языкам* (1).

Группа «**Медицина**» (112 реакций) имеет следующую структуру:

- базовый уровень: *медицина* (72), *здравоохранение* (4), *лечебное дело* (2) и др.;

- субординатный уровень: конкретные отрасли – *врачебная деятельность* (2), *медицина (определенные области)* (1) и др., конкретные профессии – *врач* (11), *мед.работник* (1), *косметолог* (2) и др.

Семейная сфера жизни не столь обширно представлена в ответах респондентов: в группу «**Семья**» вошли 26 реакций. В данной группе репрезентируются традиционные социальные роли женщины. На базовом уровне выделяется реакция *семья* (9). Субординатный уровень представлен реакциями *домохозяйка* (1), *материнство* (2), *материнство и ведение хозяйства* (1), *домашнее хозяйство* (7), *домохозяйство* (3), *домоводство* (2), *дома* (1) и др.

В группе «**Психология**» (22 реакции) на базовом уровне находится реакция *психология* (19), на субординатном – *психолог* (3).

Успешность женщины в социальной сфере, репрезентирована ответами группы «**Социальная защита**» (20 реакций). Базовый уровень составляют реакции *социальная сфера* (3), *социальное обеспечение* (2), *соц работа* (1), *социальная защита* (1), понимаемая респондентами как *работа с людьми* (2); субординатный уровень – *волонтерство* (1), *общественный активизм* (1), *уход за больными* (1) и др.

Блок 4. Духовная сфера (личностная сфера реализации, увлечения, хобби) (241 реакция)

Ответы, которые маркируют род деятельности, имеющий творческий характер и связанный с созданием произведений искусства, могут быть объединены в группу «**Искусство и творчество**» (116 реакций). Наиболее частотно употребляемыми единицами группы являются абстрактные существительные *искусство* (30), *творчество* (18), *культура* (9). *сфера искусства* (1), *творческая деятельность* (2), *деятельность, связанная с креативом* (1) и др., которые составляют базовый уровень.

Субординатный уровень представлен следующими группами реакций:

- конкретные виды деятельности: *дизайн* (15), *дизайнерское дело* (1), *дизайнерская* (1), *живопись* (1), *изобразительное искусство* (1), *писательство* (1), *поэзия* (1), *танцы* (1) и др.;

- конкретные профессии: *дизайнер* (1) и др.

Отдельно выделяются родовидовые пары: *театр* (3)/*кино* (3), *киноиндустрия* (1), *кинематография – актриса* (2), *актер* (1); *музыка* (2) – *певица* (1) и др.

Реакции группы **«Сфера медиа»** (37 реакций) связаны с журналистикой, работой на телевидении, а также рекламой и связями с общественностью. Базовый уровень представлен реакцией *медиа сфера* (1). Субординатный уровень представлен наименованиями конкретных профессий – *средства массовой информации* (1), *журналистика* (9), *СМИ* (5), *PR* (4), *реклама и связь с общественностью* (1), *телеведущая* (1)/*телевидение* (1) и др., а также *блоггинг* (1), *блогосфера* (1), *блогерство* (1) в связи с возрастающей ролью интернет-коммуникации. Также субординатный уровень представлен наименованиями конкретных профессий – *блогер* (1).

Группа **«Наука»** (34 реакции) маркирует деятельность, связанную с проведением научных исследований. Например, *наука* (13), *научная деятельность* (2), *научная сфера* (1) и др. составляют базовый уровень. Встречаются наименования различных разделов научного знания – *гуманитарные науки* (3), *лингвистика* (4), *ботаника* (1), *литература* (1) и др.; наименования конкретных профессий и должностей – *профессор* (1), *ученый* (2) и др., что также составляет субординатный уровень.

Немногочисленные реакции образуют группу **«Кулинария»** (19 реакций). С точки зрения респондентов, реакции *кулинария* (12), *пищевая отрасль* (1) на базовом уровне связаны непосредственно с работой по найму, а не хобби. Реакции *повар* (2), *кондитер* (1), *бариста* (1), *общественное питание* (1) и др. составляют субординатный уровень.

15 реакций образуют группу «**Мода**» и маркируют на базовом уровне сферу деятельности, связанную с *модой* (4), *стилистикой* (2) (в значении 2. Тот, кто занимается созданием определенного стиля в одежде [Ефремова]), *фэшн-индустрией* (1). В своих ответах респонденты отметили профессии *стилист* (4), *модельер* (1), *стилист в фэшн сфере* (1) и др., что составляет субординатный уровень.

Группа «**Спорт**» (10 реакций) представлена ответами *спорт* (8) на базовом уровне; *спортивный тренер* (1), *спортсменка* (1) на субординатном уровне.

Также немногочисленной является группа «**Хобби**» (10 реакций): *хобби* (1) на базовом уровне; *виды легкой ручной работы (handmade)* (1), *рукоделие* (3), *создание уюта* (1), *садоводство* (2), *флористика* (2) – на субординатном уровне.

В ряде групп количество ответов составляет менее 10 реакций. Данные группы не были детально рассмотрены при построении таксономической структуры. Однако их представленность будет прокомментирована в дальнейшем при компаративном анализе мужских и женских сфер деятельности. К ним относятся следующие группы:

- «**Компьютерные технологии**» (5 реакций): *информационные технологии* (1), *it* (1), *IT-дизайн* (1), *IT-работник* (1), *программирование* (1);

- «**Государственная служба**» (5 реакций): *госслужба* (3), *гос.служба* (1), *местное самоуправление* (1);

- «**Производство**» (5 реакций): *производство* (3), *работа в легкой промышленности* (1), *собственное производство* (1), *пищевая промышленность* (1);

- «**Архитектура и строительство**» (3 реакции): *архитектура* (2), *ландшафтный дизайн* (1);

- «**Транспорт**» (2 реакции): *водитель автобуса* (1), *стюардесса* (1);

- «**Правоохранительные органы**» (1 реакция): *правоохранительная* (1).

Ряд ответов был отнесен в группу «Другое» (29 реакций), поскольку лексические единицы, маркирующие род деятельности или профессии, носили слишком общий или, наоборот, специализированный характер. Например, *аналитика* (1), *архив* (1), *карьера* (1), *коммуникация* (1), *любая крупная компания* (1), *недвижимость* (1), *офис* (1), *проституция* (1), *защита природы* (1), *благотворительность* (1), *трэвал* (1), *фриланс* (1) и др.

Вместе с тем респонденты отмечают, что женщина может успешно реализовать себя в любой сфере: в группу «**В любой сфере**» вошли 26 реакций. Например, *во всем* (4), *езде* (1), *во всех сферах* (3), *в любой* (2), *все сферы деятельности* (1), *во всех где она захочет* (1) и др.

Некоторые респонденты указывают на определенные ограничения: *в любых, кроме тех, где мешают ограничения по физической подготовке (хотя и тут, конечно, бывают исключения); везде где требуется внимание и усидчивость; везде, где много монотонного труда; любая без акцента на физическом труде* и др. Однако встречаются ответы, в которых отмечается успешность в любой сфере деятельности для мужчин и женщин: *езде, нет таких сфер, где может успешно реализовать девушка или парень*.

Языковая экспликация представлена следующими способами:

- абстрактные существительные с генерализованным значением ‘сфера деятельности’ (*бизнес, бухгалтерия, управление, юриспруденция, право, медицина, здравоохранение, живопись, поэзия, танцы, журналистика* и др.), которые соответствуют суперординатному уровню таксономической организации;

- согласованные определения (*ресторанный бизнес, международные отношения, общественный активизм*) и распространители с синкретичной семантикой (*руководство организацией, работа с людьми, уход за больными*), которые соответствуют субординатному уровню таксономической организации;

- конкретные существительные, обозначающие занятость женщины в конкретной профессии, которые соответствуют субординатному уровню таксономической организации (*модельер, спортсменка, профессор, ученый*);
- родовидовые пары (*врач, косметолог; гуманитарные науки, лингвистика; театр, кино, актриса, актер; музыка, певица* и др.);
- парафразы (*ведение отдельного бизнеса*).

Основные механизмы формирования стереотипного знания о типично женских сферах деятельности:

- конкретизация (*производство, работа в легкой промышленности, собственное производство, пищевая промышленность*);
- уточнение, пояснение при помощи вставных конструкций: *бизнес - вумэн (владелица собственных фирм и кафе, ресторанов и торговых центров, спорт площадок, кибер-площадок); управление коллективом (редакцией журнала, например); юриспруденция (консультации, адвокатура, юрист в компании...); межкультурная коммуникация (дипломатия)*;
- синонимия (*преподавание, педагогика, преподавательская деятельность*).

Среди 960 реакций о типично женских сферах деятельности встречается 82 наименования конкретных профессий. Из них 77 маркированы мужским родом при наименовании женских профессий (*преподаватель, воспитатель, повар, переводчик, врач* и др.) и только 5 – женским родом (*певица, актриса, продащица, телеведущая* и др.). Среди ответов, маркирующих одну и ту же сферу деятельности или профессию, также встретились 2 гендерные пары: *актер/актриса, продавец/продащица*. Данная тенденция иллюстрирует ряд положений феномена андроцентризма языка, согласно которому имена существительные женского рода являются, как правило, производными от мужских; существительные мужского рода могут применяться для обозначения лиц обоего пола, что свидетельствует о предпочтении мужской формы для групп и лиц разного пола [Кирилина 1999]. Употребление существительного *бизнесвумен* в ответах

респондентов свидетельствует о переносе ряда гендерно маркированных словообразовательных моделей из английского языка в русский. Наиболее продуктивными словообразовательными моделями в английском языке являются аффиксальная модель образования существительных женского рода от имен мужского рода с помощью компонента *-ess* (*author–authoress, clerk–clerkess, doctor–doctress*) и модель образования сложных существительных с компонентом *-woman* (*horseman–horsewoman, Renaissance man–Renaissance woman*) [Аксюченко, Власова 2015].

Таким образом, на основе индивидуальных реакций респондентов конструируется групповое представление о реализации мужчин и женщин преимущественно в традиционных гендерно ориентированных сферах общественной жизни. Вместе с тем наблюдается явная тенденция к расширению границ стереотипного представления о сферах реализации женщины за счет включения традиционно мужских для русского языкового сознания сфер деятельности, что соотносится с результатами анализа гендерного аспекта российского дискурса трудоустройства [Аликина 2022].

2.3. Компаративный анализ типичных признаков, поведенческих характеристик и сфер реализации мужчин и женщин

2.3.1. Компаративный анализ типичных признаков мужественности и женственности

На основании выявленной структуры концептов МУЖЧИНА/ЖЕНЩИНА можно произвести их сравнительный анализ, сопровождающийся визуализацией результатов исследования (рис. 1).

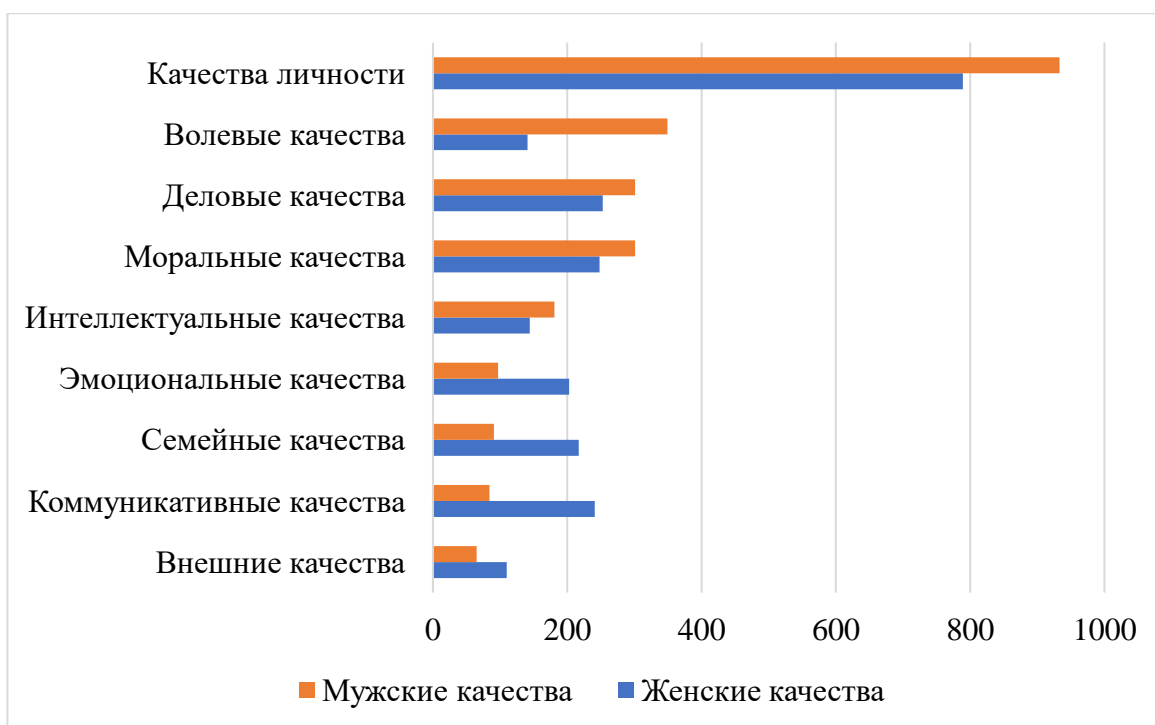

Рис. 1. График частотности употребления групп мужских и женских качеств.

При определении прототипического ядра, предъядерной зоны и периферии использовалось ранжирование, предложенное М.В. Гаранович [Гаранович 2011: 84], однако, в отличие от указанного исследования, нами были объединены ядро и ядерная зоны: прототипическое ядро (от 40% и выше), предъядерная зона (16–40%), периферия (до 16%). При суммировании процентных показателей групп у мужчин и женщин сумма не равна 100%, т. к. качества являются полисемантическими и одновременно могут входить в несколько групп.

Областью определения большинства признаков является тематическая группа «Качества личности», что свидетельствует о сравнительно равной степени значимости личностных характеристик в структуре базовых гендерных концептов. Прототипическим ядром (от 501 и более реакций) концепта МУЖЧИНА становятся традиционные доминанты мужественности (*ответственность, сила, мужество, смелость, уверенность*), ядро концепта ЖЕНЩИНА также представляют традиционные доминанты женственности (*эмоциональность, забота, доброта, женственность*). Данный результат свидетельствует о высокой степени значимости традиционных гендерных

стереотипов в группе информантов, большинство которых составляют молодые люди (18–29 лет) с высоким уровнем образования.

В предядерной зоне (201–500 реакций) концептов МУЖЧИНА и ЖЕНЩИНА приблизительно в равной степени отмечается значимость деловых качеств (301/253 реакций) и приверженность моральным нормам и принципам (301/248). Профессиональная деятельность для женщины не менее значима, чем для мужчины, и маркируется не только характеристиками исполнительности, но и творческой деятельности. Также при определении респондентами мужественности и женственности обнаруживается значимость нравственной мотивации социального поведения. Для характеристики концепта МУЖЧИНА в предядерной зоне важны волевые качества, в то время как при описании концепта ЖЕНЩИНА данная группа уходит на периферию и организована по принципу неявной бинарной оппозиции, свидетельствующей о том, что женщина достигает своих целей мягкостью характера, слабостью, уступчивостью. В структуре концепта ЖЕНЩИНА значимой предядерной группой являются коммуникативные качества, в то время как в структуре концепта МУЖЧИНА они находятся на периферии и строятся по принципу явной бинарной оппозиции. Ценность семьи как области определения концепта ЖЕНЩИНА значительно выше, чем у концепта МУЖЧИНА, и находится в предядерной зоне (217/91). Также эмоциональные качества в структуре концепта ЖЕНЩИНА находятся в предядерной зоне, обладают преимущественно нейтральной коннотацией, в то время как в структуре концепта МУЖЧИНА данная группа является одной из наименее частотных и выходит на периферию (203/97).

На периферии (до 200 реакций) концептов МУЖЧИНА и ЖЕНЩИНА находится группа интеллектуальных качеств, наиболее частотная в периферийной зоне концепта МУЖЧИНА (181/144). Однако если в структуре концепта МУЖЧИНА акцентируется рациональность (*ум, рассудительность, расчетливость*), то значимые интеллектуальные качества

в структуре концепта ЖЕНЩИНА выражены лексическими единицами *мудрость* и *хитрость*. Показательно, что привлекательные внешние данные (*красота, сексуальность* и др.) в структуре концепта ЖЕНЩИНА являются наименее частотной группой женских качеств (110) для респондентов, среди которых преобладают женщины и люди с высшим образованием. В структуре концепта МУЖЧИНА данная группа также является наименее частотной (65).

Модель прототипической организации концептов МУЖЧИНА/ЖЕНЩИНА представлена на рис. 2.

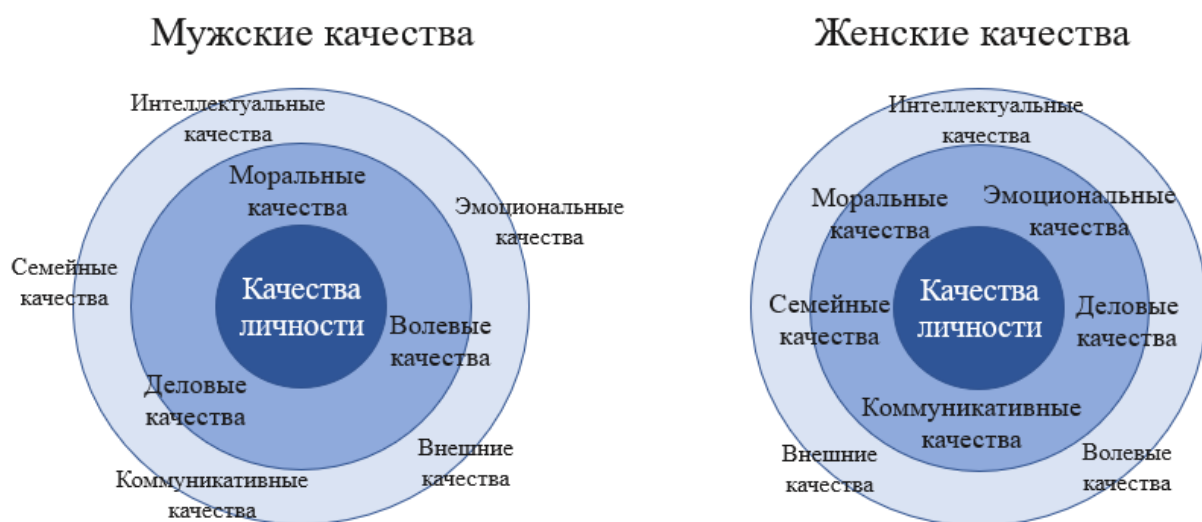

Рис. 2. Прототипическая организация концептов МУЖЧИНА/ЖЕНЩИНА.

Таким образом, на основании полученных результатов можно сделать следующие выводы:

1. Базовые гендерные концепты МУЖЧИНА/ЖЕНЩИНА в современной групповой интерпретации осмысляются не как маркеры пола или традиционных социальных ролей, а как репрезентация социально одобряемых личностных качеств автономных субъектов.

2. Гендерный стереотип как когнитивная схема репрезентативности структурирует групповую концептуальную систему на иерархию областей определения концептуальных признаков мужественности и женственности. Полисемантизм как механизм языковой категоризации гендера производит

индивидуальные конфигурации коллективного энциклопедического знания (рис. 3).

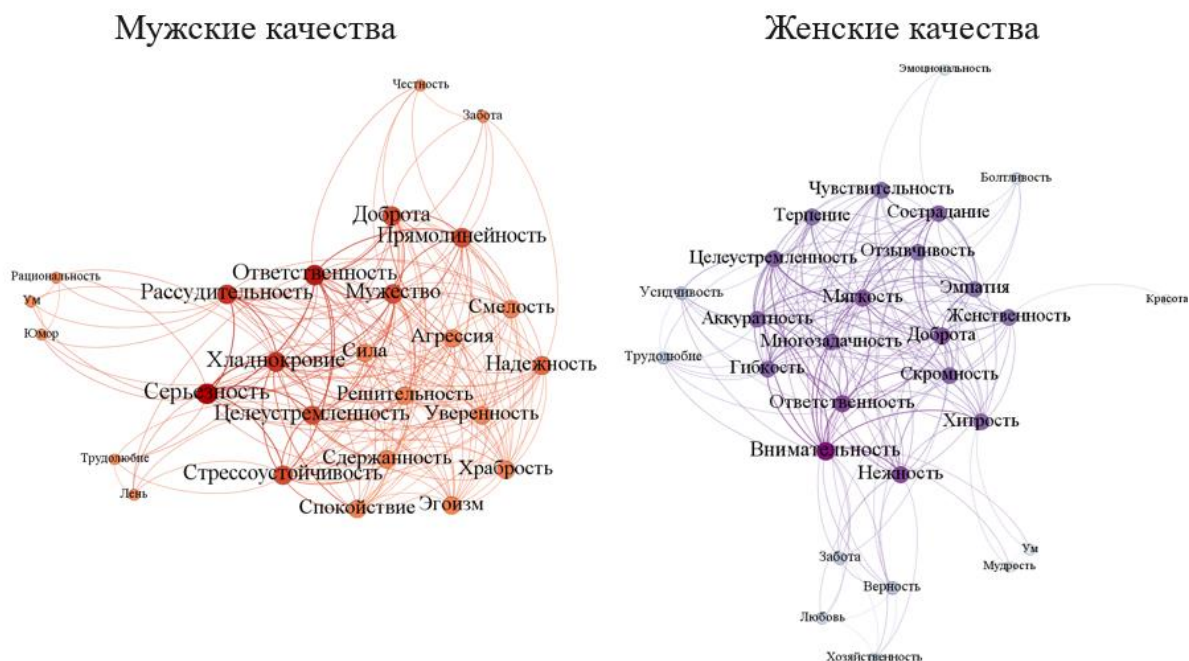

Рис. 3. Визуализация механизма полисемантизма как основания для классификации реакций респондентов.

3. Гендерный стереотип как сочетание прототипических признаков, встроенных в ядро структуры репрезентативности концептов МУЖЧИНА/ЖЕНЩИНА, представляет собой набор традиционных характеристик мужественности и женственности, которые выражаются следующими способами:

- с точки зрения лексико-морфологической репрезентации преобладают абстрактные существительные с семантикой ‘свойство, качество’ и прилагательные в форме мужского рода, единственного числа или в форме множественного числа при описании мужчин; прилагательные в форме женского рода, единственного числа или в форме множественного числа при описании женщин. Для характеристики мужчин и женщин присутствуют лексические единицы со сниженной стилистической окраской; для характеристики мужчин конкретные существительные и глаголы представлены в единичных случаях, женщин – глаголы представлены в

меньшей степени, также присутствует сленг. Можно отметить достаточное наличие интенсификаторов при описании женских характеристик, которые представлены морфемами или языковыми единицами, передающими сильное проявление качества;

- с точки зрения деривационно-эпидигматических связей при характеристике мужчин и женщин частотно употребляемыми являются пары однокоренных лексических единиц существительное – прилагательное, а также пары однокоренных лексических единиц существительное – существительное. Респонденты также употребляют окказиональные существительные;

- с точки зрения синтагматики активно употребляются согласованные и несогласованные определения с целью уточнения признаков, при описании мужчин реже – дополнения со значением объекта-каузатора, глагольные словосочетания, парафразы, устойчивые выражения и устойчивые метафорические словосочетания; при описании женщин реже – дополнения со значением объекта-каузатора. Также в ответах респондентов при описании признаков женственности используются парафразы, устойчивые выражения, клише, фразеологизмы;

- с точки зрения парадигматики можно отметить наличие синонимических рядов существительных и прилагательных с общими компонентами значения, а также синонимические замены при характеристике женщин. Отношения сужения, спецификации применяются для конкретизации признаков. Гиперо-нипонимические отношения встречаются реже;

- механизм профилирования (когнитивной выделенности признака) активируется полисемантической языковых единиц, концептуальные признаки объективируются преимущественно с помощью метафорических моделей, реже – с помощью метонимических моделей. При описании эмоциональных качеств применяются антонимические пары с целью

противопоставления расположенности женщин к проявлению эмоций и расположенности мужчин сдерживать свои эмоции;

- модус интерпретации в целом можно определить как положительно-оценочный, что определяет ценностную интерпретацию называемых концептуальных признаков. Однако в тематической группе «Волевые качества» при описании женщин основным является модус отрицания, с помощью которого маркируется мягкость характера женщины. Также модус отрицания частично применяется при описании личностных качеств женщин, как и механизм оппозиции – при описании моральных качеств;

- обязательными элементами пропозициональной структуры являются субъект характеристики и предикат со значением качественной характеристики; частотными элементами – объект-каузатор и характеризующий компонент.

4. Прототипическая модель концептов МУЖЧИНА/ЖЕНЩИНА маркирует как актуальную коллективную (групповую) интерпретацию знания лексем, соотносимых с гендерной лексико-тематической областью, так и современную конфигурацию гендерной концептуально-тематической области ментальной системы носителей русского языка.

5. Лексико-семантическая репрезентация признаков осуществляется с помощью механизмов внутриязыковой референции, действие которых предполагает как сохранение, так и изменение структуры или содержания исходного значения (вторичная концептуализация). Например:

- вторичная номинация как логическое обобщение в дефиниции аналоговых признаков естественных концептов;

- синонимия: такое мужское качество, как *эгоизм* репрезентируется лексическими единицами *эгоизм* (10), *эгоистичные* (3), *эгоцентризм* (2), *эго* (1), *эгоистичность* (1) и др. Схожей семантикой обладают реакции *самовлюбленность* (3), *самолюбие* (1)/ *мужское самолюбие* (1), *тщеславие* (1), *влюбленный и любящий себя* (1), *высокомерие* (1), поскольку в дефиниции указанных лексических единиц присутствует компонент ‘влюбленный в себя,

убежденный в исключительности своей личности, своих внешних данных' [Ефремова]. К данному списку можно также отнести реакции *бахвальство* (1), *горделивость* (1), *выпендрезность* (1), *любят похвастаться* (1), которые маркируют уверенность в своем превосходстве и достижениях.

Также респонденты изначально при ответе на вопрос указывают качества, которые, с их точки зрения, являются синонимами: *острый ум/сообразительность* (1), *смелость/мужественность* (1), *стабильность/спокойствие* (1) при характеристике мужчин, *чувство материнства/заботливость* (1) при характеристике женщин

- антонимия (*вежливость/грубость, сила/слабость* и др.);
- метафоризация (*твердость, гибкость, сильное плечо* и др.);
- фразеологизация (*я и баба и мужик, хранительница очага*).

6. Наряду с типичными мужскими и женскими признаками можно выделить качества переходной (метагендерной) зоны, в которой преодолевается дискриминация женщины по интеллектуальному признаку, маркируется значимость профессиональной деятельности и социального статуса для мужчин и женщин (рис. 4).

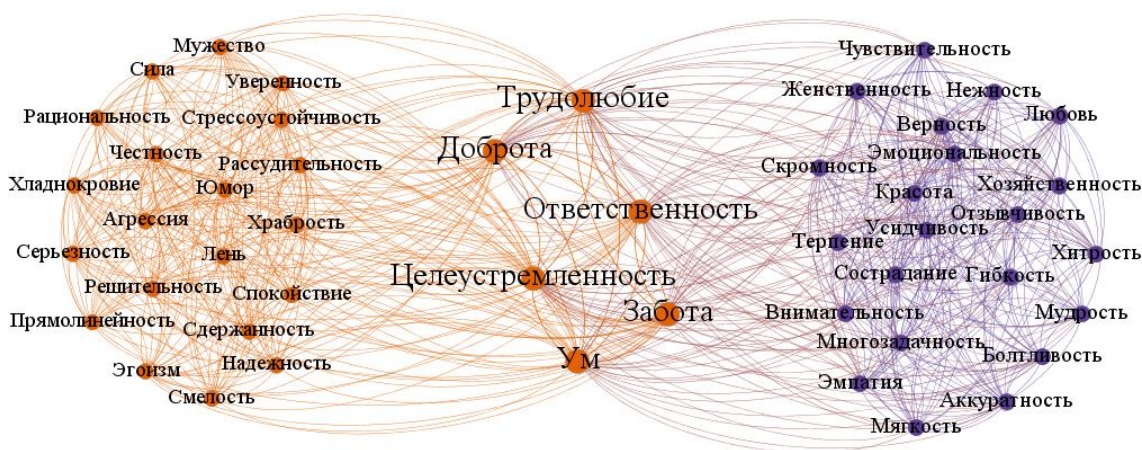

Рис. 4. Визуализация мужских, женских и метагендерных качеств.

7. Несмотря на то, что способ категоризации гендера в групповой интерпретации носителей русского языка представляет собой бинарную модель, определяемую по ядерным прототипическим признакам, на границе

зон структурирования базовых гендерных концептов наблюдаются динамичные процессы становления гендерно нейтральной нормативности, конфликтующей с ядром традиционной модели гендерных различий. Ряд респондентов отказываются различать типично мужские и типично женские качества, что репрезентируется в следующих ответах через модальность явного и скрытого отрицания (2 реакции):

- *считаю, что все представления о типичных качествах и их проявления навязаны обществом и с этим нужно бороться, искореняя разное отношение к людям разных полов;*

- *нет таких, границы размыты.*

Вместе с тем некоторые респонденты занимают двойственную позицию (4 реакции): они исключают гендерные различия и одновременно подчеркивают гендерно стереотипные признаки. Например:

- направление формирования смысла – от профилирования к конкретизации, от конкретизации к стереотипизации; способ выражения смысла – предикация: *Все люди разные. Каждый человек обладает **своими уникальными чертами**, неважно мужчина или женщина, различия в характере полов обусловлены скорее с установками в обществе и тем, как детей воспитывают в соответствии с ними. **Стереотипично** мужчины более решительные, готовы принимать ответственность, менее эмоциональные;*

- способ формирования смысла – импликация: ***любые**, на мой взгляд, **но если исходить из стереотипов**, то: сила духа, упёртость, относительное непроявление эмоций, доминантность, инициативность; женственность, утончённость, яркая эмоциональность, стремление к прекрасному, мягкость. **Такими их хотят видеть обычно.***

Полученные результаты выражают представления о концептах МУЖЧИНА/ЖЕНЩИНА, свойственные для данной группы респондентов, и не могут быть полностью экстраполированы на другие социальные группы.

2.3.2. Компаративный анализ сфер реализации мужчин и женщин

На основании выявленной структуры сфер реализации мужчин и женщин можно произвести их сравнительный анализ, сопровождающийся визуализацией результатов исследования. Обобщение реакций респондентов позволило выделить четыре основных блока сфер деятельности, представляющих суперординатный уровень организации данных категорий: экономическая, политико-правовая, социальная и духовная сферы деятельности. Распределение реакций по соответствующим блокам представлено на рис. 5. Самым многочисленным блоком у мужчин является экономическая сфера деятельности, у женщин – социальная сфера.

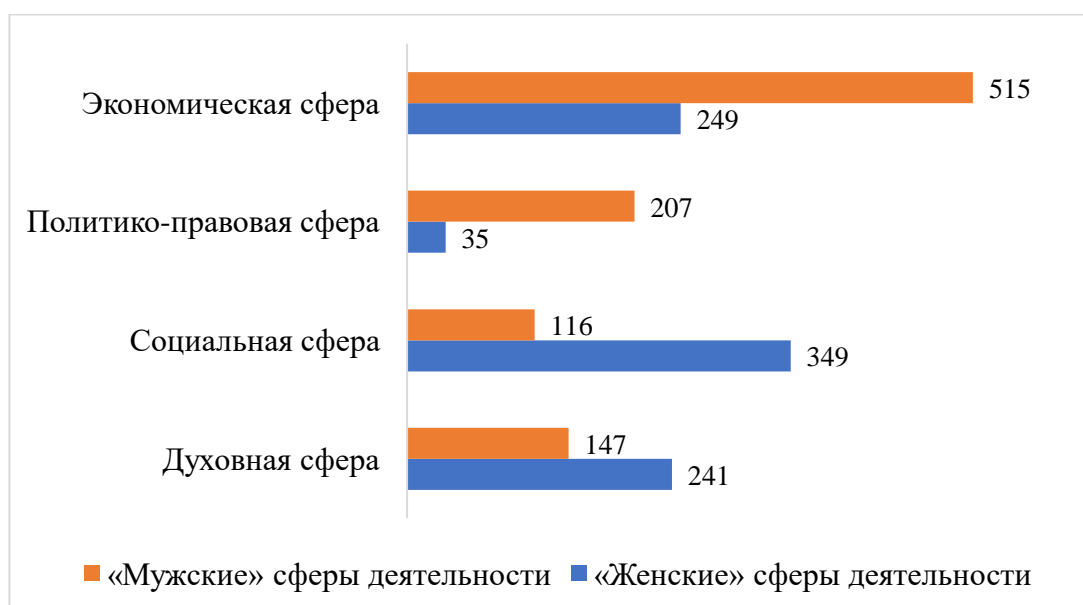

Рис. 5. Распределение блоков мужских и женских сфер деятельности на суперординатном уровне.

Сравним более подробно содержание и способы репрезентации каждого блока сфер социальной реализации мужчин и женщин.

Экономическая сфера (515 реакций у мужчин / 249 реакций у женщин). В экономической сфере наиболее частотными группами на базовом уровне у мужчин являются «Бизнес» (108 реакций), «Архитектура и строительство» (85), «Компьютерные технологии» (80), «Производство» (76). У женщин на базовом уровне наиболее частотно представлена «Сфера услуг» (107). Следует обратить внимание на неравномерность количественного

распределения реакций, а также на качественные различия концептуального содержания на субординатном уровне в группах «Бизнес» (108 реакций у мужчин/44 реакции у женщин), «Финансы» (52/52), «Управление» (46/33). Так, в группе «Бизнес» у мужчин респонденты выделяют ресторанный, автобизнес, ИП и др., у женщин – малый, ресторанный, гостиничный, фарм бизнес. Занятость женщины в сфере бизнеса понимается как *владелица собственных фирм и кафе, ресторанов и торговых центров, спорт площадок, кибер-площадок*. При конкретизации группы «Финансы» у мужчин упоминается банковское дело, биржи, инвестиции, финансовая аналитика, у женщин – бухгалтерия, аудит, торговля. Конкретизируя группу «Управление», у мужчин респонденты маркируют работу на руководящих должностях, в то время как у женщин подчеркивают руководство небольшими организациями, а реакции *директор* (1), *руководитель* (1) являются наименее частотными.

Группа «Техника» характеризует только деятельность мужчин (66), а при описании сфер деятельности женщин группы «Компьютерные технологии» (5), «Производство» (5), «Архитектура и строительство» (3) встречаются в меньшей степени. Вместе с тем группа «Сфера услуг» практически не представлена при описании деятельности мужчин (2).

Можно сделать вывод, что на базовом уровне экономической сферы у мужчин репрезентируется частная инициатива, владение современными технологиями, участие в производственной деятельности, сохранение приоритета работы на руководящих должностях. На субординатном уровне респондентами подчеркиваются занятость мужчины в ресторанном, автобизнесе, индивидуальном предпринимательстве; проектирование, строительство и ремонт помещений; разработка программного обеспечения; работа на промышленных предприятиях. У женщин в экономической сфере на базовом уровне преобладают «женские» виды деятельности – работа в сфере услуг преимущественно в сфере красоты (60 реакций); в группе «Производство» указывается работа в легкой, пищевой промышленности,

отсутствие тяжелого физического труда, компоненты субординатного уровня группы «Управление» маркируют руководителя среднего или низшего звена и др. Вместе с тем наблюдается тенденция к расширению границ стереотипного представления о реализации женщины в экономической сфере за счет выделения групп «Бизнес» (преимущественно малый или средний) как активной предпринимательской деятельности, связанной с рисками, конкуренцией, получением прибыли, и «Финансы» (преимущественно как работа в банковском и бухгалтерском секторах).

Экономическая сфера	М	Ж
архитектура и строительство	85	3
бизнес	108	44
компьютерные технологии	80	5
производство	76	5
сфера услуг	2	107
техника	66	0
управление	46	33
финансы	52	52
Итого	515	249

Рис. 6. Структура экономической сферы деятельности мужчин и женщин.

Политико-правовая сфера (207 реакций у мужчин / 35 реакций у женщин). В политико-правовой сфере при описании деятельности мужчин наиболее релевантными группами на базовом уровне становятся «Политика» (75) и «Военное дело» (73). Группа «Юриспруденция» (23), «Правоохранительные органы» (23), «Государственная служба» (13) также в большей степени присутствуют у мужчин, хоть и не являются частотно употребляемыми. Для женщин данный блок является наименее представленным и конкретизируется преимущественно деятельностью в секторе международных отношений и межкультурной коммуникации; юриспруденции; госслужбы; местного самоуправления.

В данном блоке присутствует традиционное противостояние «женщина – политика», что объясняется, по мнению социологов, сохранением в массовом сознании стереотипов государственного патернализма, «мужских» и «женских» сегментов политики, андроцентризма политической элиты [Айвазова 2016]. Политико-правовая сфера представлена традиционно «мужскими» видами деятельности и репрезентирует социальные роли мужчины как защитника, воина, руководителя государства.

Политико-правовая сфера	М	Ж
военное дело	73	0
государственная служба	13	5
политика	75	14
правоохранительные органы	23	1
юриспруденция	23	15
итого	207	35

Рис. 7. Структура политико-правовой сферы деятельности мужчин и женщин.

Социальная сфера (116 реакций у мужчин / 349 реакций у женщин). В данном блоке на базовом уровне у мужчин самой частотной группой является «Медицина» (89), у женщин – «Образование и воспитание» (167) и «Медицина» (112). Наблюдаются качественные различия концептуального содержания на субординатном уровне в группе «Медицина» (89 реакций у мужчин/112 реакций у женщин). Так, при конкретизации данного вида деятельности у мужчин респондентами отмечается хирургия, массаж, фармацевтика, у женщин – косметология. Группа «Образование и воспитание» является одной из менее релевантных у мужчин (8), вследствие чего можно заключить, что педагогика и воспитательный процесс остаются традиционным женским делом.

Следует отметить, что социальная сфера у женщин более дифференцирована, чем у мужчин. Она включает в себя группы «Семья» (26), «Психология» (22), «Социальная защита» (20). Для мужчин же отмечается работа на транспорте (17) как деятельность, связанная с

перевозкой пассажиров, в то время как при конкретизации данного вида деятельности у женщин выделяется только *водитель автобуса* (1) и *стюардесса* (1). Вместе с тем роль в семье при описании социальных функций мужчин представлена только 2 реакциями. Работа в социальной сфере остается преимущественно женской сферой деятельности, что, по мнению социологов, является воспроизведением традиционного гендерного стереотипа в форме «социального материнства» [Рябова 2001]. Вместе с тем реализация в публичном пространстве доминирует над частной (семейной) жизнью как у мужчин, так и у женщин, что может свидетельствовать о расширении стереотипного представления об успешной деятельности в социальной сфере у мужчин и женщин.

Социальная сфера	М	Ж
медицина	89	112
образование и воспитание	8	167
психология	0	22
семья	2	26
социальная защита	0	20
транспорт	17	2
итого	116	349

Рис. 8. Структура социальной сферы деятельности мужчин и женщин.

Духовная сфера (личностная сфера реализации, увлечения, хобби) (147 реакций у мужчин / 241 реакция у женщин). Для мужчин в духовной сфере нет явно выраженной приоритетной группы на базовом уровне, в то время как у женщин приоритетной группой является «Искусство и творчество» (116). Респонденты отмечают склонность женщины к творческой деятельности и созданию произведений искусства. В качестве конкретизации на субординатном уровне указываются различные виды творческой деятельности – театр, кино, музыка, живопись, писательство, поэзия, танцы, дизайн и др. У мужчин искусство входит в число менее

частотных сфер (24 реакции) и представлено схожими содержательными компонентами – дизайн, музыка, рок-музыка, киноиндустрия и др.

Следует отметить, что значимость научно-исследовательской деятельности для мужчин и женщин представлена в разной степени (54/34). На субординатном уровне также проявляются качественные различия концептуального содержания: у мужчин акцентируется внимание на абстрактных и точных науках, у женщин – преимущественно на гуманитарном знании (лингвистика, литература и др.).

В числе типично мужских сфер деятельности в данном блоке также отмечается «Спорт» (50), в то время как в числе женских групп базового уровня «Спорт» является наименее частотной группой (10).

«Сфера медиа» (37) также является дифференцированной при описании женских сфер деятельности: журналистика, работа на телевидении, реклама и связи с общественностью, а также ведение блогов как нового типа медиа. У мужчин же данная сфера является наименее частотной в данном блоке (6) и представлена журналистикой, СМИ, рекламой.

Сфера «Кулинария» как профессиональная деятельность не является частотной, но почти в равной степени характеризует мужчин (13) и женщин (19). У женщин присутствуют группы «Мода» (15) и «Хобби» (10), в то время у мужчин данные группы отсутствуют.

В духовной сфере наблюдается традиционное деление на «мужские» (наука, спорт) и «женские» (искусство и творчество, сфера медиа, мода) виды деятельности. Вместе с тем на субординатном уровне происходит расширение содержательных компонентов за счет повышения значимости научной деятельности для женщин, которая почти одинакова по частотности с группой «Сфера медиа». Данный факт свидетельствует о привлечении женщин в интеллектуальную, исследовательскую деятельность (например, употребление реакций субординатного уровня *профессор*, *ученый* для описания деятельности женщины в науке).

Духовная сфера (личностная сфера реализации, увлечения, хобби)		
	М	Ж
искусство и творчество	24	116
кулинария	13	19
мода	0	15
наука	54	34
спорт	50	10
сфера медиа	6	37
хобби	0	10
итого	147	241

Рис. 9. Структура духовной сферы деятельности мужчин и женщин.

Таким образом, на основании полученных результатов можно сделать **следующие выводы:**

1. Способами категоризации гендерно ориентированных сфер деятельности становятся прототипическое моделирование базовых секторов сфер общественной жизни, генерализация для обобщения на суперординатном уровне, конкретизация для детализации на субординатном уровне.

2. Неравномерность гендерного распределения в различных сферах общественной жизни свидетельствует о традиционном структурировании гендерного стереотипа: доминирование мужчин в экономической и политико-правовой, женщин – в социальной и духовной сферах. Данная тенденция соответствует сочетанию наиболее репрезентативных характеристик мужественности и женственности, выявленных в ходе анкетирования.

3. Вместе с тем наблюдается тенденция к расширению границ стереотипного представления о сферах реализации женщин за счет включения традиционно мужских для русского языкового сознания сфер деятельности. Также реализация в публичном пространстве доминирует над частной (семейной) жизнью женщины, что приводит к сглаживанию

традиционного разделения социальных ролей («мужчина – работник и гражданин», а «женщина – жена, мать, домохозяйка»).

4. Наблюдаются процессы гендерной нейтрализации при описании видов деятельности, типичных как для мужчин, так и женщин, а также осознанный отказ респондентов от гендерного разделения сфер деятельности. Например, частотность группы «В любой сфере» составляет 14 реакций при характеристике мужчин и 26 реакций при характеристике женщин. На графе представлены группы, частотность которых составляет от 10 раз и выше (рис. 10).

Рис. 10. Визуализация мужских, женских и метагендерных сфер деятельности.

Также ряд респондентов отказываются различать типично мужские и типично женские сферы деятельности, что репрезентируется в следующих ответах (5 реакций при характеристике мужчин и 7 реакций при характеристике женщин):

- затрудняюсь ответить, потому что каждый человек сам в праве выбирать своё любимое дело! Нет наиболее успешных сфер для реализации себя!!! Каждая сфера уникальна и интересна по своему;

- все так же зависит от человека и его целей;

- все профессии, которые есть в современном мире. За рамки нудно выходить. Очень жаль, что в России до сих пор остаётся список «мужских профессий» и др.

5. Показательно, что базовый уровень языковой категоризации сфер деятельности репрезентируется преимущественно базовыми, с когнитивной точки зрения, частями речи: конкретными существительными, качественными прилагательными, глаголами действия [Кубрякова 2004.]. Основными способами репрезентации сфер реализации мужчин и женщин являются абстрактные существительные с генерализованным значением ‘сфера деятельности’, которые соответствуют суперординатному уровню таксономической организации; конкретные существительные, обозначающие занятость женщины в конкретной профессии, которые соответствуют субординатному уровню таксономической организации; согласованные и несогласованные определения, которые соответствуют субординатному уровню таксономической организации; родовидовые пары, реже – парафразы. Основными механизмами формирования стереотипного знания о типично мужских сферах деятельности являются конкретизация, вставные конструкции, синонимия.

6. Следует отметить, что лексически выраженные гендерные пары в ответах респондентов при описании типично женских сфер деятельности малочисленны (*актер / актриса, продавец / продавщица*). Для обозначения лиц женского пола в 94% случаев используются имена существительные мужского рода, что говорит о сохранении явления андроцентризма в лексической репрезентации гендерных стереотипов [Аксюченко, Власова 2015].

7. Несмотря на то, что способ категоризации типичных сфер деятельности мужчин и женщин представляет бинарную модель как когнитивный механизм формирования гендерной идентичности и осмысления гендерных различий, в групповой интерпретации носителей русского языка присутствуют тенденции гендерной нейтрализации на

базовом уровне категоризации, расширения содержательных компонентов на базовом уровне концепта ЖЕНЩИНА и на субординатном уровне концепта МУЖЧИНА.

2.4. Анализ когнитивного механизма гендерной стереотипизации на материале текстового корпуса

В данном параграфе производится верификация результатов анкетирования на материале текстового корпуса. В ходе исследования был составлен корпус текстов по запросу *мужчин*/женщин**, *мужск*/женск**, который включает в себя тексты различных дискурсивных практик – основной корпус НКРЯ и газетный корпус НКРЯ (нелемматизированные тексты). Полученная выборка включает в себя 4 000 контекстов.

В НКРЯ стало возможным получить дополнительную информацию об анализируемых контекстах. Так, контексты основного корпуса НКРЯ были опубликованы в период с 2011 г. по 2019 г., они относятся к публицистике, учебно-научным, рекламным, художественным текстам, текстам электронной коммуникации, характеризуются разнообразной тематикой (администрация и управление, армия и вооруженные конфликты, бизнес, здоровье и медицина, искусство и культура, история, легкая и пищевая промышленность, наука и технологии, образование, право, психология, социология, техника, транспорт, частная жизнь, экономика и др.). Контексты, относящиеся к газетному корпусу НКРЯ, были опубликованы в течение 2019 г., дополнительные сведения о типе контекстов и их тематике отсутствуют.

Более подробная характеристика проанализированных контекстов представлена в Приложении.

При анализе контекстов был применен метод качественного контент-анализа, также производилась обработка контекстов с помощью корпусного менеджера AntConc (анализ конкордансов, анализ кластеров и n-грамм).

В данном параграфе стереотип рассматривается как когнитивный механизм структурирования тематических областей определения концептов МУЖЧИНА/ЖЕНЩИНА, в которых активируются знания о качествах, поведенческих характеристиках, сферах реализации мужчин и женщин как когнитивные регуляторы отбора языковых средств в различных дискурсивных практиках; а также отмечаются актуальные фундаменталистские и эгалитарные тенденции гендерной идентификации в постсоветском времени.

2.4.1. Контекстуальный анализ концептуальных характеристик мужчин

В ходе исследования в корпусе текстов было выделено 1604 релевантных контекста, в которых реализуются различные характеристики мужчин. Все выявленные характеристики можно разделить на характеристики личностных качеств и характеристики сфер профессиональной деятельности. Также добавилась тематическая группа, в которую вошли контексты, маркирующие девиантное поведение мужчины и действия противоправного характера.

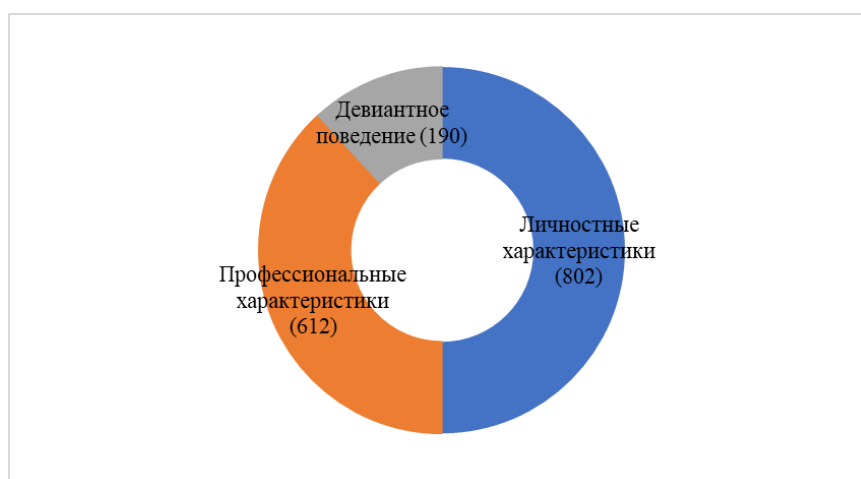

Рис. 11. Тематические области характеристик мужчин в НКРЯ.

Личностные характеристики (802 контекста)

В ходе анализа удалось выделить четыре подгруппы личностных характеристик: возраст, одежда, внешние характеристики, черты характера.

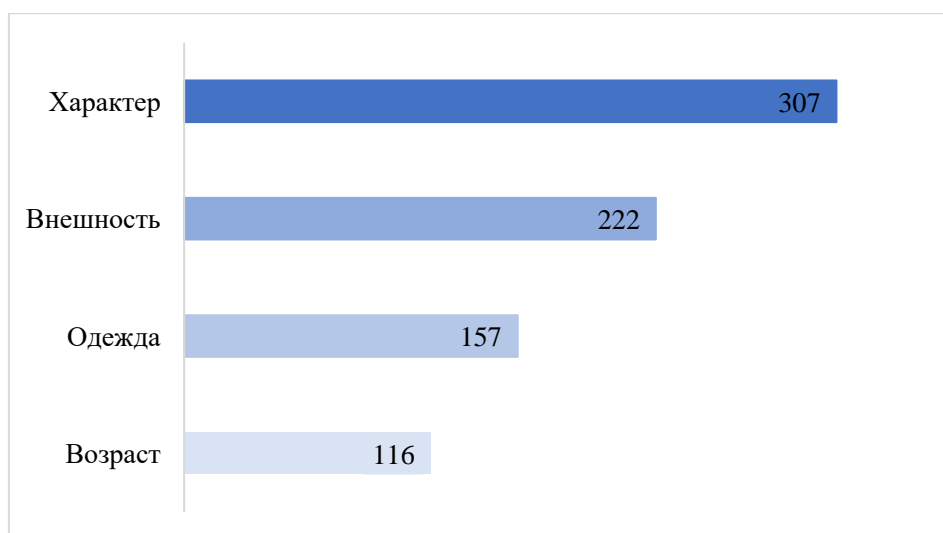

Рис. 12. Личностные характеристики мужчин в корпусе текстов.

Рассмотрим подробнее каждую из тематических групп.

Качества характера (307 контекстов)

Контексты данной тематической группы в большей степени маркируют традиционные, стереотипные мужские качества:

- сила: *всегда сильный мужчина, только теперь это сила не столько brutальная, сколько изысканная*² (1), *сила* (1), *сильные* (2), *сильный* (2), *сильный характер* (1), *сильные мужчины (и я сейчас говорю совсем не о мускулатуре)* (1);

- *Честность с собой и здоровое отношение к реальности, кто бы что ни говорил, остается одной из главных мужских черт;*

- мужской ум, который понимается не только как высокие интеллектуальные способности, но и как жизненная хватка, хитрость, а также особый тип мышления – умение действовать в нестандартных ситуациях: *умные* (5), *умные и хитрые* (1), *мозг мужчины быстрее находит решение нестандартных задач* (1), *мужская ехидная смекалка* (1), *мужская хватка* (1), *мужской ум* (1);

- активность, поиск нового: *активные* (1), *всегда в движении* (1), *деятельный* (1), *жаждущий новых впечатлений* (1), *новаторство в любом*

² Здесь и далее сохранено правописание источника.

деле – миссия мужского пола (1), подвижный (1), стремиться вперед и выше (1), энергичные (1), мужской тип, когда нужно постоянно что-то преодолевать и совершать подвиги (1), мужчина в большей степени исследователь большого мира за пределами дома (1);

- агрессия, применение физической силы для решения проблем: агрессивно (1), агрессивный (1), воинственность (1), мужчина выплескивает свою агрессию в виде ругательств, порой с рукоприкладством (1), нарывается на драку (1), буйные (1), буйный (1);

- смелость: не струсил (1), ничего не боятся (1), мужчина-смельчак (1);

- серьезные намерения: серьезный (3), с серьезными намерениями (1);

- высокие моральные качества: благородные (1), благородство (1), верный (1), все зависит от моральных качеств мужчины (1), выполнять свой долг (1), высшая степень благородства (1), защитник женской чести и человеческого достоинства (1), мужчина прежде всего должен выполнять свой долг, а не указания мамы (1), порядочные (1).

Вместе с тем можно выделить ряд контекстов, в которых репрезентируются эмоциональные переживания мужчины, а также подчеркивается, что мужчина имеет право на проявление своих эмоций. В этом случае способом вербализации является микротекст, фиксирующий конкретную ситуацию. Например:

- В итоге не осознанная, не выплеснутая, не сказанная, даже не выплаканная мужчиной энергия накапливается до тех пор, пока не вырывается наружу, принимая подчас формы душевного заболевания;

- Мужчины стали гораздо чаще обращаться за психологической помощью: из каждых пяти обращений сегодня минимум три от них.

Большее число контекстов (по сравнению с женщинами) – 33 контекста – маркируют приверженность вредным привычкам: вклад алкоголя в мужскую смертность 75% (1); «Влияние алкоголя – нами четко оценено – оно просто колоссальное, особенно на мужское население, в меньшей степени на женщин, но тем не менее этот блок также весом», – сказал

министр (1); запойный пьяница (1), затягивается сигаретой (1), курят (2); «Именно поэтому основная категория граждан, которые попадают в зависимость от игр – это мужчины», – пояснила Лысакова (1) и др.

Ряд контекстов передает стереотипные ожидания от «правильного» поведения мужчины, которое принято обществом:

- *А вот говорят, мужчинам стыдно плакать* (т.е. не проявлять свои эмоции);

- *Алексей, попробуйте остаться мужчиной* (т.е. придерживаться достойного поведения);

- *быть как мужчины, говорить как мужчины и принимать решения как мужчины;*

- *Мужчинам во все времена приходилось быть мужественными* и др.

Однако встречаются контексты, в которых можно наблюдать трансформацию стереотипного образа настоящего мужчины. В корпусе текстов образ настоящего мужчины может наделяться и другими качествами: *Настоящий мужчина – это далеко не всегда мясо с кровью, трехочковый или гол со штрафного; отказ мужчин от традиционного латиноамериканского «мачизма»* и др.

Оценочные характеристики встречаются реже и маркируют некий стандарт достойного поведения, положительное отношение. Например, *настоящие* (4) / *настоящий* (3), *нормальный* (3), *замечательный* (1), *идеал мужчины* (1) / *идеальный* (1), *мужчина мечты* (1), *обычный* (1) / *обычные* (1), *хороший* (1) и др.

Тематическая группа «Качества характера» в материале корпуса имеет вариативное языковое выражение и следующую лексико-грамматическую репрезентацию:

- производные существительные с абстрактной семантикой 'свойство, черта' (*сила, честность, благородство, ум, активность, воинственность, мужество*);

- однокоренные с существительными прилагательные (*мужественный, энергичный, агрессивный, благородный*) и однокоренные производные существительные в функции приложения (*смельчак, защитник*);

- синонимия: *благородный, верный, выполнять свой долг, порядочный*;

- атрибутивные (*сильный*) и предикативные признаки – глагол, маркирующий действия базового категориального уровня (*не струсил*);

- согласованные и несогласованные определения (*с серьёзными намерениями*);

- как правило, семантика языковых единиц с положительной коннотацией.

Речевые модели гендерных стереотипов (логические и речевые способы выражения смысла):

- асимметричное конструирование семантики ситуации – оппозиция (*это сила не столько brutальная, сколько изысканная; мужчина прежде всего должен выполнять свой долг, а не указания мамы*);

- детализация семантики ситуации – конкретизация в словосочетании, где черта характера – атрибутивный признак (*сильный характер, мужской ум*);

- парафраза (описательное представление черты): *здоровое отношение к реальности* (прагматичность);

- дескрипция: *мужской тип, когда нужно постоянно что-то преодолевать и совершать подвиги; основная категория граждан, которые попадают в зависимость от игр – это мужчины*;

- пояснение/вставная конструкция: *сильные мужчины (и я сейчас говорю совсем не о мускулатуре)*;

- область предикации как основание для осмысления объекта – предикативное сочетание: *новаторство в любом деле – миссия мужского пола*;

- оценочное суждение/предикация: *мозг мужчины быстрее находит решение нестандартных задач; всё зависит от моральных качеств мужчин*;

- натуроморфные метафорические модели: *мужчины выплёскивают свою агрессию*;

- когнитивный механизм сравнения, социоморфная метафорическая модель (зона-донор – наука): *мужчина в большей степени исследователь большого мира за пределами дома*;

- оценочный модус, проникающий в диктум: *ехидная смекалка, мужская хватка*;

- модальность отрицания: *ничего не боятся; не струсил; я говорю совсем не о мускулатуре*.

Пропозициональная модель ситуации «Качества характера»: Субъект – носитель свойства, качества/предикативный признак – черта характера; действие, через которое проявляется качество, свойство/объект/атрибутивный признак.

Внешность (222 контекста)

Одной из наиболее частотно употребляемых внешних характеристик мужчины является высокий рост: *высокий (17) / высок (1) / высокого роста (1), баскетбольных размеров (1), здоровенный (1), огромный рост (1)* и др. Характеристики низкого роста встречаются в меньшей степени: *невысокий (3), небольшого роста (2), невысокого роста (1), небольшой (1)* и др.

В контекстах также акцентируется внимание на привлекательной внешности: *красивый (6) / красивые (3) / красивее (1) / красота (1), симпатичный (5), красавец-мужчина (1), неотразимый (1), несказанной красоты (1), очень жесткая, очень мужская красота (1), очень красивый (1), прекрасный (1)* и др. Встречаются маркеры целостного внешнего образа: *представительный (2) / представительного вида (1), брутальный (1), интересный (ну нестандартный так точно) (1), брутальный (1), приятный [о внешности], (1), видный (1), заметный (1), солидный с виду (1)* и др., а также описания мужского типа – *«красивый, умный и в меру упитанный мужчина в самом расцвете сил» (1), с внешностью белой акулы-убийцы (1)*.

Вместе с тем часть контекстов содержит маркеры хорошей физической формы мужчины: *былинные плечи* (1), *как вам удается сохранять такую мужскую форму в вашем возрасте?* (1), *крепко сколоченный* (1), *крепкий* (2) / *крепкие* (3), *мощный спортивный торс* (1), *мускулистые* (1), *накачанный* (1), *поджарый* (1), *подтянутый* (2), *поджарый мужчина сверкавший мускулистыми голенями* (1), *мужской торс и сейчас является одной из наиболее привлекательных частей тела мужчины в глазах женщин* (1), *стахановская мускулатура* (1) и др. Также встречаются контексты с описанием худощавого телосложения – *худощавый* (3), *стройный* (1) или, наоборот, – *толстый* (3), *крупный* (3), *плотный* (4), *большой* (1), *бочкообразный* (1), *грузный* (1), *дородный* (1), *масштабный* (1), *тучный* (1), *с пивным брюшком* (1) и др.

Необходимо отметить контексты, в которых подчеркивается желание мужчины ухаживать за собой и выглядеть привлекательно. В этом случае способом вербализации является микротекст, фиксирующий конкретную ситуацию: *Классический мужской педикюр состоит из следующих этапов: распаривание стоп в ванночке с морской солью, целебными маслами или настоями лечебных трав, обработка стопы с помощью лезвия, придание формы ногтям и удаление кутикулы, шлифовка ногтя.*

Можно выделить дополнительные группы внешних характеристик:

- прическа: *лысый* (4), *волосы волнистые* (1), *коротко стриженный* (1), *мужская прическа «гриб»* (1), *длинноволосый* (1). Отдельно встречается описание седины, которое косвенно связано с возрастом – *обильной седины* (1), *с венчиком седых волос* (1), *с возрастной сединой* (1), *с коротким ежиком седых волос* (1), *седой* (2) / *седовласый* (1) и др.;

- усы и борода: *с сединой в бороде* (2), *бородатый* (2) / *бородатые* (1), *гладко выбрит* (1), *небритый* (1), *маленькие жесткие усы, коловшие шею и щеки* (1), *недельная щетина* (1), *с аккуратной бородкой* (1), *с усами* (1) и др.

- отличительные черты: *в шрамах* (1), *татуировки* (1);

- описание взгляда: *глаза карие, выразительные* (1), *голубоглазый* (1), *застенчивый взгляд* (1), *с большими черными глазами* (1) и др.

Описание неопрятного внешнего вида встречается реже: *пахнет тяжело* (1), *растрепанный* (1), *с грязной головой мужчина* (1), *сальные волосы* (1) и др.

Тематическая группа «Внешность» в материале корпуса имеет вариативное языковое выражение и следующую лексико-грамматическую репрезентацию:

- атрибутивные признаки, выраженные преимущественно прилагательными в форме мужского рода, единственного числа;

- однокоренные пары лексических единиц абстрактное существительное – прилагательное (*красота – красивый/красивые*); пары прилагательное – конкретизирующее словосочетание (*высокий – высокого роста, крепкий/крепкие – крепко сколоченный, представительный – представительного вида*); однокоренные производные существительные в функции приложения (*красавец*);

- синонимические ряды прилагательных с компонентами значения ‘высокий рост’, ‘привлекательная внешность’, ‘хорошая физическая форма’, ‘лишний вес’ и др.;

- согласованные (*мощный спортивный торс, застенчивый взгляд*) и несогласованные (*с возрастной сединой; с внешностью белой акулы-убийцы*) определения;

- преимущественно семантика языковых единиц обладает положительной коннотацией и передает привлекательный внешний вид, хорошую физическую форму, высокий рост;

- интенсификаторы, которые передают сильное проявление признака и выражены словами-интенсификаторами или соответствующими морфемами (*здоровенный; очень красивый; очень жесткая, очень мужская красота, самые красивые*);

- гиперболизация (*огромный рост*);

- метафорические определения (*баскетбольных размеров, былинные плечи, стахановская мускулатура, бочкообразный, накачанный, с густыми пепельными волосами, масштабный, тучный*).

Речевые модели гендерных стереотипов представлены следующими способами:

- пояснение/вставная конструкция: *интересный (ну нестандартный так точно)*;

- инверсия: *волосы волнистые; глаза карие, выразительные; с грязной головой мужчина*;

- оценочное суждение: *мужской торс и сейчас является одной из наиболее привлекательных частей тела мужчины в глазах женщин*;

- натуроморфные метафорические модели: *поджарый мужчина сверкавший мускулистыми голенями*;

- цитирование, интертекстуальность: *«красивый, умный и в меру упитанный мужчина в самом расцвете сил»*;

- метафора: *с внешностью белой акулы-убийцы*;

- сравнительные обороты: *со светлыми глазами, безумными, как у хорька*;

- модальность отрицания, передающая отсутствие признака: *невысокий, небольшого роста, невысокого роста*.

Пропозициональная модель ситуации «Внешность»: Субъект – носитель свойства; качества/предикативный признак – черта внешности; действие, через которое проявляется качество, свойство/объект/атрибутивный признак.

Одежда (157 контекстов)

В данную тематическую группу вошли контексты, в которых можно встретить описание предметов гардероба, аксессуаров, парфюмерных принадлежностей. В большинстве случаев в контекстах маркируется одежда различных стилей, как делового, так и повседневного:

- мужская одежда (3): в смокинге (2), мужская рубашка (2), мужской костюм (4) / в костюмах (1), в деловой одежде (1), в голубых джинсах и красной футболке (1) и др. Отдельно подчеркивается предпочтение выбирать дорогую и качественную одежду: в дорогом пальто (1), в дорогих костюмах (1), хорошо одетые (1) и др.;

- служебная одежда как косвенный маркер профессии: в бронежилете (2), в брезентовом плаще (1), в военном кителе (1), в гоночном шлеме (1), одетые как на охоту (1), в серых ризах (1) и др.;

- обувь: мужская модель этих кроссовок (1), мужские ботинки (1), мужские сапоги (1), подходящей мужской обуви нет совсем (1) и др.;

- аксессуары и парфюмерия: мужские часы (2), стильный мужской парфюм Givenchy (1), И, правда, в наши дни не все относятся к шляпе как к предмету гардероба серьезного мужчины (1), мужские украшения и аксессуары (1), мундштук – мужской аксессуар (1), мужской портфель (1), идеально свернутых-завязанных галстуках (1), тросточка (1) и др.

Также можно выделить тематическую подгруппу, связанную с мужской модой. В данных контекстах подчеркивается желание мужчины выглядеть стильно и соответствовать модным тенденциям; активно обсуждаются мужские коллекции различных модных домов – мужская коллекция (4) / показ мужской коллекции (1), неделя мужской моды (2), итальянский бренд мужской одежды (1), Мужскую коллекцию *Malò* сезона весна-лето 2016 характеризуют элегантность, гармоничность, самобытность и, конечно же, непревзойденное качество (1) и др.

Тематическая группа «Одежда» в материале корпуса имеет вариативное языковое выражение и следующую лексико-грамматическую репрезентацию:

- конкретные существительные употребляются при обозначении предметов гардероба;

- атрибутивный признак, выраженный прилагательным *мужской*, маркирует предметы мужского гардероба (*мужская одежда, мужской аксессуар, мужская рубашка* и др.);

- преимущественно семантика языковых единиц обладает нейтральной коннотацией и передает дорогую одежду, стремление иметь хороший гардероб (*хорошо одетые*);

- гиперболизация: *со сверкающими наручными часами в размер настенных*;

Речевые модели гендерных стереотипов представлены следующими способами:

- детализация семантики ситуации – конкретизация в словосочетании, где предмет гардероба – атрибутивный признак (*мужская одежда, мужской парфюм*);

- дескрипция: *Новый аромат Michael Kors for Men создан для мужчин, которые всегда в движении и в чьем образе органично сочетается мужественность и городская утонченность жителя современного мегаполиса*;

- оценочное суждение: *мне нравятся мужчины в тонких очках, это придает им интеллектуальный шарм; И, правда, в наши дни не все относятся к шляпе как к предмету гардероба серьезного мужчины; Обязательной вещью для хорошо одетого по советским меркам мужчины и после Великой Отечественной войны считался солидный двубортный бостонский костюм, как правило, черного или темно-синего цвета с широкими (40-45 см) брюками*;

- метонимический перенос, когда предмет одежды становится косвенным маркером профессии: *в бронежилете, в военном кителе, в гоночном шлеме, в серых ризах*;

- когнитивный механизм сравнения, когда между собой сравнивается подход к выбору одежды мужчин в разных странах (*Мужчины же в одежде консервативны, особенно если сравнивать с жителями большинства*

европейских стран), а также предметы гардероба мужчин и женщин (*Были мужские роли и атрибуты – одежда, прическа, духи – и были женские; Теперь господствуют стрижки и деловые костюмы, причем среди женщин едва ли не больше, чем среди мужчин*).

Пропозициональная модель ситуации «Одежда»: Субъект – носитель свойства, качества/предикативный признак – предмет одежды; действие, через которое проявляется качество, свойство/объект/атрибутивный признак.

Возраст (116 контекстов)

В корпусе текстов акцентируется внимание на возрасте мужчины. Встречаются различные варианты номинации возраста:

- **абстрактный возраст** (80 контекстов). Наиболее частотно употребляемыми характеристиками является антонимическая пара *пожилой* (12) / *молодой* (11). Отдельно выделяется так называемый средний возраст: *средних лет* (6), *взрослый* (7) / *взрослые* (2), *среднего возраста* (3), *зрелый* (2), *твердых срединных лет* (1) и др. Также косвенно через возраст эксплицируется социальная роль мужчины как защитника, воина: *боеспособного возраста* (1), *непризывного возраста* (1) и др.

- **конкретный возраст** (36 контекстов). В данном случае в контекстах используются сложные прилагательные с количественной корневой морфемой; средства с семантикой приблизительного количества – нумеративные словосочетания с обратным порядком слов, предложно-падежные формы количественных числительных в родительном и дательном падежах (*к, около*): *лет сорока* (5), *23-летнего* (1), *38-летнего* (1), *пятидесятилетний* (2), *к семидесяти* (1) и др.

Тематическая группа «Возраст» в материале корпуса имеет вариативное языковое выражение и следующую лексико-грамматическую репрезентацию:

- преимущественно маркеры возраста выражены прилагательными, нумеративными словосочетаниями, количественными числительными;

- согласованные определения, выраженные синтаксически нечленимыми словосочетаниями (*боеспособного возраста, непризывного возраста*);

- преимущественно семантика языковых единиц обладает нейтральной коннотацией и передает различные характеристики возраста;

- антонимические пары прилагательных (*молодой/пожилой*);

- синонимический ряд прилагательных с общим компонентом значения 'средний возраст' (*зрелый, твердых срединных лет*);

- устойчивые выражения (*молод не по годам*);

- метафорические определения (*зрелый*).

Речевые модели гендерных стереотипов представлены следующими способами:

- метафора: *с запасом лет до пенсии* (т.е. средних лет);

- оценочное суждение: *к семидесяти, и все же – не старик пока*.

Пропозициональная модель ситуации «Возраст»: Субъект – носитель свойства, предикат с семантикой 'качество, свойство'.

Таким образом, с точки зрения лексико-грамматической репрезентации гендерного стереотипа при описании мужественности можно сделать вывод, что выбор части речи при описании стереотипных признаков обусловлен тематической группой. При анализе тематических групп «Качества характера», «Внешность» употребляются языковые единицы с положительной коннотацией, при анализе тематических групп «Одежда» и «Возраст» преимущественно употребляются языковые единицы с нейтральной коннотацией, которые маркируют фактическую информацию. Для характеристики мужественности в большей степени употребляются атрибутивные признаки, согласованные и несогласованные определения, метафорические определения. При описании качеств характера, внешности и возрастных характеристик были выявлены синонимические ряды с общими компонентами значения 'высокий рост', 'хорошая физическая форма',

‘средний возраст’ и др. Наиболее частотной характеристикой при описании возраста стала антонимическая пара *молодой/пожилой*. Интенсификаторы и гиперболизация применяются для передачи сильной степени проявления признака при описании внешности и одежды.

С точки зрения речевых моделей гендерной стереотипизации наиболее частотно употребляемыми моделями при описании мужественности являются дескрипция, оценочное суждение (мнение автора высказывания), детализация семантики ситуации – конкретизация, где в качестве атрибутивного признака выступает черта характера, внешности или одежды.

Профессиональные характеристики (612 контекстов)

Сферы реализации мужчин представлены в меньшей степени, чем в анкетировании, и их ранжирование отличается от его результатов.

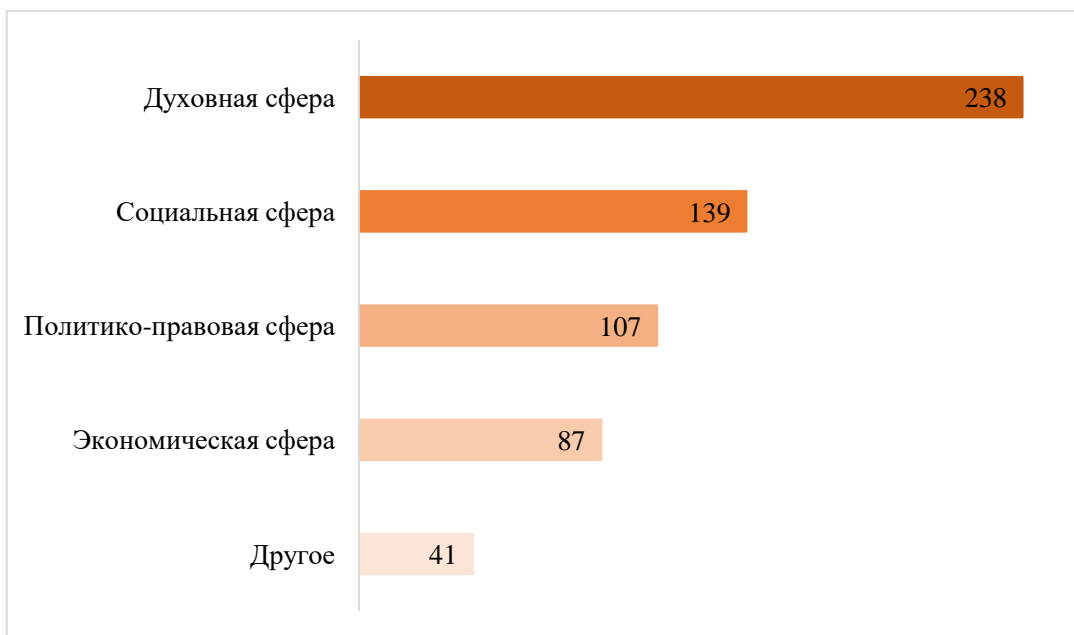

Рис. 13. Сферы реализации мужчин в корпусе текстов.

Блок 1. Экономическая сфера (87 контекстов)

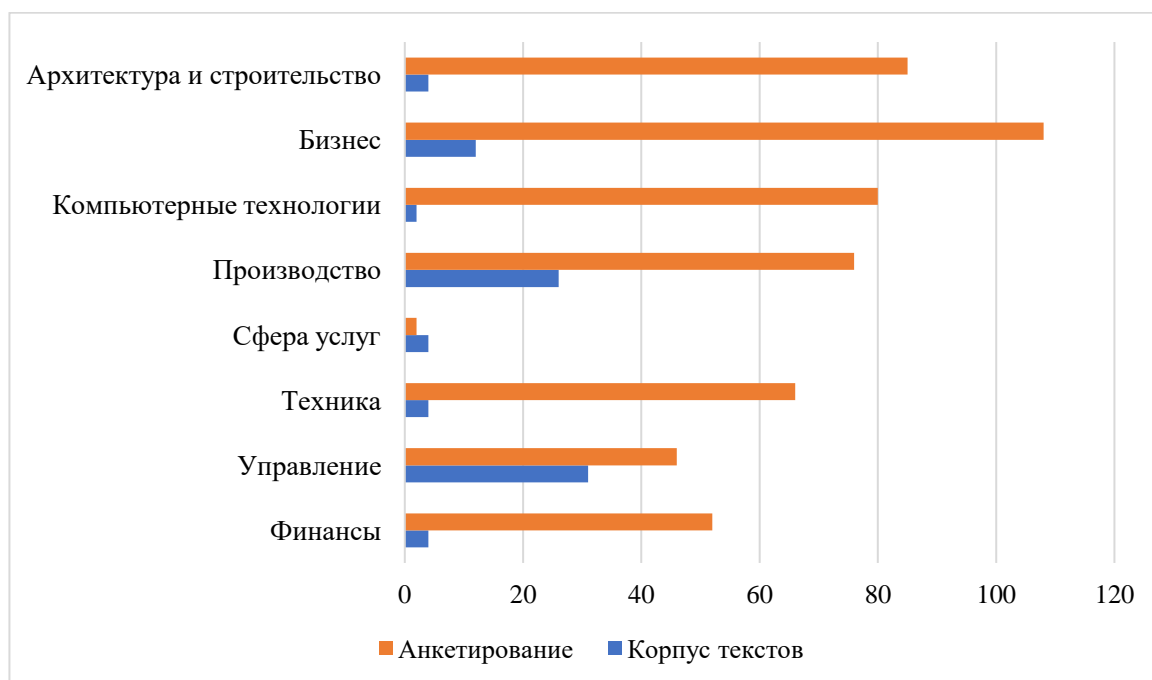

Рис. 14. Структура экономической сферы деятельности мужчин.

Необходимо отметить низкую представленность мужчин в экономической сфере по сравнению с данными анкетирования – 87 контекстов в корпусе текстов и 515 реакций по данным анкетирования.

Наиболее релевантной группой данной сферы в корпусе текстов является «**Управление**» (31 контекст). В контекстах отмечается, что *в глобальных вопросах руководит мужчина* (1). Также употребляются различные наименования руководящих должностей: *крупный руководитель* (3), *гендиректор* (2) / *директор* (2), *начальник* (1) / *начальники* (1), *на топовых позициях* (1) / *топ-менеджер* (4) / *топ-менеджеры* (1) / *мужчина-топ-менеджер* (1). Встречаются и наименования руководящих должностей в конкретных отраслях: *староста* (2), *шкипер* (1), *командир корабля* (1), *руководитель онлайн-клиники* (1) и др.

В группу «**Производство**» вошли 26 контекстов, в которой маркируются следующие виды деятельности:

- общий характер деятельности (работа на тяжелом производстве, в легкой промышленности, в сфере сельского хозяйства и др.): *выплавка стали*

(1), завод (1), мужские производства (1), на пашню (1), сельское хозяйство (1) и др.;

- наименования профессий: *крестьянин* (1), *мастера инструментального цеха* (1), *начальник сборочно-механического производства* (1), *фермер* (1) / *фермеры* (1), *рыбак* (1) / *рыбак прибрежного лова* (1), *столяр – резчик по дереву* (1) и др.

Отдельно можно отметить контексты, маркирующие физический труд: *бить по железу молотком* (1), *грузчик* (1), *дворник* (3), *работа в шахте* (1), *руками поработать* (1) и др.

В группе «**Бизнес**» (12 контекстов) репрезентируется занятость мужчины в одноименной сфере: *бизнес* (2), *бизнесмен* (1), *мужской бизнес* (1), *мужская половина предпринимательства* (1), *предприниматели-мужчины* (1), *продает крючки и удочки* (1), *продажи* (1), *самозанятые* (2). Среди отраслей бизнеса отмечают *гастрономический бизнес* (1), *крупный олигархический бизнес* (1).

Остальные группы данной сферы деятельности представлены в меньшей степени (до 10 контекстов в группе), что представлено на диаграмме на с. 170.

Блок 2. Политико-правовая сфера (107 контекстов)

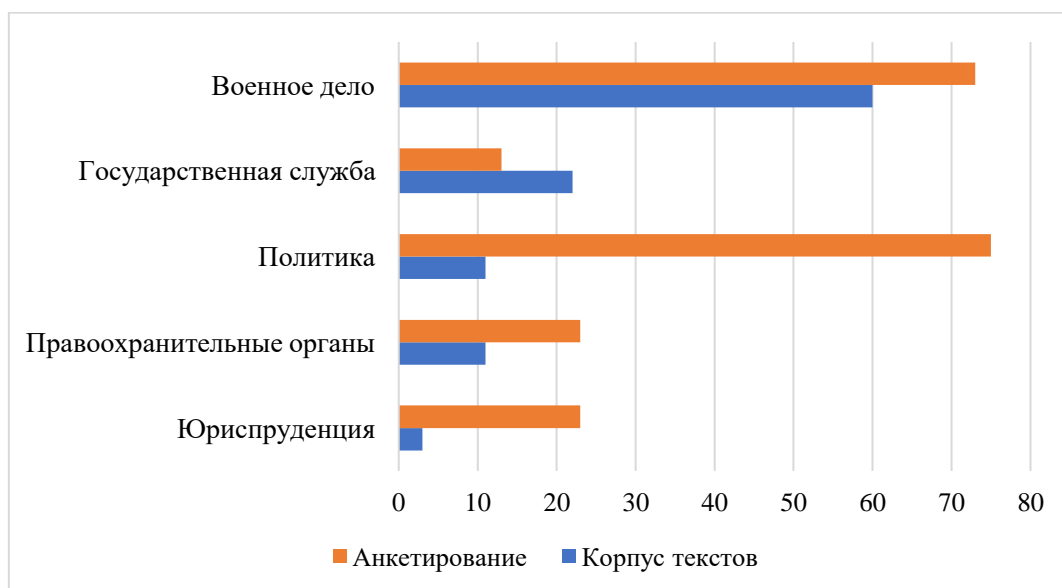

Рис. 15. Структура политико-правовой сферы деятельности мужчин.

Наиболее частотной группой данной сферы деятельности является «**Военное дело**» (60 контекстов), в которой акцентируется занятость мужчины в армии и на службе: *армия* (2), *воевать* (1), *военная служба* (1), *война* (5) и др. Подчеркивается, что *воюют у нас строго только мужчины* (1), *служить было не зазорно, а почетно* (1), *Мужчина – охотник, воин, странник за опытом* (1) и др.

Можно выявить ряд контекстов, в которых обсуждается призывной возраст и всеобщая воинская повинность, в том числе и в историческом аспекте. Например:

- *Александр II ввел всеобщую воинскую повинность, которой подлежало все мужчины, достигшее 21 года;*

- *Каждый мужчина в возрасте от 18 до 27 лет может получить повестку из военкомата, и тогда ему придется провести год в казарме и освоить воинскую специальность и др.*

В контекстах содержатся наименования воинских званий по разным видам войск, а также награды как констатация заслуг: *адмирал* (1), *генерал* (2), *георгиевские кавалеры* (1), *драгуны* (1), *старший прапорщик* (1), *лейтенант запаса молдавской армии* (1) и др. Кроме того, ряд контекстов передает ведущую роль мужчин во время боевых действий в период Великой Отечественной войны: *сражались на фронте* (1) / *ушли на фронт* (1), *дерутся в штыковом бою и рукопашной* (1), *погиб на фронте и единственный мужчина* (1) и др.

Контексты группы «**Государственная служба**» (22 контекста) подчеркивают занятость мужчины в законодательной и исполнительной власти. Например, *глава администрации* (1), *депутат* (1), *должность на государственной службе* (1), *районный глава* (1), *чиновники* (1), *заммэра* (1) и др.

По сравнению с данными анкетирования группы «**Политика**» (75 реакций; 11 контекстов), «**Правоохранительные органы**» (23 реакции;

11 контекстов), «Юриспруденция» (23 реакции; 3 контекста) представлены в значительно меньшей степени. В данных группах репрезентируется занятость мужчины в сфере политики и международных отношений; полиции и сфере внутренней безопасности; суде. Например, *дипломат* (3), *международные отношения* (1), *политика* (3) / *политик* (1) / *политики-мужчины* (1); *полицейский* (3) / *мужчины-полицейские* (1), *следователь* (1), *служба в органах* (1); *судья* (2), *мужчины-присяжные* (1) и др.

Блок 3. Социальная сфера (139 контекстов)

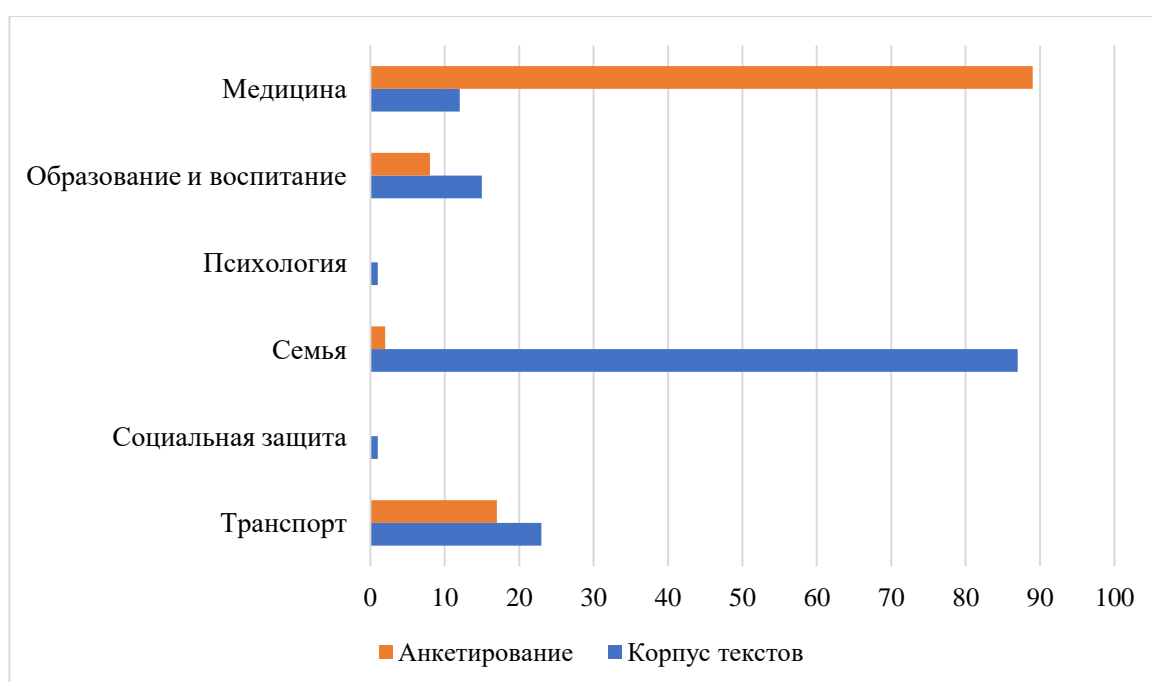

Рис. 16. Структура социальной сферы деятельности мужчин.

Интересно отметить, что данные корпуса не совпадают с результатами анкетирования: занятость мужчины в медицине не верифицирована, в то же время значительно возросла представленность мужчины в семейно-бытовой сфере.

Наиболее многочисленной в данном блоке является группа «Семья» (87 контекстов), в которой эксплицируются различные аспекты реализации мужчины в семейно-бытовой сфере. Например, подчеркивается семейное положение:

- *Вы вот холостяк, одинокий и еще крепкий мужчина;*
- *Если мужчина холостой – пиши пропало;*
- *Многие считают, что я просто боюсь брать на себя ответственность за женщину и ребенка – оттого и не завожу семью* и др.

Также в контекстах в целом происходит обсуждение отношений мужчины и женщины в семье и в паре. В частности, подчеркивается стереотипно главенствующее положение мужчины в отношениях с противоположным полом. Например:

- *Главенство в общине и семье принадлежит исключительно мужчинам;*
- *Но ведь рядом со своей девушкой он обязан чувствовать себя мужчиной, чтобы самому идти вперед, выбирая путь для обоих, а не догонять подругу, вечно перед ней виноватый;*
- *Женщина всегда ждет первого шага от мужчины, какой бы уверенной она ни казалась;*
- *Их семьи характеризуются высоким уровнем гендерной и поколенческой стратификации: за самоочевидное принимается разделение ролей между мужчинами и женщинами, родителями и детьми и др.*

Кроме того, по материалам корпуса можно выделить фрейм-сценарий, в котором раскрывается стереотипное представление о семейной жизни: *Вот как мечтает будущий отец, приставив ухо к округлившемуся животу своей жены, о том, как они пойдут сыном на рыбалку или станут вместе выпиливать лобзиком маме фанерную подставку под горячую кастрюлю, а будущая мать в то же самое время мечтает о том, как ее красавица дочь выйдет удачно замуж за богатого мужчину, красавца и сироту, и даже самое слово свекровь... Вот так и дачник представляет себе будущий помидор – размером с арбуз или тыкву.*

Рассматривая речевые контексты о роли мужчины в семье, можно выделить две противоречивые тенденции.

С одной стороны, отмечается второстепенная роль мужчины в быту – *в мужскую голову не приходит, что надо просто вытереть пыль с экрана (1), готовящий мужчина – это палка о двух концах (1), на рынке мужчина особо остро ощущает свою вторичность (1)*. Отмечается, что ведение домашнего хозяйства – прерогатива женщины. Например:

- *Я думаю, что уставших женщин еще больше, если учесть, что 54 процента женщин занимаются «бытовухой» в выходные, а к примеру, 91 процент представителей мужского пола не гладят одежду – ни для себя, ни уж тем более для близких;*

- *Ведь это были мужчины, которые никогда не мыли посуду, не ходили за покупками, не чистили ботинки и др.*

С другой стороны, акцентируется внимание на целенаправленном повышении роли отца в воспитании детей, введении Дня отца, учреждении Советов отцов. Например:

- *«В Концепции подчеркивается о необходимости совершенствования пропаганды ответственного отцовства, повышения социальной роли отца, вовлечения мужчин в семейные дела и воспитание детей», – говорится в пояснительной записке к проекту указа;*

- *Мы очень много чествуем мам, но очень часто забываем про мужчин, а ведь без хорошего отца не бывает полноценной семьи;*

- *Необходимость повышения социальной роли отца, вовлечения мужчин в семейные дела и воспитание детей, совершенствования пропаганды ответственного отцовства подчёркивается в Концепции государственной семейной политики, напомнили ранее в Минтруде;*

При этом на законодательном уровне право на ребенка по-прежнему является первостепенным для матери (обсуждается возможность получения материнского капитала и других мер поддержки отцом ребенка):

- *Право же мужчины на маткапитал является производным от права матери и реализуется только в том случае, если оно прекращено у матери;*

- Сейчас господдержку получают мужчины, которые воспитывают детей, чья мать-россиянка умерла или была лишена родительских прав и др.

В группе **«Транспорт»** (23 контекста) преимущественно подчеркивается профессия водителя различных транспортных средств – *машинист (2), шофер (2), водители (2), водитель (3), мужчина за рулем (1), мужчины-водители (1), водитель трактора (1), таксисты (1), тракторист (1), на мотоциклах и мотороллерах (1), пилот (2)* и др.

В группу **«Медицина»** вошло 12 контекстов, в которых преимущественно маркируются конкретные медицинские специальности: *врач (3), врач по профессии (1), врач-невролог (1), врач-психотерапевт (1), главный внештатный пульмонолог Минздрава России (1), из Скорой помощи (1), кардиолог (1), нарколог (1)* и др.

Несмотря на то, что группа **«Образование и воспитание»** (15 контекстов) является немногочисленной и традиционно маркирует низкий уровень занятости мужчин в данной сфере, активно подчеркивается мысль о важной роли мужчины в образовательно-воспитательном процессе, в первую очередь мальчиков. Например, *Учителей-мужчин практически не стало, главным образом из-за низкой зарплаты; Мальчикам без преподавателя-мужчины вообще нельзя воспитываться.*

Среди профессий отмечаются профессии преподавателя как среднего учебного звена, так и высших учебных заведений: *в техникуме преподаю (1), преподаватели-мужчины (1), работающий в школе (1), учитель литературы (1), учитель права из Москвы (1), учитель русского языка (1)* и др.

Блок 4. Духовная сфера (личностная сфера реализации, увлечения, хобби) (238 контекстов)

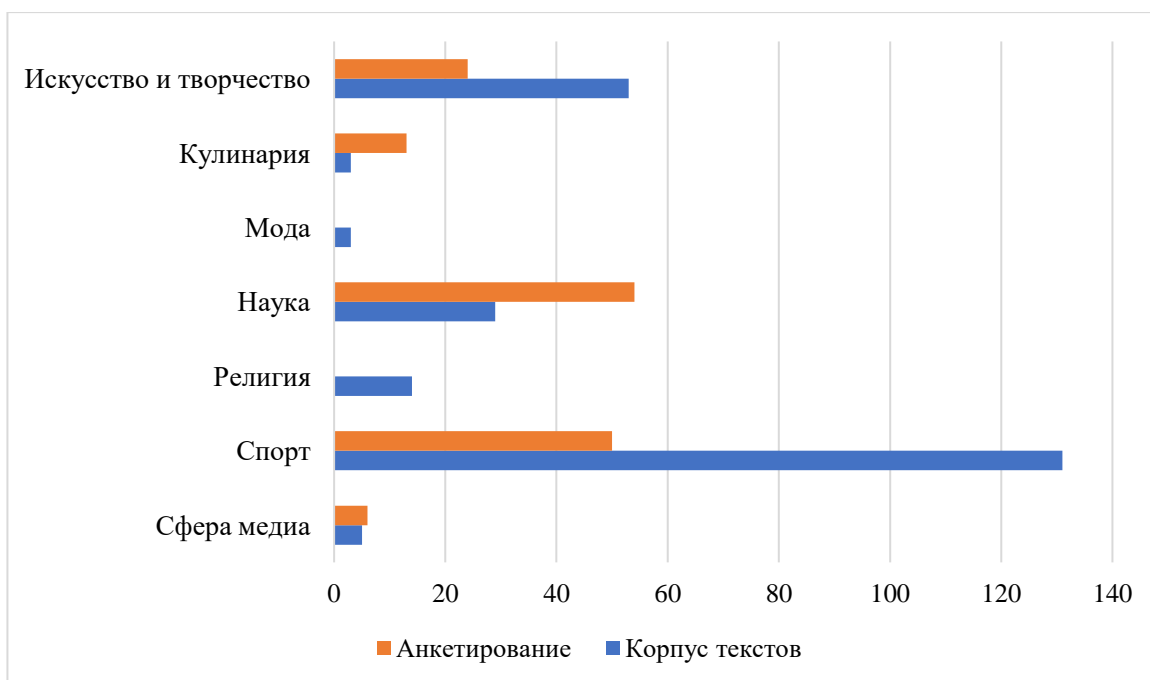

Рис. 17. Структура духовной сферы деятельности мужчин.

Наиболее многочисленной группой данного блока является «Спорт» (131 контекст). В большинстве случаев подчеркивается участие мужчины в составе мужских сборных и командных видах спорта – мужская национальная сборная России (1), мужская сборная (4), мужская сборная России по гандболу (1), мужская сборная России по баскетболу (1), мужская сборная России по футболу (1) и др.

Встречается разнообразное наименование видов спорта («зимние» и «летние»; командные и одиночные): баскетбол (1), дзюдо (1), легкая атлетика (1), мужские сани (1), волейбол (1), водное поло (1), футбол (1), лыжный марафон (1), мужской биатлон (3), мужская рапира (1), шорт-трек (3), сноуборд (1), мужское многоборье (1), мужское плавание (1) и др.

Ряд видов спорта встречается наиболее часто в корпусе текстов: шахматы (гроссмейстер (2), гроссмейстеры (1), международные гроссмейстеры (1), шахматист (1), шахматисты (1), официальные шахматные соревнования (1), трехкратный чемпион мира по шахматам (1))

и теннис (*мужской теннис* (3), *мужской теннисный турнир* (1), *теннис* (1), *теннисист* (3), *чемпионат мира по теннису среди мужских сборных* (1)).

Частотность упоминания мужского одиночного катания связана с тиражированием материалов в газетном корпусе НКРЯ, которые передают информацию о спортсменах в данном виде спорта: *в мужском одиночном катании* (1), *в мужском фигурном катании* (1), *мужское одиночное катание* (8), *мужской одиночный прокат* (1), *олимпийский чемпион Турина-2006 в мужском одиночном катании* (1) и др.

Кроме того, в корпусе текстов удалось выявить стереотипно «мужские» и «женские» виды спорта, которыми занимаются мужчины. Например, хоккей представлен как жесткий и мужской вид спорта: «*в хоккее играют настоящие мужчины...*» (1), *мужской хоккей* (3), *мужской хоккеей более жесткий* (1), *мужской хоккеей на льду* (3), *хоккейный турнир среди мужчин* (1) и др.

В контекстах, маркирующих художественную гимнастику, подчеркивается, что *художественная гимнастика для юношей должна быть «мужской»* (1): *конкуренция в мужской гимнастике* (1), *в художественной гимнастике* (1), *мужская гимнастика* (2), *художественная гимнастика* (2).

В группе «**Искусство и творчество**» (53 контекста) подчеркивается реализация мужчины в следующих видах творческой деятельности:

- проза и поэзия, создание литературных произведений: *авторы* (3), *авторы-мужчины* (1), *лучшие поэты мужского пола* (1), *мужская поэзия* (1), *писатели-мужчины* (1), *писатель* (1), *писатель-мужчина* (1), *поэт-футурист* (1), *поэт-мужчина* (1)/*поэты-мужчины* (2);

- актерское мастерство: *актер* (1), *артист* (1), *исполнитель главной роли* (1), *мужская роль* (1), *в кино* (1), *российское кино* (1);

- танец: *мужской танец* (2), *революция мужской пластики* (1), *хореограф современного танца* (1);

- живопись: *главный художник* (1), *мужчины-импрессионисты* (1), *художник* (1);

- музыка: *ленинградский рок* (1), *мужской камерный хор* (1), *мужской хор* (1), *одним из десяти самых продаваемых мужских сольных исполнителей всех времен* (1), *опера* (1), *рок-музыкант* (2), *эстрадный исполнитель мужского пола* (1), *все певчие из хора* (1);

- режиссерское дело: *режиссер* (4), *режиссеры* (1), *режиссерский факультет* (1), *сценарист* (1).

В корпусе текстов наблюдается снижение представленности мужчин в сфере «**Наука**» (29 контекстов) по сравнению с данными анкетирования. Встречаются как наименования абстрактной деятельности и областей научного знания – *наука* (3), *науки* (2), *в науке* (1), *мужские науки* (1), *математика* (1) и др., так и наименования профессий – *гуманитарий* (1), *ученые-мужчины* (2), *философ* (1), *доктор наук* (1), *профессор университета* (1), *профессора-мужчины* (1), *профессоры* (1) и др. Отмечается, что *большинство ученых – мужчины* (1).

Подгруппа, связанная с исследованием космоса, у мужчин не так обширно представлена, как у женщин: *астронавт* (1), *космический ученый* (1).

Как и у женщин, при анализе корпуса текстов среди мужских сфер реализации можно выделить группу «**Религия**» (14 контекстов). В данном случае встречаются наименования духовного сана – *архиепископ* (1), *мужчина-духовник* (1), *священник* (3), *священники* (3), *священнослужители* (1), *священнослужитель* (1), *схиигумен* (1) и др., так и профильных учреждений – *мужское приходское училище* (1), *мужской монастырь* (1).

В группе «**Другое**» (41 контекст) можно отметить следующие аспекты:

- трудовая занятость мужчины и абстрактная трудовая деятельность в целом: *мужской коллектив* (2), *занятость мужского населения* (1), *коллеги-мужчины* (2), *коллектив мужской* (1), *мужская деловая среда* (1), *мужская работа* (2), *мужская профессия* (1), *непроизводительный труд* (1), *отличный работник* (1), *офисные работники* (1), *мужчины-коллеги* (1),

концептуализируют или зарабатывают бабки (1), мужская индустрия (1), сотрудник-мужчина (1) и др.;

- конкретные профессии, не относящиеся к ранее выделенным группам: водолазы (3), из охраны (1) / охранники (2) / охранники-мужчины (1), инспектор ДП (1), калачник (1), коллекторы (1), комендант (1), пожарный (1), садовник (1), сборщик мусора (1), сотрудник санпропускник (1), спасатель (1) / спасатели (1), сторож (1), часовой мастер (1), электрики (1), ювелир (1) и др.

Девииантное поведение (190 контекстов)

В корпусе текстов можно выделить отдельную группу **«Девииантное поведение»** (190 контекстов), которая не относится к личностным качествам или профессиональной реализации. В нее вошли контексты, маркирующие девиантное поведение мужчины, хулиганство и совершение им преступлений различной степени тяжести. Можно предположить, что данные контексты отчасти соотносятся с таким качеством характера, как агрессивность. Контексты относятся к газетному корпусу НКРЯ и дискурсу СМИ. Примеры:

- Полиция Москвы задержала мужчин, избивших прохожего в подземном переходе;

- Во вторник, 7 декабря, мужчина открыл стрельбу в МФЦ «Рязанский»;

- При обыске в квартире и автомобиле мужчины изъяли около 60 литров суррогатного алкоголя, который фигурант закупал в разных регионах для его дальнейшего сбыта;

- В Москве задержаны двое мужчин, которые подозреваются в изготовлении и сбыте поддельных сертификатов о вакцинации от коронавируса нового типа и др.

Корпусный анализ

В рамках корпусного анализа выборка была лемматизирована, после чего был составлен список кластеров и n-грамм по запросу *мужчина* с помощью корпусного менеджера AntConc. Так, в контекстах маркируется возраст мужчины (*пожилой мужчина* (12), *молодой мужчина* (9), *летний мужчина* (6)), девиантное поведение (*мужчина открывать стрельба* (5), *мужчина задерживать* (5)). Также подчеркивается стереотипный образ достойного поведения (*настоящий мужчина* (17), *нормальный мужчина* (5)).

Например:

- *А нормальный мужчина слабого не бьет;*
- *Нормальный мужчина по природе добытчик* и др.

Через описание мужчины происходит его имплицитное сравнение с женщиной: *мужчина и женщина* (69), *наравне с мужчина* (5) и др. Более подробно результаты анализа указанного кластера будут рассмотрены в компаративной части исследования. В целом контексты, в которых встречается данный кластер, относятся к реализации в профессиональной деятельности, маркируют различные эгалитарные тенденции в сфере прав мужчин и женщин, получения ряда социальных услуг и др.

Построив кластеры с запросом *мужской*, можно выделить следующие группы:

- спортивные соревнования, разделенные на мужские и женские: *мужской сборная* (18), *мужском одиночный* (14), *мужской команда* (8), *мужской хоккей* (6) и др.;
- одежда и мужская мода: *мужской коллекция* (14), *мужской одежда* (11) и др.

Самым частотным кластером оказался *мужской пол* (19). В данном случае происходит номинация мужчины – *лицо мужского пола, граждане РСФСР мужского пола*; профессиональная принадлежность – *армия лиц мужского пола, поэты мужского пола, работники и менеджеры мужского пола, эстрадные исполнители мужского пола*; девиантное поведение – *При*

Личностные характеристики (869 контекстов)

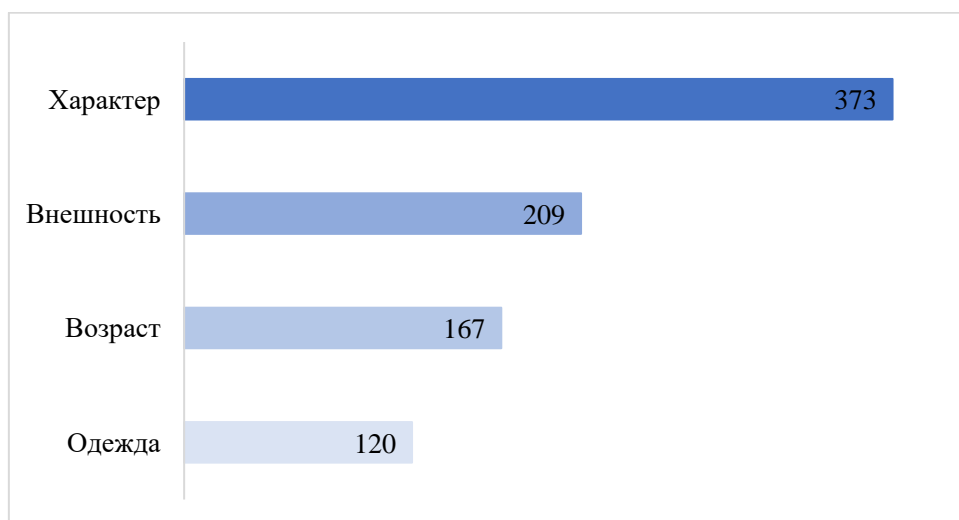

Рис. 20. Личностные характеристики женщин в корпусе текстов.

В ходе анализа удалось выделить четыре подгруппы личностных характеристик: возраст, одежда, внешние характеристики, черты характера.

Качества характера (373 контекста)

В контекстах данной группы представлены различные описания характера и поведенческих характеристик женщины. В большинстве случаев – 323 контекста – в контекстах присутствуют положительные характеристики. В выявленных лексических единицах эксплицируется компонент значения, который соотносится с группой «Качества личности» и передает особенности характера женщины. Например, *энергичная* (3), *добрая* (2) / *доброта* (1), *веселая* (1), *запасливая* (1), *инициативная* (1) и др. Также подчеркивается образованность, высокие интеллектуальные способности и жизненный опыт – *образованная* (4), *мудрая* (3) / *мудрость* (1) / *невероятная житейская мудрость* (1), *умная* (3), *с образованием* (1), *считалась женщиною великого и политического ума* (1) и др. Отдельно выделяется хитрость – *женские выдумки* (1), *женские хитрости* (1), *Женщина умней, хитрей, конечно, но из-за своей слабости* (1) и др. В контекстах подчеркивается наблюдательность – *внимательны к мелочам* (1), *Мы недооцениваем мелочей, а женщины устроены по-другому* (1),

наблюдательные (1) и др., а также особый «женский» взгляд на решение проблем – *женский непредвзятый подход к проблеме* (1), *женщина острого и нестандартного мышления* (1), *особенный, женский взгляд* (1), *у женщин в принципе неформальный подход к решению любого вопроса* (1), *находили креативные решения* (1) и др. Кроме того, можно отметить эмпатию и склонность к сопереживанию – *сердечная* (1) / *сердечность* (1) / *сердобольные* (1), *чуткая* (1) и др.; настроенность на сотрудничество – *слышать чужое мнение* (1), *женский подход к сотрудничеству* (1), *немалый дипломатический такт* (1), *гибкость* (1), *стремление к компромиссу* (1), *уметь работать в команде* (1) и др.; заботливость – *женская забота* (1), *стремление проявлять заботу о людях* (1), *заботливость* (1).

Типично «мужские» качества характера встречаются в меньшей степени – *сильная* (3) / *сила* (1) / *считала себя сильной женщиной* (1), *властная* (1), *несгибаемая, как чугунная ограда* (1), *смелая* (1), *храбрая* (1).

Сравнивая полученные результаты с данными анкетирования, можно сделать вывод, что наиболее частотно употребляемое респондентами женское качество «эмоциональность» и эмоциональная неустойчивость практически не представлено в корпусе текстов – *переменчивая* (1), *взрывной характер* (1).

Так называемые негативные качества выявлены в корпусе текстов в меньшей степени (50 контекстов). В данных контекстах эксплицируется девиантное поведение, подверженность вредным привычкам, «негативные» качества характера: *бестактность* (1), *вульгарная* (1), *глупая* (2), *дурочка* (1) / *дуры* (1), *женское коварство* (1), *завистливая* (1), *злая* (1), *изменила* (1) / *измены* (1), *лживая* (1), *падшая* (1), *порочная* (1), *развратная* (1), *распутная* (1), *женский алкоголизм* (1) и др.

Кроме того, 54 контекста содержат оценочные характеристики женщины. Большинство выявленных примеров обладает положительной коннотацией: *замечательная* (4), *удивительная* (3), *хорошая* (3),

потрясающая (2), *идеальная* (1), *незаурядная* (1), *необыкновенная* (1), *прекрасный образец женщины* (1), *фантастическая* (1), *шикарная* (1) и др.

Тематическая группа «Качества характера» в материале корпуса имеет вариативное языковое выражение и следующую лексико-грамматическую репрезентацию:

- производные существительные с абстрактной семантикой ‘свойство, черта’ (*доброта, мудрость, сердечность, гибкость*);

- атрибутивные признаки, выраженные преимущественно прилагательными в форме женского рода, единственного числа;

- предикативные признаки, выраженные глаголом, который маркирует действия базового категориального уровня, и глагольными словосочетаниями (*слышать чужое мнение, уметь работать в команде, порядок любит, изменила*);

- однокоренные пары лексических единиц абстрактное существительное – прилагательное (*сердечность – сердечная, доброта – добрая*); пары прилагательное – конкретизирующее словосочетание (*мудрая – невероятная житейская мудрость*);

- согласованные (*женская забота, взрывной характер, сильная женщина*) и несогласованные (*женщина острого и нестандартного мышления, личности с твердым характером*) определения;

- синонимические ряды прилагательных с компонентами значения ‘высокие интеллектуальные способности’, ‘наблюдательность’, ‘склонность к сопереживанию’, ‘настроенность на сотрудничество’ и др.;

- метафорические определения (*женщина острого и нестандартного мышления, яркая женщина*);

- слова-интенсификаторы, которые передают сильное проявление признака (*крайне работоспособны, женская гиперфункциональность, женская гиперактивность*);

- устойчивые выражения: *предприимчивая женщина не ждет у моря погоды, выкручивается как может; женские хитрости; Сила женщины – в ее слабости;*

- преимущественно семантика языковых единиц обладает положительной коннотацией и передает так называемые положительные стереотипно женские качества характера.

Речевые модели гендерных стереотипов представлены следующими способами:

- асимметричное конструирование семантики ситуации – оппозиция (*Женщина умней, хитрей, конечно, но из-за своей слабости; мужчины на вид глупее женщин; глупая, но обладавшая звериной – истинно женской – интуицией; Эволюция при том, что женский пол по каждому признаку более консервативен, чем мужской; Мужчины склонны винить других, женщины, как правило, винят себя*);

- детализация семантики ситуации – конкретизация в словосочетании, где свойство ‘женский’ – атрибутивный признак и маркирует черту, которая присуща женщине и обладает отличительными особенностями (*женское коварство, женский взгляд на мир, женская таинственность, женский шарм, женское достоинство, женская самоотдача, женская зависть, женский непредвзятый подход к проблеме*);

- парафраза (описательное представление черты): *Или вот у женщины был инфаркт миокарда на работе, а она на материально ответственной должности, уйти не может* (ответственность);

- оценочное суждение: *Как истинная женщина, она никогда не падала духом; В женщинах мне важна искра – внутренняя; К измене и перемене, конечно, склонны женщины;*

- предикация: *Женщина здесь так же скучна, как сибирская природа: она не колоритна, холодна, не умеет одеваться, не пьет, не смеется, не милостива и, как выразился один старожил в разговоре со мной, «жестка на ощупь»...; Недаром в те годы в ходу был анекдот: самый верный способ*

потерять деньги – это женщины, казино или инвестиции в сельское хозяйство (склонность к расточительству);

*- описание на основе прототипа: **Такие женщины** пекут превосходные пироги, поют задушевные песни и радушно встречают гостей, но, если надо, и за словом в карман не полезут; **Настоящая женщина** умеет все пристроить к делу, и, в конце концов, обратить себе на пользу, даже вечный космический холод, который жжсет сердце, но придает вечную молодость и красоту лицу; женщина породы «управдом» с неразборчивым верещаловом на губах;*

- типизация: женщина-вамп, творческая интеллигентка;

- натуроморфные метафорические модели: Ты выбрал энергетически напряженную женщину-бурю;

- артефактная метафора: Тогда это просто детектор лжи какой-то, а не женщина!; взгляды женщин <...>, полные жгучей зависти; Женщина – копилка жизни для семьи и детей;

- когнитивный механизм сравнения, социоморфная метафорическая модель: зона-донор – физическое свойство предмета – несгибаемая, как чугунная ограда; зона донор – неисследованный космос – женщина как неизвестная вселенная;

- инверсия: женщина жесткая;

- фрейм (социально одобряемое поведение женщины): Не курить, не сидеть на стульях, не идти против ветра... что еще запретят женщинам во имя морали?; В туалете у них плакатик со стишком висит: Курящая женщина – не подруга, не любовница, не жена, не бабушка, не мать...; Быть искренней, любить людей, много трудиться, постоянно заниматься самообразованием, уметь работать в команде, слышать чужое мнение, но при этом не забывать о своём женском предназначении – только так можно добиться большого успеха, хоть в бизнесе, хоть в политике;

- модус высказывания можно охарактеризовать как положительно-оценочный за счет употребления соответствующих языковых единиц: *замечательная, удивительная, хорошая, потрясающая, идеальная* и др.

Пропозициональная модель ситуации «Качества характера»: Субъект-носитель свойства, качества/предикативный признак – черта характера; действие, через которое проявляется качество, свойство/объект/атрибутивный признак.

Внешность (209 контекстов)

При описании целостного образа маркируется преимущественно привлекательный внешний вид: *красивая (21) / красавица (8) / красота (4) / очень красивая (2) / женщина аристократической красоты (1) / редкая красавица (1) / самая красивая (1); прекрасна (1) / прекрасная (1) / прекраснейшая (1); привлекательная (3) / привлекательна (1), очень симпатичная (2), благообразная (1), милая (2) / миловидная (1) / миленькая (1), хорошенькая (1), яркая (1) / очень яркая (1)* и др.

Непривлекательная внешность описывается реже: *некрасивая (3), невзрачная (1), неопрятная (1)*.

Кроме того, авторы текстов обращают внимание на **рост** женщины: *маленькая (5), высокая (2) / очень высокая (1), невысокая (2)* и др. При описании фигуры и телосложения обращается внимание на различные типы фигуры:

- стройность: *стройная (5) / очень стройная (1), тоненькая (2), худая (2) / худенькая (2) / худощавая (1), стройная, но далеко не хрупкая (1), маленькая женщина того деликатного сложения, которое у французов называется «птит» (1)* и др.;

- недостатки: *полная (5), крупная (3), дородная (1), женщина внушительной наружности (1), толстая (2) / толстенная (1), очень пухлая (1), тучная (1) / очень тучная (1), пышная (1), рыхлая (1), потолстевшая после родов (1)* и др.

Также акцентируется внимание на отдельных отличительных чертах внешности:

- черты лица: *вислый нос и печальные глаза (1), женщины с грубыми, помятыми, морщинистыми лицами (1), с солодым равнодушным лицом (1), красивое лицо (1), женщина со строгими грустными глазами (1), женщина с живыми глазами (глаза – мальки) (1) и др.*

- прическа: *длинные светлые волосы (1), ее крашенные хной и завитые мелкими колечками волосы светятся в косых лучах солнца (1), коротко постриженная (1), с модной стрижкой (1), со сложным сооружением на голове – этакой медной башней, устрашающе покачивающейся при ходьбе (1), косы (1) и др.*

- макияж: *женщина с агрессивным румянцем (1), Женщинам советовали использовать свинцовые белила для придания коже матового белого оттенка, птерокарпус сандаловый – для наведения румян и подкрашивания губ (1), накрашенная (1) и др.;*

- иные отличительные черты внешности: *женские руки (1), длинноногие (1), крупные женские ноги (1), с наливными плечами и огромной грудью (1) и др.*

В корпусе текстов встречаются описания типа внешности женщины на основе прототипа (наиболее характерные примеры, социальные стереотипы). В этом случае способом вербализации является микротекст, фиксирующий конкретную ситуацию. Например, *все женщины похожи на Кармен – такие же красавицы в длинных платьях (1), настоящая русская женщина с русой косой (1), Рафаэлески – соблазнительный тип женщин (1), коренастая, круглоголовая, темноволосая – есть такой тип московских женщин, к ним с самого их девичества друзья обращаются «мать» (1) и др.* Наименее частотными являются контексты, в которых женщина наделяется «мужскими» чертами: *мужеподобная (1), не женская, такая сильная рука (1) и др.*

В корпусе текстов встречаются и устойчивые фразы: *воплощение женской красоты (1), женские чары (1), представительница прекрасного пола (1), Гламурный – внешне привлекательный, шикарный (преим. о женщинах)» (1)* и др.

Отдельная тематическая подгруппа контекстов маркирует стремление женщины следить за своей внешностью и сохранять хорошую физическую форму. Примеры контекстов:

- *Женщины рассматривали традиционные блюда с ужасом, вслух перечисляли что они есть не хотят, а что не имеют права, подсчитывали: «Вино красное сухое – 68 килокалорий;*

- *Женщины вспоминали все, что съели с утра, и прикидывали, сколько еще жиров, белков и углеводов могут себе позволить;*

- *Женщины в России красивы и любят подчеркивать свою привлекательность* и др.

Тематическая группа «Внешность» в материале корпуса имеет вариативное языковое выражение и следующую лексико-грамматическую репрезентацию:

- атрибутивные признаки, выраженные преимущественно прилагательными в форме женского рода, единственного числа;

- однокоренные пары лексических единиц абстрактное существительное – прилагательное (*красота – красивая*); однокоренные производные существительные в функции приложения (*красавица*);

- согласованные (*редкая красавица, длинные светлые волосы*) и несогласованные (*женщина со строгими грустными глазами, с модной стрижкой*) определения;

- синонимические ряды прилагательных с компонентами значения ‘привлекательная внешность’, ‘стройная фигура’, ‘недостатки фигуры’ и др.;

- метафорические определения (*яркая, тучная, пышная, рыхлая*);

- слова-интенсификаторы, которые передают сильное проявление признака (*очень красивая, самая красивая, очень симпатичная, очень высокая, очень стройная*);

- морфемы с семантикой 'небольшая степень проявления признака', 'оценка' (*миленькая, хорошенькая, худощавая*);

- устойчивые выражения: *женские чары, воплощение женской красоты*;

- преимущественно семантика языковых единиц обладает положительной коннотацией и передает привлекательную внешность.

Речевые модели гендерных стереотипов представлены следующими способами:

- вставные конструкции: *женщина с живыми глазами (глаза – мальки)*;

- описание на основе прототипа: *все женщины похожи на Кармен – такие же красавицы в длинных платьях; настоящая русская женщина с русой косой; маленькая женщина того деликатного сложения, которое у французов называется «птит»*;

- парафраза (описательное представление): *представительница прекрасного пола (женщина), женщина внушительной наружности (имеющая лишний вес)*;

- когнитивный механизм метафоризации (перенос по внешнему сходству): *со сложным сооружением на голове – такой медной башней, устрашающе покачивающейся при ходьбе*;

- когнитивный механизм сравнения, социоморфная метафорическая модель: зона-донор – форма и размер предмета – *Когда женщину называют большой, ее сравнивают с сундуком или танком, или с сундуком, помноженным на танк*;

- асимметричное конструирование семантики ситуации – оппозиция: *И она, такая юная, наделенная всеми формами женственности, рядом с деревенскими женщинами, потускневшими от работы, забот, родов и мужниных характеров, выглядела сказочной царевной*;

- оценочное суждение: *Хочу в Венесуэлу, потому что там нет некрасивых женщин.*

- модус высказывания можно охарактеризовать как положительно-оценочный за счет употребления языковых единиц, маркирующих преимущественно привлекательный внешний вид. Вместе с тем можно выделить случаи употребления модуса отрицания, который выражается при помощи соответствующих морфем: *некрасивая, неопрятная, невысокая.*

Пропозициональная модель ситуации «Внешность»: Субъект – носитель свойства, качества/предикативный признак – черта внешности; действие, через которое проявляется качество, свойство/объект/атрибутивный признак.

Возраст (167 контекстов)

В собранном корпусе текстов акцентируется внимание на возрасте женщины. Встречаются различные варианты номинации возраста:

- **абстрактный возраст** (136 контекстов). Наиболее частотно употребляемыми характеристиками является антонимическая пара *молодая* (52) / *пожилая* (34). Молодость эксплицируется такими лексическими единицами, как *молоденькая* (3), *очень молодая* (2), *юная* (1) и др. Указание на пожилой возраст эксплицируется лексическими единицами и номинативными словосочетаниями *старая* (13), *немолодая* (5), *старуха* (3), *женщина преклонных лет* (1) *женщины на пенсии* (1). Отдельно выделяется так называемый средний возраст: *взрослая* (8), *средних лет* (4), *зрелая* (2), *в годах* (1), *предпенсионного возраста* (2), *средняя российская женщина детородного возраста* (1) и др.

- **конкретный возраст** (27 контекстов). В данном случае в контекстах используются сложные прилагательные с количественной корневой морфемой; средства с семантикой приблизительного количества – нумеративные словосочетания с обратным порядком слов, предложно-падежные формы нумеративных словосочетаний (*около*): *26-летняя* (1),

двадцатилетняя (1), лет шестидесяти (1), семидесятипятилетняя (1), около восьмидесяти лет (1) и др.

Тематическая группа «Возраст» в материале корпуса имеет вариативное языковое выражение и следующую лексико-грамматическую репрезентацию:

- преимущественно маркеры возраста выражены прилагательными, нумеративными словосочетаниями, количественными числительными;
- согласованные (*средняя российская женщина детородного возраста*) и несогласованные (*женщина на пенсии*) определения;
- преимущественно семантика языковых единиц обладает нейтральной коннотацией и передает различные характеристики возраста;
- антонимические пары прилагательных (*молодая/пожилая*);
- метафорические определения (*зрелая*);
- устойчивые выражения (*женщина преклонных лет*).

Речевые модели гендерных стереотипов представлены следующими способами:

- метафора: *с запасом лет до пенсии* (т.е. средних лет);
- оценочное суждение: *Определяющее, на мой взгляд, заблуждение связано с возрастом женщин.*

Пропозициональная модель ситуации «Возраст»: Субъект – носитель свойства, предикат с семантикой ‘качество, свойство’.

Одежда (120 контекстов)

В данную тематическую группу вошли контексты, в которых можно встретить описание предметов гардероба, аксессуаров, парфюмерных принадлежностей. Например:

- *женская одежда (4): женские брюки (3), женское нижнее белье (2) / тренды женского нижнего белья (2), в длинном черном пальто (1), в красном платье с летящей юбкой (1), в шубе из соболя (1), женская домашняя одежда (1), в голубом ситцевом платье (1), в костюме-джерси (1) и др.;*

- женская обувь (2): на высоких каблуках-шпильках (1), женские зимние сапоги (1) / женские сапоги (1), женские туфли (1) и др.;

- аксессуары: женские украшения (2), с жемчужными нитками (1), в очках с роговой оправой (1), женские сумки (1) / женские сумочки (1), женские часы (1), с вуалью на шляпке (1), в красной косынке (1), черный лак на ногтях у женщины (1), фероньерка – женское украшение в виде цепочки с драгоценным камнем (1), женские духи (1) и др.

В меньшей степени встречается описание целостного образа – стильная (1), наличие мужских предметов гардероба в гардеробе женщины – женские и мужские костюмы (1), женские смокинги (1), Она постоянно ходила в мужском костюме и сердилась, когда обращались к ней, как к женщине (1) и др.; описание национальных костюмов – костюм скандинавских женщин сохранял драпированную конструкцию – скалывание деталей одежды так называемыми скорлупообразными фибулами (1) и др.

Также можно отметить заинтересованность женщины в наличии хорошего гардероба. В этом случае способом вербализации является микротекст, фиксирующий конкретную ситуацию. Например:

- Так что женщина сначала билась в очереди, напирая на прилавок, затем выхватывала две кофточка примерно размера, – не подойдет одна, другая сгодится, – и, потная и растрепанная, выпрастывалась из людского моря наружу, на овраги;

- В компании столкнулись с тем, что каждая женщина в принципе знает и понимает, какие силуэты и фасоны ей идут, какой цвет она хочет, что ей конкретно нужно: какая длина изделия, какая форма юбки;

- Женщине обидно прожить жизнь, одеваясь и обуваясь во что попадя, орошаясь сомнительными духами, натягивая на кисти дешевые перчатки, забрасывая на плечо сумки кустарного производства и др.

Тематическая группа «Одежда» в материале корпуса имеет вариативное языковое выражение и следующую лексико-грамматическую репрезентацию:

- конкретные существительные для описания предметов одежды;
- атрибутивный признак, выраженный прилагательным ‘женский’, маркирует предметы женского гардероба (*женская одежда, женская обувь, женские украшения* и др.);
- согласованные (*женская домашняя одежда*) и несогласованные (*в костюме-джерси*) определения;
- преимущественно семантика языковых единиц обладает нейтральной коннотацией и передает дорогую одежду, стремление иметь хороший гардероб.

Речевые модели гендерных стереотипов представлены следующими способами:

- свернутая предикация: *Кроме платья с воланами традиционный наряд андалусской женщины непременно включает пеньету – гребень, серьги и цветок в волосах; фероньерка – женское украшение в виде цепочки с драгоценным камнем;*
- оценочное суждение: *черный лак на ногтях у женщины, по-моему, бесспорный признак безумия; Самые выразительные превращения наблюдались, конечно, в женском костюме;*
- метонимический перенос, когда предмет одежды становится косвенным маркером профессии: *в монашеских накидках.*

Пропозициональная модель ситуации «Одежда»: Субъект – носитель свойства, качества/предикативный признак – предмет одежды; действие, через которое проявляется качество, свойство/объект/атрибутивный признак.

Таким образом, с точки зрения лексико-грамматической репрезентации гендерного стереотипа при описании женственности можно сделать вывод, что выбор части речи при описании стереотипных признаков обусловлен тематической группой. При анализе тематических групп «Качества характера», «Внешность» употребляются языковые единицы с положительной коннотацией, которые маркируют коллективно одобряемые

характеристики; при анализе тематических групп «Одежда» и «Возраст» преимущественно употребляются языковые единицы с нейтральной коннотацией, которые маркируют фактическую информацию. Для характеристики женственности в большей степени маркируются атрибутивные признаки, используются согласованные и несогласованные определения, метафорические определения. При описании качеств характера, внешности и возрастных характеристик были выявлены синонимические ряды с общими компонентами значения 'привлекательная внешность', 'средний возраст' и др. Наиболее частотной характеристикой при описании возраста стала антонимическая пара *молодая/пожилая*. Интенсификаторы применяются для передачи сильной степени проявления признака при описании качеств характера, для передачи слабой степени признака в тематической группе «Внешность» используются соответствующие морфемы. По сравнению с мужскими характеристиками можно отметить большее количество устойчивых выражений при характеристике качеств характера, внешности и возраста женщины.

С точки зрения речевых моделей гендерной стереотипизации при характеристике женственности чаще всего употребляются предикация, свернутая предикация и оценочное суждения (мнение автора высказывания). Также употребляется описание на основе прототипа, натуроморфные и социоморфные метафорические модели. Положительно-оценочный модус выявлен в группах «Качества характера» и «Внешность», когда авторы высказывания конструируют стереотипно положительный образ женщины.

Сферы реализации (1077 контекстов)

При анализе данной группы контекстов была использована классификация сфер деятельности женщины, представленная в параграфе 2.2.

Рис. 21. Сферы реализации женщин в корпусе текстов.

Блок 1. Экономическая сфера (203 контекста)

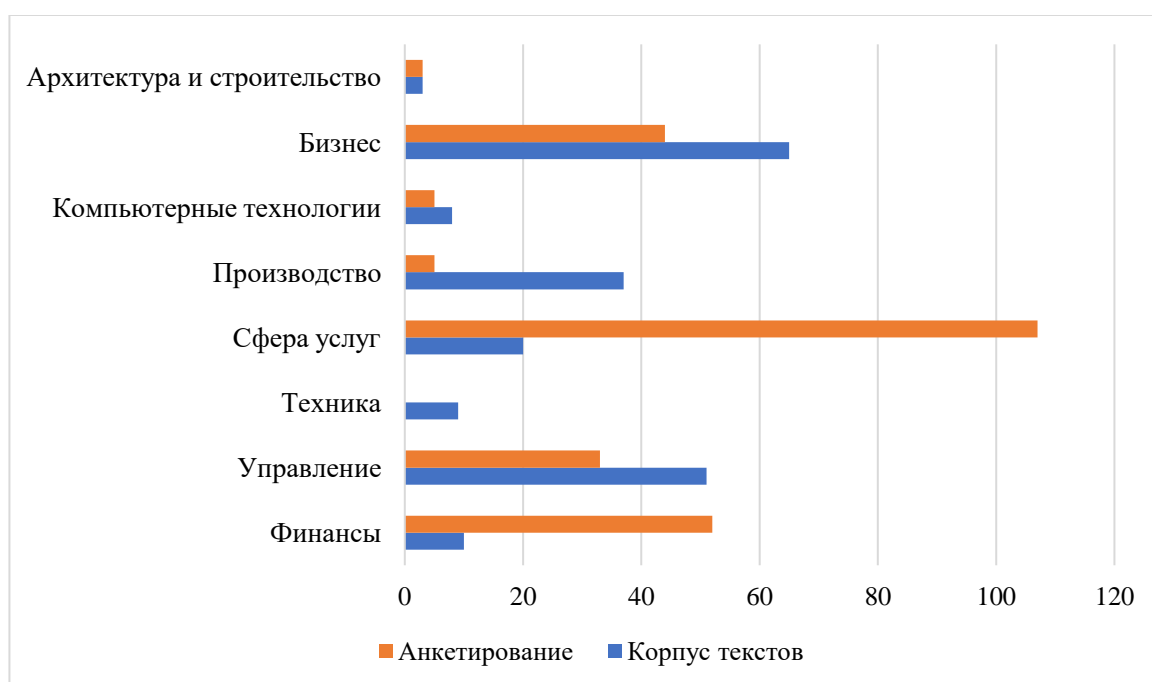

Рис. 22. Структура экономической сферы деятельности женщин.

Наблюдается рост представленности женщин в сфере **бизнеса** (65 контекстов), **управления** (51 контекст) и **производства** (37 контекстов).

Например, в корпусе текстов присутствуют разнообразные наименования женщины, занимающейся бизнесом: *женщины-предприниматели* (8) / *женщина-предприниматель* (2) /

предпринимательницы (1) / предпринимательница (1) / предприниматель (1) / предприниматели (1) / женщина-предпринимательница (1), самозанятые (3), деловые женщины (2), представительницы бизнес-сообщества (1), женщины, занятые бизнесом (1) и др. Также расширилось наименование секторов бизнеса, в которых женщина может реализовать себя: женское предпринимательство (7), социальное предпринимательство (4), женский бизнес (3), крупный и средний бизнес (2), стартапы (1), малый и средний бизнес (1), галерейный бизнес (1), фармацевтический бизнес (1) и др.

В выявленных контекстах отмечается, что доля женщин в российском бизнесе возросла: *В крупном и среднем бизнесе женщин около 30 процентов; В сфере малого бизнеса и среди самозанятых наша страна, по словам замминистра, приближается к балансу: представительство женщин здесь порядка 40% и др. Однако отмечается, что в сфере бизнеса присутствуют типично «женские» отрасли: Женщины традиционно в сфере самозанятости выбирают дизайн, пошив одежды, кулинарию, дизайн жилых помещений, маникюрные и парикмахерские услуги, сдачу жилья в аренду», – пояснила замминистра; Чисто женским можно назвать социальное предпринимательство, где, по данным Минэкономразвития, доля прекрасного пола почти 90 процентов и др.*

В группе «**Управление**» (51 контекст) подчеркивается работа женщины на руководящих должностях – *руководит (4) / руководитель (2) / руководители (2) / женщины-руководители (2), управление (2), топ-менеджер (2), занимает руководящий пост (1), генеральный директор (1) / гендиректор (1) и др.*

Отмечается, что «женский» стиль управления является более эффективным в настоящее время. Например:

- В ходе исследования мы отметили, что с появлением женщин-руководителей организации постепенно переходили от стратегии приобретения знаний через слияния и поглощения, что можно охарактеризовать как традиционно мужской подход, к стратегии

накопления знаний за счет внутренней научно-исследовательской деятельности, что больше соответствует традиционному женскому подходу к сотрудничеству;

- Как считают организаторы сессии, вовлечение женщин в процессы управления по всему миру дает существенные экономические преимущества, среди которых – осязаемое ускорение развития в сервисных и продуктовых инновациях и снижение уровня коррупции;

- По ее словам, в нашей стране появляется все больше женщин-руководителей в самых разных сферах, и именно женский стиль управления становится все более востребованным в мире и др.

При описании деятельности женщины в сфере **производства** (37 контекстов) авторы текстов указывают на занятость преимущественно в легкой промышленности или сельскохозяйственной отрасли – агропромышленный комплекс (3) / сельское хозяйство (2) / сельскохозяйственная отрасль (1) / аграрная промышленность (1), текстильная промышленность (1), ремесла (1), промысел (1) / народные промыслы (1), производство продовольствия [на селе] (1), атомная промышленность (1), высокотехнологичные отрасли (1) и др. Среди профессий можно отметить женщина-фермер (2), крестьянка (1), звеньевая (1), женская тракторная бригада (1), доярка (1) и др., а среди «атрибутов» занятости в промышленности – цех (3), у станка (1).

Вместе с тем в корпусе текстов появились контексты, которые маркируют занятость женщины в **сфере техники** (9 контекстов): Как отмечала ранее председатель Совфеда Валентина Матвиенко, интерес женщин к техническим профессиям значительно вырос за последние пять лет. Подобные контексты передают расширение сферы деятельности женщин в данной отрасли после изменений в Перечне производств, работ и должностей с вредными и (или) опасными условиями труда, на которых ограничивается применение труда женщин. Например:

- В то же время снимаются ограничения на работу женщин в том числе в качестве авиамехаников по планеру, двигателям, приборам, электро- и радиооборудованию;

- Ранее о подготовке приказа Минтруда, исключаяющего профессии авиационных механиков и инженеров из списка профессий, запрещённых для женщин, рассказывала в пресс-центре «Парламентской газеты» председатель Комитета Совета Федерации по социальной политике Инна Святенко.

Вместе с тем в корпусе текстов наблюдается низкая представленность женщин в **сфере услуг** (20 контекстов) – секретарь (2), администратор (2) / женщина-администраторша (1), уборщица (1), официантка (2) / официант (1) и др. и **финансах** (10 контекстов) – женщина-инвестор (2), торговля (1) / торговка (1) / женщина-торговка (1), женщина-бухгалтер (1) / бухгалтерша (1), казначей (1) и др.

Блок 2. Политико-правовая сфера (172 контекста)

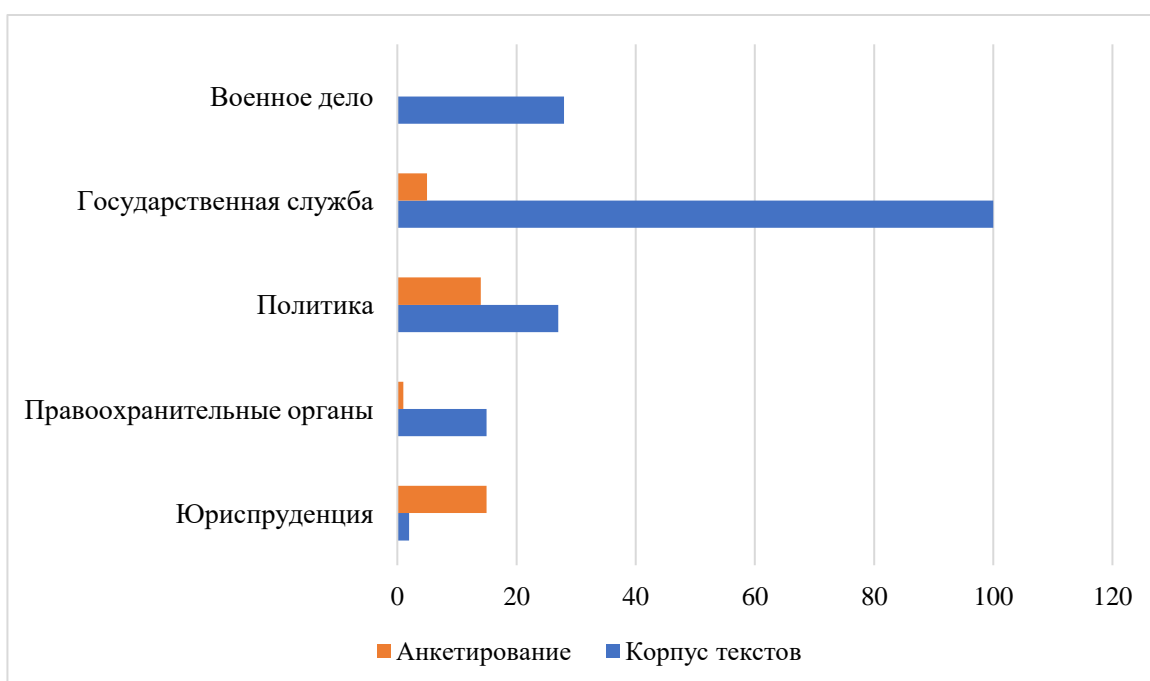

Рис. 23. Структура политико-правовой сферы деятельности женщин.

В данном блоке контекстов фиксируется значительное расширение присутствия женщины по сравнению с результатами анкетирования. Наиболее многочисленной является группа «Государственная служба» (100 контекстов). Большинство контекстов данной группы относится к газетному корпусу НКРЯ, в которых транслируются заявления или действия известных отечественных и зарубежных женщин, задействованных в законодательной или исполнительной власти. В данном случае женщина реализует себя в таких сферах, как *у власти на селе* (1), *администрация* (1), *органы власти* (1), *Госдума* (1) и др., работает на таких должностях, как *Вице-спикер Совета Федерации* (6), *женщины-парламентарии* (4), *депутат* (3), *сенатор* (2), *премьер-министр* (2), *заместитель министра здравоохранения РФ* (2), *депутат от КПРФ* (1), *женщины-мэры мировых моногородов* (1) и др. Также присутствует наименование должностей профильных ведомств, занимающихся вопросами женщин в стране – *председатель Комитета Госдумы по вопросам семьи, женщин и детей* (3), *первый заместитель председателя Комитета по вопросам семьи, женщин и детей* (4), *возглавляла министерство по делам женщин и молодежи* (2), *член Комитета Государственной Думы по вопросам семьи, женщин и детей* (1), *председатель Комитета Совета Федерации по социальной политике* (1), *министр по делам семьи, пожилых граждан, женщин и молодёжи, а также министр труда и социальных дел Германии* (1) и др.

Можно выделить контексты, в которых поднимается вопрос равного присутствия женщин в органах власти. Например:

- *На заседании комитета вы предложили вернуться к идее квотирования женщин во власти, и все коллеги вас поддержали;*
- *Доля женщин-депутатов в новом составе Госдумы – чуть более 16 процентов* и др.

В отличие от данных анкетирования в корпусе текстов можно выделить тематическую группу «Военное дело» (28 контекстов), в которой маркируется реализация женщин в армии и на военной службе – *военная*

служба (3), армия (3), война (1) и др. Также можно отметить ряд социальных ролей и конкретных наименований профессий: военнослужащие женского пола (2), женщины-оружейницы (1), казачья атаманиша, генерал-полковник медицинской службы и Герой Социалистического Труда (1), кавалерист-девица (1), женщина-полководец (1) и др.

Наличие данной сферы деятельности обусловлено рядом факторов – информационный повод о реформе вооруженных сил в Армении и ряд контекстов, в которых содержится информация о подвигах российских женщин в период Великой Отечественной войны. Например:

- И женщины, идущие в атаку на немцев, как-то вот на равных с мужчинами дерутся в штыковом бою и рукопашной и даже побеждают их;

- Правительство Армении решило привлечь женщин на военную службу в рамках начатой реформы вооруженных сил, заявил премьер-министр страны Никол Пашинян и др.

Кроме того, наблюдается рост представленности женщин в **политической сфере** (27 контекстов) и **правоохранительных органах** (15 контекстов). Так, отмечается участие женщины не только в политической сфере – *политика (9), мягкая женская сила [в политике] (1), женщина-политик (3) / политик (1)*, но и в сфере международных отношений, дипломатии – *правозащитная дипломатия (1), посол (2), генеральный секретарь Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ) (1), программный специалист по вопросам межгосударственных нормативных процессов Регионального офиса структуры «ООН-женщины» для государств Европы и Центральной Азии (1) и др.* Контексты группы «Политика» эксплицируют два противоречивых тезиса об одновременной успешности женщины в данной сфере и низком представительстве женщин в сфере международных отношений. Например:

- Но сейчас женщины, приходящие в МИД, дорастают и до послов, обладая соответствующими профессиональными навыками;

- Мария Владимировна, почему так мало женщин работает послами?

В группе «**Правоохранительные органы**» можно отметить занятость женщин в *полиции* (1), *органах внутренних дел* (1), *нацразведке* (1), *конной милиции* (1), а также ряд профессий данной отрасли: *служит в Росгвардии* (1), *представитель главного следственного управления СК по Москве* (1), *полицейские* (1), *официальный представитель МВД* (1), *женщина-наездница [конная полиция]* (1), *женщина-милиционер* (1) и др.

Блок 3. Социальная сфера (324 контекста)

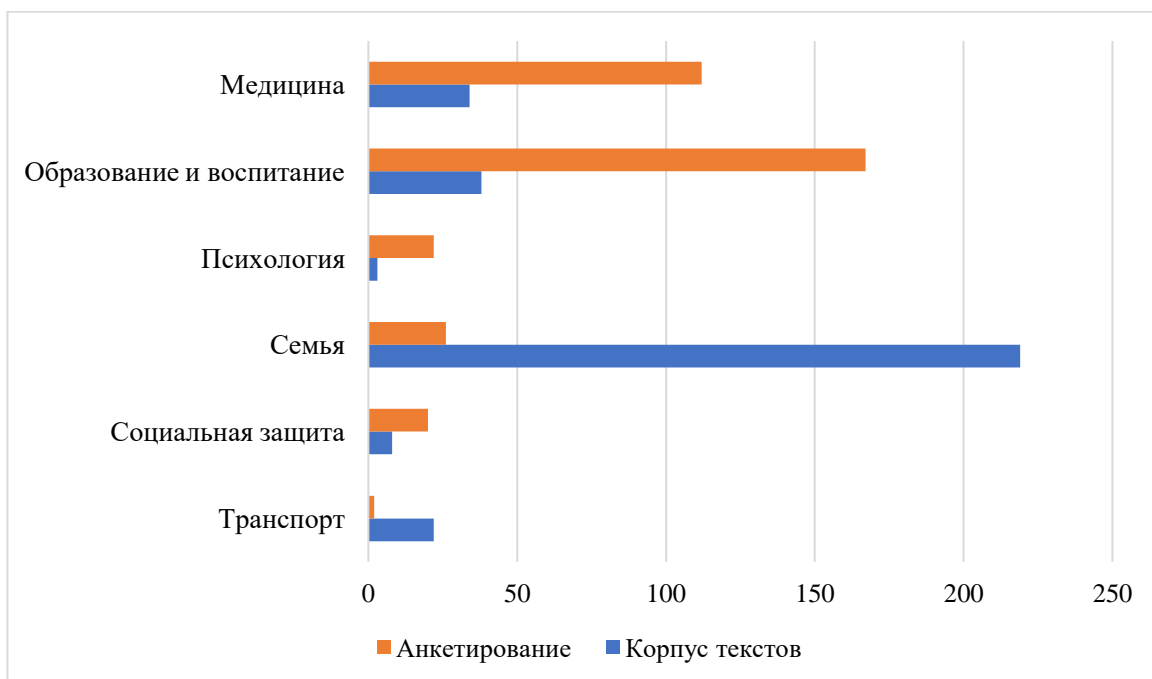

Рис. 24. Структура социальной сферы деятельности женщин.

Самой частотно употребляемой группой в корпусе текстов является «**Семья**» (219 контекстов), что значительно превышает данные анкетирования. Можно выделить следующие аспекты реализации женщины в сфере семьи:

- Материнство, предназначение женщины стать матерью. Запрос *беременн** употребляется в корпусе текстов 96 раз. Например: *Депутат добавила, что материнство – самая большая женская привилегия, поскольку связана с чудом рождения ребенка, его появления на свет, воспитания и открытия с ним красивого мира.*

Отдельно обсуждается право женщины на аборт:

Несколько лет назад либеральные политики предложили поправку в закон, разрешающую женщине делать аборт в случае «тяжелого эмоционального или материального положения», однако Конституционный суд под давлением клерикалов отклонил поправку.

Однако решающее слово в споре о праве женщины на аборт должно быть сказано женскими объединениями и организациями, которые прислушиваются к советам медицинского сообщества, подчеркнула депутат.

- Акцентируется внимание на семейном положении женщины – она свободная или состоит в браке: *Замужние женщины в той же мере подвержены стрессу, депрессии, так же часто чувствуют себя «покинутыми», как и те, что живут без «второй половинки»: «Одиноким людям не заслуживают пренебрежительного отношения к себе и дискриминации, такое поведение обусловлено стереотипами».*

- Ведение домашнего хозяйства, стереотипная роль женщины как домохозяйки:

Я уже не говорю, что на женских плечах традиционно лежит и неоплачиваемая домашняя работа.

Потому что женщины в основном – по данным социологии, около 70 процентов – занимаются ведением семейного бюджета, ежедневным менеджментом», – сказала Зеленцова в ходе тематической сессии «Цифровая трансформация как фактор повышения финансовой доступности» на третьем Евразийском женском форуме.

- В корпусе текстов подчеркивается мысль, что беременные женщины и женщины с малолетними детьми – это незащищенная группа граждан, которой необходимо оказывать поддержку в том числе и на законодательном уровне:

В Нигерии запустят пробный проект по выплате денежного пособия беременным женщинам.

В рамках областной целевой программы «Содействие занятости населения на 2011–2013 годы» осуществляются профессиональная подготовка, переподготовка и повышение квалификации женщин в период отпуска по уходу за ребенком до достижения им возраста трех лет.

- Совмещение карьеры и семьи:

Хоть 21-й, хоть 31-й век, от времени меняются только точки приложения женской гиперактивности – раньше по 10 детей рожали и воспитывали, сейчас бизнесом руководят, в наше время выбор женских занятий действительно побогаче, но куда денешься от неосознаваемого инстинктивного желания быть хранительницей очага, быть замужем?

В советское время была установка: ребенка – в ясли, а женщине – встать в строй.

Интересно отметить, что частотность групп **«Медицина»** и **«Образование и воспитание»** представлена в корпусе текстов в значительно меньшей степени, чем при анкетировании – 34 и 38 контекстов соответственно (анкетирование: «Медицина» – 112 реакций, «Образование и воспитание» – 167 реакций).

Занятость в медицине связана с работой узкими специалистами – *врач-невролог (2), кардиолог (1), дерматовенеролог (1)* и др.; медицинскими работниками – *врач (2), участковый врач (1), женщина-медик (1), женщина-врач (1)* и др.; средним медицинским персоналом – *акушерка (5), медсестра (3), фельдшер (2) / женщина-фельдшер (1), сестра милосердия (1)* и др.

Занятость в сфере образования и воспитания маркируют контексты, в которых содержатся наименования работников дошкольных учреждений – *няня (1) / нянечка (1), женщина-воспитатель (1)* и др.; образовательных учреждений в том числе и на административных должностях – *учительница (3), учитель (1), училка (1), директор школы (2) / директриса (1), классная руководительница (1), завуч (1)* и др.; дополнительное образование для взрослых и детей – *учительница танца (1), преподаватель кулинарного*

мастерства Императорского женского патриотического общества в Петербурге (1), женский коуч (1), ведущая женских тренингов (1) и др.

Кроме того, в сфере образования обсуждается право женщины на получение образования за счет открытия «женских» образовательных учреждений и права женщины посещать данные учреждения: *Высшие женские курсы (2), частное женское учебное заведение (1), система женских школ (1), Московские высшие женские курсы (1), женский Институт имени великой княжны Ксении Александровны (1), женская гимназия (2), женское училище (1), Женский патриотический институт (1), Женские политехнические курсы (1), женская школа (1) и др.*

Наблюдается расширение присутствия женщины в сфере **транспорта** (22 контекста): *машинист (2), женщина-водитель (2), проводница (1), женщина-таксист (1), женщина-воздухоплаватель (1), женщина-водитель автобуса (1), водительницы трамваев и троллейбусов (1), водитель (1), крановщица-дама (1) и др.*

Отдельно стоит отметить контексты, маркирующие занятость женщины в авиации: *полет на тяжелом самолете в женском экипаже (1), пилотесса (1), первая из женщин-КВС в отряде А-320 (самый многочисленный отряд в «Аэрофлоте») (1), летчица (1), командир воздушных судов (КВС) «Аэрофлота» (1), авиация (1), женщины-летчицы (1), женщина-пилот (1) и др.*

Блок 4. Духовная сфера (личностная сфера реализации, увлечения, хобби) (322 контекста)

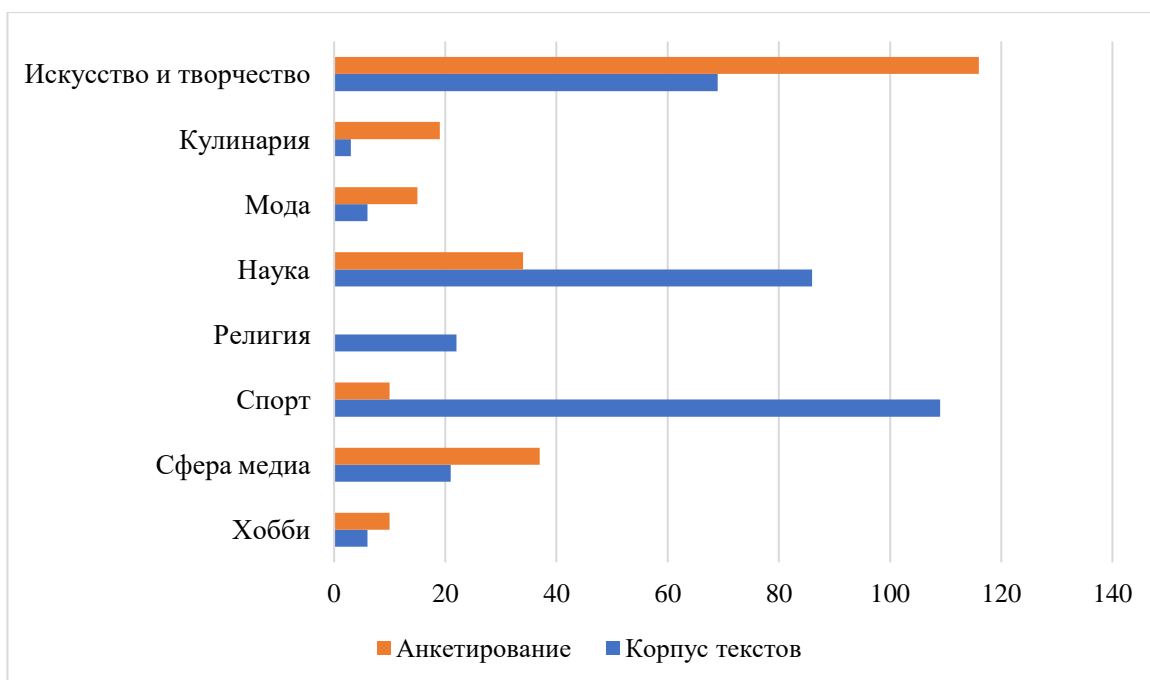

Рис. 25. Структура духовной сферы деятельности женщин.

Наиболее многочисленной группой данного блока является «**Спорт**» (109 контекстов). Частотность употребления группы связана с упоминанием достижений женщин в спорте как в одиночных видах спорта, так и в составе женских спортивных сборных. Женщина реализует себя и в различных видах спорта – зимних и летних. Например, *женское одиночное катание* (5), *играют в хоккей* (4), *женский одиночный бобслей* (3), *женская сборная России по гандболу* (3), *женская сборная России по биатлону* (3), *теннис* (2), *женские сани* (1), *женская команда Соединенных Штатов по волейболу* (1).

Необходимо отметить расширение присутствия женщин в **научной** сфере (86 контекстов). В контекстах отмечается, что женщина может реализовать себя в точных, естественно-научных, гуманитарных науках – *математика* (2), *химия* (1), *точные науки* (1), *педагогические науки* (1), *гуманитарные науки* (1), *медицинские науки* (1) и др. Среди наименований профессий можно отметить как исследователей конкретных предметных областей – *в составе антарктической экспедиции* (2), *экологи* (1),

фольклорист (1), философ (2), социолог (1), доктор геолого-минералогических наук (1), так и женщин-ученых на административных должностях – экс-президент Центра Энрико Ферми профессор факультета физики и астрономии Болонского университета (Италия) (1), руководитель советов по научно-исследовательской работе Академии наук, исследований и технологий Египта (1), почетный постоянный секретарь Академии наук Франции (1), ведущий научный сотрудник НМИЦ эндокринологии Минздрава России, член президиума Российской ассоциации содействия науке РФ (1).

Отдельно выделяется подгруппа контекстов, в которых описана деятельность женщины в исследовании космоса (13 контекстов): *вышла в открытый космос (1), в составе космического экипажа (1), в космос летает (1), женщина-космонавт (4), женщина-астронавт (1) и др.*

В корпусе текстов акцентируется внимание на активном освоении женщинами научной сферы и стимулировании женщин развиваться в науке. Например:

- Идея праздника такая: мозги у мужчин и женщин примерно одинаковые, но в науке (особенно на руководящих постах) прекрасный пол представлен гораздо слабее, и хорошо бы ситуацию как-то исправить;

- Мы идем не по пути квотирования мест в научных учреждениях, а по пути создания условий для работы женщин-ученых. Например, это доступность дошкольного образования, гибкий рабочий график, а также гранты для женщин-ученых», – пояснила сенатор и др.

Группа **«Искусство и творчество»** (69 контекстов) является одной из частотно употребляемых в корпусе текстов, однако не такой многочисленной, как по результатам анкетирования. Отмечается реализация женщины в различных видах данной деятельности – *фотография (1), писательское дело (1), музыка (1), кинематограф (1), но преимущественно в литературном творчестве – писатель (5) / женщина-писатель (3) / писательница (2) / писательство (1), поэт (3), автор-женщина (1), сочинительница потрясающих белых стихов (1), сложившийся поэт (не*

поэтесса, заметьте) (1) и др. и актерском мастерстве – *актриса* (5), *заслуженная артистка России* (1) и др.

В некоторых контекстах отмечается, что женщина осваивает «мужскую» профессию режиссера: *Мне нравится, что на Берлинском фестивале в этот раз много наших картин, созданных женщинами.*

В корпусе тестов «Сфера медиа» (21 контекст) представлена как типично женская сфера деятельности. Примеры контекстов:

- *Если где женщины и имеют перевес над мужчинами, так это в журналистике;*

- *Две трети журналистов, работающих в России, – женщины и др.*

В корпусе текстов была выделена новая группа, которая ранее отсутствовала в ответах респондентов – «Религия» (22 контекста): *настоятельница* (4), *священник* (3), *женщина-епископ* (3), *аббатиса* (1), *дьякон* (1) и др. Например, *Церковь Англии разрешила посвящение женщин в сан священников еще в 1994 году (и Лейн была одной из первых, кто получил этот сан), однако долго противилась переменам на более высоком уровне; А сегодня каждый четвертый священник в Церкви Англии женщина и др.*

Отдельно стоит отметить группу «Другое» (56 контекстов), в которой подчеркивается:

- стремление женщины занимать лидирующие позиции в профессиональной деятельности: *женщины-лидеры* (8) / *женщина-лидер* (5), *женское лидерство* (2), *лидеры территорий* (1), *лидеры молодежных движений* (1), *лидеры международных технологических и инновационных проектов* (1) и др.;

- трудовая занятость женщины: *трудится за деньги* (1), *коллега* (1), *женщина-работница* (1) и др.;

- абстрактные или, наоборот, иные специализации: *женская работа* (3), *монотонная работа* (1) / *электрификация* (1), *часовой* (1), *собаководство* (1), *смотритель* (1), *рыбачка* (1) и др.

Корпусный анализ

На рисунке представлены 10 наиболее релевантных **коллокаций**, построенных по запросу *женщина*:

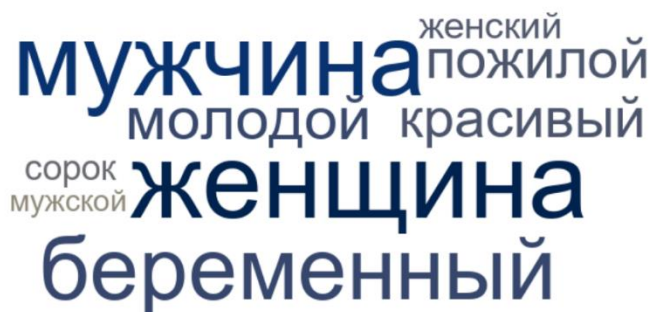

Рис. 26. Наиболее релевантные коллокации по запросу *женщина*.

Можно сделать вывод, что в корпусе текстов акцентируется внимание на возрасте женщины (*молодой, пожилой, сорок* [лет]) и ее семейном положении (*беременный*). Коллокация *мужчина* свидетельствует о том, что в корпусе текстов обсуждается взаимодействие женщин с мужчинами как в личной, семейной сфере, так и в ходе профессиональной деятельности.

Одними из частотно употребляемых **кластеров** являются *беременный женщина* (49), *женщина и ребенок* (25), которые подчеркивают социальную роль материнства. Также можно отметить кластеры *молодой женщина* (26), *пожилой женщина* (24), *женщина год* (9), в которых акцентируется внимание на возрасте женщины. Кластеры *женщина предприниматель* (8), *женщина лидер* (6), *женщина ученый* (6), *женщина профессия* (5) маркируют реализацию в профессиональной деятельности. Кластер *красивый женщина* (7) передает внешние характеристики. Кластер *первый женщиной* (10) маркирует описание деятельности женщин, которые впервые занимают высокий пост в политике или научной деятельности. Например:

- *В марте 2015 года была назначена премьер-министром Намибии, став не только первой женщиной, занявшей этот пост, но и самой молодой главой правительства в истории этой страны;*

- Урсула фон дер Ляйен возглавляла министерство обороны, была первой женщиной на этом посту;

- Валентина Терешкова становится первой женщиной-космонавтом: в 1963 году она проводит больше двух дней в космическом пространстве, будучи одетой в комбинезон оранжевого цвета и др.

При контекстном запросе **женский** также удалось построить перечень наиболее релевантных кластеров, среди которых можно отметить:

- основной информационный повод – Третий Евразийский женский форум (13–15.10.2021), который эксплицируется в текстах газетного корпуса НКРЯ: *женский форум* (48), *евразийский женский* (28);

- успешная деятельность в спорте: *женский сборная* (31), *женский одиночный катание* (14) и др.;

- получение образования: *женский гимназия* (6), *женский училище* (5);

- внешность: *женский красота* (5), *женский одежда* (5) и др.;

- реализация в сфере бизнеса: *женский предпринимательство* (5) и др.

2.4.3. Контекстуальный анализ концептуальных характеристик гендерной пары мужчина–женщина

В ходе анализа было выявлено 366 контекстов, в которых происходит сравнение мужчин и женщин по различным параметрам. Одной из частотно употребляемых n-грамм в корпусе является «*мужчина и женщина*» (109 контекстов). При анализе контекстов можно выделить как проявление эгалитарных тенденций, так и патриархальные тенденции; проявление андроцентризма и новых форм гендерной идентичности. В ходе анализа были выделены 4 тематические группы:

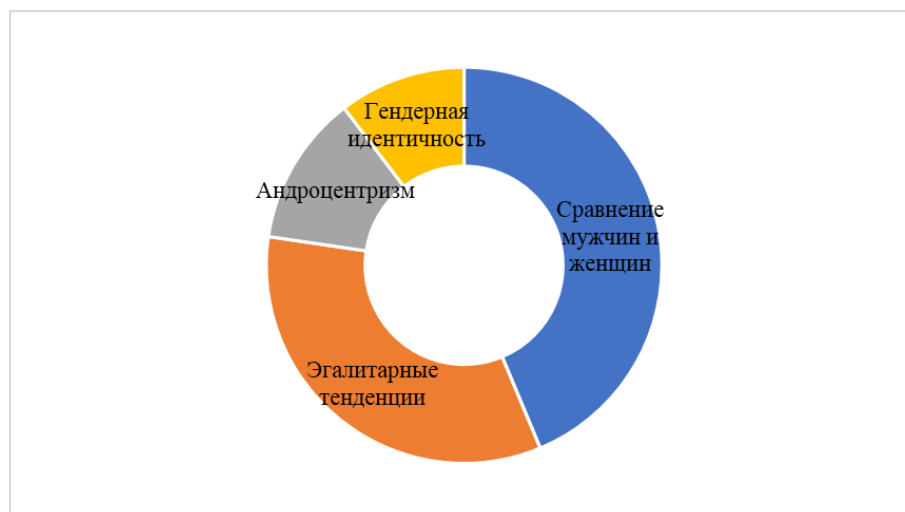

Рис. 27. Тематические группы контекстов с гендерной парой мужчина–женщина.

Сравнение мужчин и женщин (160 контекстов)

В данном случае в контекстах происходит сопоставление мужчин и женщин, сравнение их физиологических, личностных, профессиональных и др. характеристик. Наибольшее количество контекстов связано с гендерной асимметрией в трудовой сфере. Примеры контекстов:

- Женщины низкой квалификации или вообще без нее получают гораздо меньше мужчин на тех же работах; образование не уничтожает, но хотя бы смягчает это различие;

- В Госдуме нас [женщин] только 16 процентов, в Совфеде – 17 процентов... Это очень слабое политическое представительство, ведь женщин в России больше, чем мужчин, – почти 54 процента и др.

Физиологические отличия мужчин и женщин представлены в меньшей степени:

- Мозг мужчин и женщин устроен по-разному, и различные неблагоприятные воздействия на них реализуются по-разному. Женщины различают больше полутонов и более устойчивы к неблагоприятным воздействиям;

Также в контекстах происходит сравнение качеств характера мужчин и женщин с помощью речевой модели оппозиции:

- Мужчины охотнее берутся за новые, требующие поиска, неординарные задачи (часто выполняя их вчерне), а женщины лучше доводят решение знакомых задач до совершенства;

- По данным анализа Всемирного банка, российские женщины более открыты для обучения и проявляют больший интерес к финансовым темам, чем мужчины и др.

В корпусе текстов также отмечаются характеристики, которые мужчины и женщины ценят в противоположном поле:

- Мужчины обращают внимание прежде всего на физическую привлекательность женщин. Женщин больше всего интересуют материальное положение и морально-волевые качества мужчин;

- Студенты Университета Британской Колумбии выяснили, что женщины предпочитают малоразговорчивых мужчин болтунам. Сами женщины чаще используют длинные слова, поэтому те, кто говорит коротко, кажутся им более мужественными и др.

- При этом женщины совершают лишь каждое шестое преступление в России и др.

Речевые модели сравнения:

- **оппозиция** с целью противопоставления особенностей характера, физиологических характеристик: Она раздала им анкеты с вопросами о специфике работы в женском и мужском коллективах. Мол, мужской коллектив больше сосредотачивается на общей картине и на перспективах развития, а женский уделяет внимание деталям и решению операционных проблем;

- **типизация**: У типичного топ-менеджера не женское лицо – 84% всех высших должностей занимают мужчины. Соотношение женщин и мужчин на топовых позициях зависит от сферы деятельности, считает гендиректор Antal Russia Михаэль Гермерсхаузен. «В маркетинге топ-менеджеров женского и мужского полов приблизительно поровну, в управлении персоналом женщин подавляющее большинство, а в продажах и

финансах мужчин заметно больше», – говорит он. Если мужчина топ-менеджер – это практически всегда женатый человек, то женщины-руководители часто не имеют семьи (в данном микротексте также используется прием ссылки на авторитеты);

- **оценочные суждения:** При этом конкурсные заявки чаще всего подают мужчины, так как женщинам *зачастую* не хватает храбрости и уверенности в себе, отметила Илюшникова; **Очевидно**, природе было нужно, чтобы мужчины отличались от женщин, и это четко написано в наших генах и др.

- **ссылка на авторитеты.** По данным анкетирования эмоциональность является одним из наиболее частотных женских качеств, однако в корпусе текстов расположенность к проявлению эмоций присуща как женщинам, так и мужчинам, что подтверждается результатами научных исследований. Например: Ученые из США провели исследование и пришли к выводу, что мужчины не менее эмоциональны, чем женщины. **По словам исследователей**, мужчины примерно в такой же степени подвержены эмоциям, как и женщины. Это было доказано в рамках исследования 142 мужчин и женщин в течение 75 дней. Оказалось, что между мужчинами и женщинами нет существенной разницы в эмоциональной динамике. Эмоциональные перепады у мужчин встречались так же часто, как у женщин, и случаются по различным причинам.

При сравнении уровня преступности среди мужчин и женщин приводятся данные профильных ведомств и отмечается, что мужчины в большей степени совершают противоправные действия: **По данным ГИБДД**, опубликованным в марте этого года, чаще всего виновниками ДТП в России становились мужчины в возрасте от 30 до 40 лет. Мужчины же совершили 81 процент всех аварий с погибшими и пострадавшими.

Эгалитарные тенденции (123 контекста)

Контексты данной тематической группы маркируют расширение сфер реализации женщин, введение новых прав для женщин, а также равные возможности для мужчин и женщин. Расширение прав женщин, в том числе и в историческом аспекте (право на труд по найму, право голосовать на выборах и участвовать в выборах др.), эксплицируется в следующих контекстах:

- В первые годы после революции перед женщинами действительно открылись возможности, о которых прежде они могли только мечтать;

- Женщины добились избирательных прав, женщины стали зарабатывать, занимать крупные посты, управлять большими компаниями и странами, летать в космос;

- Первыми выборами, в которых женщины смогли принять участие наравне с мужчинами, стали муниципальные выборы 29 апреля 1945 года и парламентские выборы 21 октября 1945 года и др.

Также отмечается расширение прав мужчин: *Президент Украины Владимир Зеленский подписал закон о предоставлении права мужчинам брать декретный отпуск.*

Расширение присутствия женщин преимущественно подчеркивается в сфере труда и профессиональной реализации:

- Он уточнил, что ведомство в дальнейшем планирует совершенствовать документ с точки зрения формулировок, речь шла не только о номинальном сокращении позиций, но и о фактическом расширении перечня профессий, доступных для женщин;

- В России расширяются возможности для самореализации женщин и усиливается их роль во всех сферах общественной жизни, но многие проблемы, в том числе дискриминация по признаку пола, пока не ушли в прошлое;

- Российское кино становится если не полностью женским, то по крайней мере уравненным с мужским и др.

Однако по-прежнему подчеркивается, что *«Впрочем, конкуренция с мужчиной никуда не делась, она просто переместилась из узко семейного пространства на просторы социальной жизни – на предприятия, в офисы, на рынок труда»*.

Вместе с тем, характеризуя профессиональную реализацию женщин, отмечают и новые явления: *В последние годы в научной литературе все чаще встречается понятие «**третий миллиард**», под которым понимаются женщины, потенциал которых на рынке труда либо не используется вообще, либо используется не в полной мере.*

В корпусе текстов активно обсуждаются вопросы равноправия мужчин и женщин:

- *И феминизм, и маскулизм борются с отношением к мужчинам и женщинам как к функциям и выступают за то, чтобы начать, наконец, видеть в них людей;*

- *В Госдуме обсуждают идею закона о равных правах и равных возможностях в политике для женщин и мужчин. Но при этом необходимо вернуть в повестку дня тему политического равенства мужчин и женщин.*

Речевые модели контекстов, в которых представлены эгалитарные тенденции:

- **типизация:** *В то же время буржуазная модель позволила появиться «**профессиональной**» женщине, которая могла зарабатывать на жизнь определенным трудом, но при одном условии: она должна была «выйти» из воспроизводства, жить «как мужчина»;*

- **ссылка на авторитеты:** *Критики же говорят, что в ряде стран мира невозможно добиться равноправия мужчин и женщин, поскольку этому препятствуют религиозные традиции;*

- **атрибутивные признаки:** *У нас мужские профессии давно открыты для женщин, а европейцы считают, что у них недостаточно.*

Андроцентризм (45 контекстов)

В данной тематической группе с помощью механизмов оппозиции, типизации подчеркивается подчиненное, второстепенное положение женщины:

- *Правильно ли вообще проводить черту между привилегированной мужской группой и угнетенной женской? (оппозиция);*
- *Весь мир, в котором мы живем, описан в концепции, где человек по умолчанию – мужчина (типизация);*
- *Отношение к женщине как к человеку второго сорта, патриархат – вот причины всех этих социальных зол;*
- *Есть мужчины, которые считают, что женщина – это придаток к мужчине и др.*

Данный феномен иллюстрируется в различных устойчивых высказываниях, пословицах:

- *В народе говорят, что женщина должна быть прежде всего помощницей мужчине;*
- *Все-таки мужчина – это кружка, а женщина – это вода, налитая в эту кружку;*
- *Мужчина голова, женщина шея и др.*

Андроцентризм тесно связан с феноменом «стеклянного потолка», который отражает барьеры для успешной реализации женщины в трудовой сфере и эксплицируется в следующих контекстах. В данных контекстах применяются механизмы оппозиции и метафоризации:

- *Происходит традиционное разделение сфер: мужчина в публичной профессиональной жизни, женщина в частной (оппозиция);*
- *Сферы самореализации мужчин и женщин на рубеже XVIII–XIX веков были разделены и закреплены: для женщины это дом, для мужчины – весь остальной мир (служба, политика, война) (оппозиция);*
- *Но он упирается в «стеклянный потолок»: в тех сферах, где образование связано с непосредственным доступом к материальным благам,*

гендерная дистанция остается очень большой – в пользу мужского пола (метафоризация) и др.

Кроме того, ряд контекстов маркирует затруднительное для женщин получение повышения или успешного продвижения по карьерной лестнице в различных сферах профессиональной деятельности:

- При двух равных наборах требований к кандидату на должность (образование, стаж работы, возраст и так далее) работодатель, как правило, отдает предпочтение мужчине;

- В настоящее время разрыв в заработной плате составляет 2,2 тысячи крон (около 215 евро) в пользу священников мужского пола;

- Постоянная занятость всегда гарантировалась только мужчинам: по всем возрастным группам наблюдается существенное повышение численности мужчин, работающих на постоянной занятости (в среднем 85–90%) и др.

Однако встречаются контексты, в которых подчеркивается стремление сгладить гендерную асимметрию, при помощи приема ссылки на авторитеты: *Как заявила спикер Совета Федерации Валентина Матвиенко, большинство жителей России пока ассоциируют образ успешного человека с мужчиной, однако вскоре эта тенденция должна измениться и др.* Одновременно подчеркивается и противоположная тенденция: *Теперь на женщину давит уже не мужская брутальность, а культура политкорректная и нейтральная, которая своими стандартами и нормами проникает в душу гораздо глубже и тоньше управляет женским телом.*

Также феномен андроцентризма маркируется и на языковом уровне: *Профессиональные названия работа по-прежнему приводятся в мужском роде (кроме тех, кто традиционно имеет только «женский» вариант: швея, горничная и так далее) и др.*

Меньшее количество контекстов акцентирует внимание на обратной тенденции – угнетении мужчин. Например:

- *Маскулисты считают, что сексизм может проявляться по отношению не только к женщинам, но и к мужчинам;*

- *Те, кто разделяет такую точку зрения, признают, что патриархат, гендерная асимметрия – это система ограничений, которые наложены не только на женщин, но и на мужчин и др.*

Гендерная идентичность (38 контекстов)

В НКРЯ встречаются контексты, которые маркируют как традиционные гендерные отношения и гендерную идентичность, так и новые формы гендерной идентичности.

Традиционные гендерные отношения в корпусе текстов понимаются исключительно как союз между мужчиной и женщиной, а иные формы отношений – как отклонения от нормы. Данные контексты передают указанное традиционное понимание гендерных отношений в различных странах мира и странах с различным вероисповеданием. Например:

- *Власти страны остановили выдачу лицензий производителям игр, которые содержат непристойный, жестокий контент или провоцирующий неправильные морально-этические установки (например, в КНР решено наложить право на показ в играх «женственных» мужчин, а также пропаганду гомосексуализма, который в КНР официально признан психическим расстройством);*

- *Правительство Венгрии представило проект поправки к конституции, который призван закрепить мужской и женский пол как единственные варианты гендерной идентичности;*

- *Католическая церковь признает браком лишь союз, заключенный между мужчиной и женщиной и др.*

Новые формы гендерной идентичности репрезентируются в значительно меньшем количестве контекстов. Можно предположить, что новые формы гендерной идентичности не являются центральными (базовыми) гендерными категориями:

- Когда в угоду новейшим западным веяниям – дамские и мужские комнаты объединяют в одну, чтобы не обидеть тех, кто еще не определился;

- Власти намерены видоизменить свидетельство о рождении: добавить в графу «пол», помимо мужского (М) и женского (Ж), третий вариант – Х. По словам министра юстиции Бельгии Винсента ван Квикенборна, этот «чувствительный» вопрос должен быть урегулирован в кратчайшие сроки;

- В 2016 году Уокер начал носить мужскую одежду, а в 2017 – стал мужчиной-трансгендером;

- Как сообщает издание *Daily Star*, церемонию пришлось перенести еще раз, так как 31 октября на жениха напали, когда он вышел в женской одежде на митинг за права трансгендеров в Алма-Ате и др.

В корпусе текстов встречаются такие явления, как гендерная амбивалентность и агендерность, которые понимаются как соединение мужских и женских черт и актуализируются в сфере моды. Например:

- Здесь он соединяет мужское и женское в одной коллекции и отдельные мужские луки делает отчетливо феминными – прежде он не жонглировал так гендерами;

- Американец объяснил, что сочетает мужские и женские элементы гардероба, чтобы доказать, что у одежды «нет гендера»;

- Плавные, текучие линии, нежные пастельные оттенки, агендерный крой и богатая ручная отделка каждого предмета – все это характеризует новую коллекцию аргентинского дизайнера, получившую название «Реконструкция постоянства» и др.

Манифестация традиционной гендерной идентичности маркируется в следующих контекстах:

- Каждая женщина (как и мужчина) стремится ощущать психологическую принадлежность к собственному полу;

- Если мужчины надевают женское платье – это како-то обезьянничество;

- Кризисы, в том числе и мужской идентичности, происходят всегда, когда общество подвергается серьезным изменениям и др.

Отмечается, что гендерная идентичность, традиционно мужские и женские качества не зависят от биологического пола. Вместе с тем в контекстах используется типизация для описания стандарта женского или мужского поведения:

- «классические» женские черты нередко встречаются у мужчин, а мужские – у женщин;

- Правда, о феминизации мужчин и маскулинизации женщин говорили и прежде;

- Сегодня как женщины могут вести себя по-мужски, так и наоборот – мужчины не отказывают себе в удовольствии постоянно плакать о том, что ничего не могут добиться в жизни и др.

В контекстах, маркирующих гендерную идентичность, представлены следующие речевые модели:

- **предикация в сочетании с оппозицией.** При описании гендерных отношений в России дается их определение и в то же время происходит противопоставление модели гендерных отношений в других странах: *Как бы ни трактовали это на Западе и ни навязывали нам толерантное отношение к институту брака, в России семья – это добровольный союз мужчины и женщины; В российской Конституции говорится, что брак – это «союз мужчины и женщины», в то время как некоторые государства признают однополые браки;*

- **пояснение:** *Он – интерсекс, то есть родился и воспитывался как девочка, но в подростковом возрасте половое созревание пошло по мужскому типу.*

С помощью корпусного менеджера AntConc удалось выявить устойчивые номинативные словосочетания с атрибутивными признаками

‘мужской’/‘женский’, подчеркивающие явления, типичные только для мужчин или женщин, и представленные в Таблице 3:

Таблица 3

Номинативные словосочетания, характеризующие мужчин и женщин в корпусе текстов

Мужчины	Женщины
- определенный стандарт достойного поведения, приверженность моральным нормам и принципам: <i>мужское слово, мужской поступок, мужской долг, мужская солидарность, мужское воспитание</i> и др.	- собирательное описание характера: <i>женская природа, женский пол, тонкая женская душа</i> и др.;
- стиль мышления: <i>мужская логика / мужская, основанная на фактах, логика</i> и др.	- стиль мышления: <i>женская логика, женская память, женский инстинкт, женское чутье</i> и др.
- представления о жизни: <i>мужское счастье</i> и др.	- представления о жизни: <i>женское счастье, женская доля</i> и др.
- особое проявление эмоций: <i>мужская слеза / скупая мужская слеза</i> и др.	- проявление эмоций: <i>женские слезы</i> и др.
- стандарты общения: <i>мужская дружба / крепкая мужская дружба, мужской разговор, мужской ответ</i> и др.	- стиль общения: <i>женские разговоры, женские беседы</i> и др.
- поддержка: <i>мужское плечо, мужская рука</i> и др.	- типично женские темы: <i>женские штучки, женские секреты, женская повестка, женские радости</i> и др.;

2.4.4. Компаративный анализ маркеров мужественности и женственности в корпусе текстов

Сравнение личностных и профессиональных характеристик мужчин и женщин представлено на рис. 28:

	Тематическая группа	Мужчины	Женщины
Личностные характеристики	Внешность	222	209
	Возраст	116	167
	Одежда	157	120
	Характер	307	373
Профессиональные характеристики	Экономическая сфера	87	203
	Политико-правовая сфера	107	172
	Социальная сфера	139	324
	Духовная сфера	238	322
	Другое	41	56
Девиантное поведение		190	6

Рис. 28. Сравнение концептуальных характеристик мужчин и женщин в корпусе текстов.

В тематическом блоке «**Личностные характеристики**» доминантными признаками становятся качества характера в традиционной интерпретации (307 контекстов у мужчин/373 контекста у женщин). При описании мужчины преимущественно используются маркеры силы, подчеркиваются особый тип мышления (мужской ум, мужская хватка); высокие моральные качества (благородство, долг); активность, инициативность, деятельность, новаторство; сдержанность в проявлении эмоций. Контексты профилируют большую расположенность к вредным привычкам в сравнении с женщинами; проявление агрессии, которое также связано с выделением отдельной тематической группы «Девиантное поведение» (190 контекстов у мужчин/6 контекстов у женщин). «Женский» характер также представлен традиционными маркерами – наблюдательность, внимание к деталям, эмпатия, склонность к сопереживанию, настроенность на сотрудничество. Так называемые отрицательные женские качества составляют 13,4% от численности группы «Качества характера» (вульгарная, злая, лживая и др.).

В данной группе наблюдаются определенные изменения стандарта мужественности и женственности, сглаживающие традиционную асимметрию. В частности, признается право мужчин на выражение эмоций,

проявление неагрессивной мужественности. Эмоциональность женщин в корпусе текстов практически не эксплицируется, однако присутствует значительное количество контекстов о высоких интеллектуальных способностях женщин и хорошем жизненном опыте.

В корпусе текстов обсуждается описание **внешнего вида** мужчин и женщин (222 контекста у мужчин/209 контекстов у женщин), **одежды** (157 контекстов у мужчин/120 контекстов у женщин), а также **возраста** (116 контекстов у мужчин/167 контекстов у женщин) как косвенного маркера гендерной идентичности и социально-ролевого поведения. В равной степени у мужчин и женщин отмечается привлекательный внешний вид, ухоженность, стремление иметь хороший гардероб. Описание внешних маркеров у мужчин представлено в большей степени, чем у женщин; их внешний вид идеализируется: подчеркивается высокий рост и стремление быть в хорошей физической форме. Описание внешности женщин более детализировано, в контекстах эксплицируется красота, однако маркеры описания фигуры неоднозначны: стройность не идеализируется, а наличие полноты, тучности констатируются как факт и не сопровождается негативной коннотацией. При описании возраста мужчин и женщин значимые признаки маркированы с помощью антонимической пары молодой/пожилой. Таким образом, при описании личностных характеристик для мужчин значимыми маркерами являются внешняя привлекательность и хорошая физическая форма, для женщин – внешняя привлекательность и молодость.

Среди новых тенденций в сравнении с данными анкетирования можно отметить расширение тематической группы «Внешность» и «Одежда» при описании мужчин, выделение тематической группы о мужской одежде и мужской моде, мужских аксессуарах. Привлекательный внешний вид становится значимой, социально одобряемой характеристикой и мужчин, и женщин.

При сравнении блока «**Профессиональные характеристики**» также можно выделить традиционные, патриархальные и новые, эгалитарные

тенденции. Если мужские и женские личностные характеристики обсуждаются в сравнительно равной степени в корпусе текстов, то при обсуждении профессиональной реализации активно обсуждается занятость женщины в различных сферах общественной жизни (612 контекстов у мужчин/1077 контекста у женщин), что свидетельствует о расширении компонентов и повышении значимости сферы реализации в структуре концепта ЖЕНЩИНА.

В **экономической сфере** в большей степени представлены женщины (87 контекстов у мужчин и 203 контекстов у женщин). Самыми значимыми сферами данного блока являются «**Бизнес**» (12 контекстов у мужчин, 65 контекстов у женщин), «**Управление**» (31 контекст у мужчин, 51 контекст у женщин) и «**Производство**» (26 контекстов у мужчин, 37 контекстов у женщин). Реализация женщины в сфере бизнеса возрастает, помимо традиционных видов (мелкий, средний бизнес) выделяется и крупный бизнес, социальное предпринимательство, стартапы. Участие мужчины в сфере бизнеса не детализируется на субординатном уровне. В сфере производства контексты профилируют традиционную занятость мужчины в тяжелой промышленности с применением физического труда, женщины – в легкой промышленности и сельском хозяйстве. Кроме того, подчеркивается лидирующая роль мужчины в экономике на должности начальника, директора, руководителя бизнеса. Вместе с тем акцентируется внимание на эффективности «женского» стиля управления в настоящее время (не «слияние и поглощение», а «накопление знаний»).

Среди новых тенденций в данном блоке можно отметить расширение перечня специальностей, где могут работать женщины, за счет выделения тематической группы «**Техника**» (9 контекстов) и одновременное снижение участия женщин по сравнению с данными анкетирования в **сфере услуг** (20 контекстов) и **финансов** (10 контекстов). В целом профессиональная реализация женщин в данном блоке более детализирована на субординатном уровне, чем у мужчин.

В политико-правовой сфере также можно отметить б'ольшую представленность женщин (107 контекстов у мужчин/172 контекста у женщин). При описании мужчин в контекстах профилируется традиционная занятость в военном деле (60 контекстов) и на государственной службе (22 контекста). Вместе с тем можно отметить пропаганду позитивного образа женщины во власти и на государственной службе за счет упоминаний женщин, занимающих высокие посты в администрации различных уровней, обсуждения представленности женщин во власти (100 контекстов). Несмотря на то, что подчеркивается «женская повестка» в политике (социальная политика, семья, условия труда), активно обсуждается вопрос равного присутствия женщин в органах власти и их занятость в армии (28 контекстов), политике (27 контекстов), правоохранительных органах (15 контекстов).

Социальная сфера является второй по значимости как при описании мужчин (139 контекстов), так и при описании женщин (324 контекстов). В данном блоке активно обсуждается семейная сфера (87 контекстов у мужчин/219 контекстов у женщин). При описании женщин акцентируется внимание на сохранении традиционно высокого статуса в семье; материнстве как предназначении женщины; выделяется тематическая группа контекстов о поддержке материнства и детства со стороны государства; часто обсуждается ее семейное положение (замужем, разведена, свободна и др.); в корпусе текстов быт и ведение домашнего хозяйства остается прерогативой женщины. Вместе с тем тема семьи становится актуальной и при описании мужчин: акцентируется внимание не на ведении быта и домашнего хозяйства, а на повышении роли мужчины как главы семьи и как отца при воспитании детей, в том числе на законодательном (право получить государственную материальную поддержку) и институциональном уровнях (учреждение Совета отцов, Дня отца и др.). Также подчеркивается роль мужчины как учителя в образовательно-воспитательном процессе в первую очередь для мальчиков.

Среди новых тенденций также можно отметить акцент на совмещении карьеры и семьи при описании женщин, сокращение присутствия женщин по сравнению с данными анкетирования в **образовании и воспитании** (38 контекстов), **медицине** (34 контекста) и одновременное расширение присутствия в сфере **транспорта** (22 контекста), которая одинаково детализирована на субординатном уровне у мужчин и женщин.

Духовная сфера (личностная сфера реализации, увлечения, хобби) становится наиболее значимой для мужчин и женщин (238 контекстов у мужчин/322 контекста у женщин) за счет активного освоения **спорта** как профессиональной деятельности (131 контекст у мужчин/109 контекстов у женщин): подчеркивается успешность в одиночных и командных видах спорта, разделение видов спорта на «мужские» и «женские» из-за специфики деятельности. У мужчин выделяется реализация и в новых видах спорта (художественная гимнастика). Сфера **«Искусство и творчество»** получает одинаковую детализацию на субординатном уровне у мужчин и женщин (53 контекста у мужчин/69 контекстов у женщин), подчеркивается успешность в литературном творчестве, актерском мастерстве и др. Если при описании занятости мужчин в сфере **науки** (29 контекстов) подчеркивается высокий научный статус, то при описании женщин (86 контекстов) акцентируется внимание на освоении различных наук (гуманитарные, точные, естественные и др.), работе на высоких административных должностях в науке и привлечении женщин в данную сферу за счет государственной поддержки – гранты на исследования, гибкий график работы, наличие детских садов при научных учреждениях для совмещения научной деятельности и материнства.

Также по сравнению с данными анкетирования у мужчин и женщин была выделена дополнительная тематическая группа **«Религия»** (14 контекстов у мужчин/22 контекста у женщин), в которой репрезентируется духовный сан в различных конфессиях у мужчин, а у женщин – в различных конфессиях, кроме РПЦ.

В контекстах с гендерной парой мужчина–женщина происходит сравнение физиологических и личностных характеристик, частично выявляется гендерная асимметрия в профессиональной реализации; активно обсуждаются равные права для мужчин и женщин, в том числе в историческом аспекте, освоение женщинами новых сфер общественной жизни.

Контексты, маркирующие проявления патриархальной гендерной асимметрии, андроцентризма менее частотны (45 контекстов). При обсуждении вопросов гендерной идентичности (38 контекстов) можно отметить «традиционное» понимание гендерных отношений как союз между мужчиной и женщиной. Вместе с тем в меньшей степени маркируются новые формы гендерной идентичности (*трансгендер* – 5 контекстов, *интерсекс* – 1 контекст, *агендерный* – 1 контекст и др.) и отмечается, что личностные характеристики не зависят от биологического пола.

Таким образом, можно сделать **следующие выводы:**

1. Профилирование определенных характеристик в контекстах зависит от дискурсивной практики: личностные характеристики (внешность, возраст, одежда, качества характера) встречаются преимущественно в основном корпусе НКРЯ, профессиональная реализация и девиантное поведение – в газетном корпусе НКРЯ.

2. В корпусе текстов при характеристике мужчин расширяются концептуальные признаки, маркирующие внешность и описание одежды. Маркеры профессиональной реализации женщин в корпусе текстов представлены в 2 раза больше, чем у мужчин.

3. По сравнению с данными анкетирования у мужчин значительно расширилась реализация в социальной и духовной сферах, у женщин – в политико-правовой и экономической сферах.

4. Наблюдается освоение новых сфер деятельности: у мужчин – конкурсы красоты, художественная гимнастика, у женщин – авиация, космос, техника.

5. Группа «Девиантное поведение» в большей степени типична для мужчин (190 контекстов) и может косвенно ассоциироваться с агрессивностью. В контекстах, маркирующих противоправные действия с участием гендерной пары мужчина–женщина, подчеркивается ведущая роль мужчины как организатора преступления, женщины – как пособника, исполнителя.

6. Приверженность вредным привычкам выше у мужчин, чем у женщин.

7. Лексико-грамматическая репрезентация гендерного стереотипа в корпусе текстов имеет следующее наполнение:

- выбор части речи при описании стереотипных признаков мужественности и женственности обусловлен тематической группой: при описании качеств характера преимущественно используются производные существительные с абстрактной семантикой ‘свойство, черта’, внешности – однокоренные пары прилагательное – существительное, одежды – конкретные существительные, возраста – сложные прилагательные с количественной корневой морфемой; средства с семантикой приблизительного количества: нумеративные словосочетания с обратным порядком слов, предложно-падежные формы количественных числительных в родительном и дательном падежах (*к, около*). Реже для описания характера и внешности употребляются однокоренные производные существительные в функции приложения;

- при анализе тематических групп «Качества характера», «Внешность» наблюдается семантика языковых единиц с положительной коннотацией, которые маркируют стереотипно одобряемые качества, привлекательный внешний вид, хорошую физическую форму. При анализе тематических групп «Одежда» и «Возраст» языковые единицы обладают семантикой с нейтральной коннотацией и маркируют предметы гардероба или возрастные характеристики;

- при анализе материала текстового корпуса было установлено, что атрибутивные признаки, номинативные словосочетания, согласованные и несогласованные определения, метафорические определения встречаются в гораздо большей степени, чем предикативные признаки. Предикативные признаки были выявлены только при анализе тематической группы «Качества характера»;

- некоторые лексические единицы, относящиеся к группам «Внешность» и «Возраст» образуют синонимические ряды с общими компонентами значения 'высокий рост', 'привлекательная внешность', 'хорошая физическая форма', 'лишний вес', 'средний возраст'. В группе «Качества характера» также наблюдается действие механизма синонимии (*благородный, верный, выполнять свой долг, порядочный*). Наиболее частотной характеристикой при описании возраста мужчин и женщин стали антонимические пары *молодой/пожилой; молодая/пожилая*;

- при описании мужчин для передачи сильной степени проявления признака при описании внешности и одежды используются интенсификаторы, гиперболизация. При описании женщин для передачи сильной степени проявления признака при описании маркеров качеств характера и внешности используются интенсификаторы, для передачи слабой степени признака используются соответствующие морфемы в тематической группе «Внешность»;

- для характеристики женщин можно отметить большее количество (по сравнению с мужскими характеристиками) устойчивых выражений, пословиц, маркирующих качества характера, внешность и возраст женщины.

Можно сделать следующие выводы по речевым моделям гендерной стереотипизации в корпусе текстов:

- наиболее частотно употребляемыми речевыми моделями гендерной стереотипизации являются предикация, пояснение, оценочное суждение (мнение автора высказывания), детализация семантики ситуации –

конкретизация, где в качестве атрибутивного признака выступает черта характера, внешности или одежды;

- концептуальные признаки мужественности и женственности объективируются с помощью натуроморфных и социоморфных метафорических моделей при описании качеств характера; метонимический перенос выявлен только в характеристиках одежды, когда предмет одежды становится косвенным маркером профессии;

- при анализе женских характеристик в группах «Качества характера» и «Внешность» можно отметить описание на основе прототипа и механизм типизации, когда автор высказывания приводит черты определенного стереотипного образа с набором соответствующих характеристик;

- парафразы, вставные конструкции, предикативные словосочетания, инверсия, сравнительные обороты, цитирование, оппозиция и модальность отрицания являются наименее частотно употребляемыми речевыми моделями при описании мужчин и встречаются преимущественно в одной из выявленных тематических групп. Вставные конструкции, инверсия, фрейм, модус отрицания являются наименее частотно употребляемыми речевыми моделями при описании женщин; единичные примеры встречаются в разных тематических группах;

- положительно-оценочный модус выявлен в группах «Качества характера» и «Внешность», когда авторы высказывания конструируют стереотипно положительный образ мужчины и женщины (качества, модель поведения и черты внешности, которые приемлемы и одобряемы);

- пропозициональная модель ситуаций «Качества характера», «Внешность», «Одежда» включает в себя следующие компоненты: Субъект – носитель свойства, качества/предикативный признак – черта характера/черта внешности/предмет одежды; действие, через которое проявляется качество, свойство/объект/атрибутивный признак. Пропозициональная модель ситуации «Возраст» включает в себя компоненты субъект – носитель свойства, предикат с семантикой ‘качество, свойство’.

Выводы к Главе II

1. Модель прототипической структуры базовых гендерных концептов в современной групповой интерпретации показывает, что многие концептуальные характеристики соотносятся с различными тематическими группами языковых средств. В данной главе разработана классификация тематически связанных групп лексики, репрезентирующих типично мужские и женские сферы деятельности и маркирующих концептуальные различия в их семантике. Прототипическую структуру базовых гендерных концептов представляют идеализированные лингвокогнитивные характеристики мужественности (*ответственность, сила, мужество, смелость, уверенность*) и женственности (*эмоциональность, забота, доброта, женственность*), репрезентирующие традиционную модель гендерных различий.

2. В ходе классификации реакций респондентов были выделены три уровня языковой категоризации (таксономические ранги) с учетом концептуальной иерархии сфер деятельности мужчин и женщин. В соответствии с этим полученные реакции были распределены по 4 крупным блокам, которые соответствуют основным сферам общественной жизни: экономика, политика/право, социальная и духовная сферы.

На основе индивидуальных реакций респондентов конструируется групповое представление о реализации мужчин и женщин преимущественно в традиционных гендерно ориентированных сферах общественной жизни. Вместе с тем наблюдается явная тенденция к расширению границ стереотипного представления о сферах реализации женщины за счет включения традиционно мужских для русского языкового сознания сфер деятельности, что представлено в выводах на с. 140–145. Полученные результаты, отраженные в выводах на с. 152–155, выражают представления о концептуальных признаках мужчин/женщин, свойственные для данной

группы респондентов, и не могут быть полностью экстраполированы на другие социальные группы.

3. Результаты анкетирования сравниваются с материалом текстового корпуса, который включает в себя тексты различных дискурсивных практик – основной корпус НКРЯ и газетный корпус НКРЯ. Результаты представлены в выводах на с. 228–231.

4. По данным анкетирования гендерный стереотип как сочетание прототипических признаков, встроенных в ядро структуры репрезентативности концептов МУЖЧИНА/ЖЕНЩИНА, выражается следующими способами: с точки зрения лексико-морфологической репрезентации – преимущественно абстрактными существительными с семантикой ‘свойство качество’, прилагательными в форме единственного числа, мужского или женского рода. Конкретные существительные и глаголы представлены в значительно меньшей степени. Можно отметить достаточное наличие интенсификаторов при описании женских характеристик. С точки зрения деривационно-эпидигматических связей частотно употребляемыми являются пары однокоренных лексических единиц существительное – прилагательное, существительное – существительное. Респонденты также употребляют окказиональные существительные. С точки зрения синтагматики активно употребляются согласованные и несогласованные определения, реже – дополнения со значением объекта-каузатора. При описании типично женских характеристик респонденты также употребляют парафразы, устойчивые выражения, клише, фразеологизмы. С точки зрения парадигматики используются синонимические ряды существительных и прилагательных, а также отношения сужения, спецификации. Механизм профилирования (когнитивной выделенности признака) активируется полисемантической языковых единиц, концептуальные признаки объективируются преимущественно с помощью метафорических моделей, реже – с помощью метонимических моделей, антонимических пар. Модус интерпретации в целом можно определить как положительно-оценочный, что

определяет ценностную интерпретацию называемых концептуальных признаков. Модус отрицания был выявлен в тематической группе «Волевые качества» при описании женщин. Обязательными элементами пропозициональной структуры являются субъект характеристики и предикат со значением качественной характеристики; частотными элементами – объект-каузатор и характеризующий компонент.

5. В корпусе текстов выбор части речи при описании стереотипных признаков мужественности и женственности обусловлен тематической группой. При описании мужчин и женщин в тематических группах «Качества характера» и «Внешность» используются языковые единицы с положительной коннотацией, в тематических группах «Одежда» и «Возраст» преобладают языковые единицы с нейтральной коннотацией. Гендерный стереотип в лексико-грамматической репрезентации представлен преимущественно атрибутивными признаками, согласованными, несогласованными, метафорическими определениями нежели предикативными признаками. Некоторые лексические единицы, относящиеся к тематическим группам «Качества характера», «Внешность», «Возраст» образуют синонимические ряды, также наиболее частотными средствами характеристики возраста мужчин и женщин стали антонимические пары *молодой/пожилой*, *молодая/пожилая*. Для передачи сильной степени проявления признака используются интенсификаторы, гиперболизация; для передачи слабой степени признака используются соответствующие морфемы. Для характеристики женщин можно отметить большее количество (по сравнению с мужскими характеристиками) устойчивых выражений, маркирующих качества характера, внешность и возраст женщины. Наиболее частотно употребляемыми речевыми моделями являются предикация, дескрипция, оценочное суждение, детализация. Концептуальные признаки мужественности и женственности объективируются преимущественно с помощью натуроморфных и социоморфных метафор, реже – с помощью метонимического переноса. Для анализа женственности также применяются

описание на основе прототипа, типизация. Для конструирования стереотипного образа мужчины и женщины в тематических группах «Качества характера» и «Внешность» применяется положительно-оценочный модус. Пропозициональная модель ситуаций «Качества характера», «Внешность», «Одежда» включает в себя следующие компоненты: Субъект – носитель свойства, качества/предикативный признак – черта характера/черта внешности/предмет одежды; действие, через которое проявляется качество, свойство/объект/атрибутивный признак. Пропозициональная модель ситуации «Возраст» включает в себя компоненты субъект – носитель свойства, предикат с семантикой ‘качество, свойство’.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На основе построенных в ходе исследования структурно-содержательных и функционально-дискурсивных моделей гендерных стереотипов можно сделать вывод, что концептуальная трансформация гендера проецируется прежде всего на базовую категориальную структуру концептуально-тематической области гендерно маркированного знания, которая находится «на поверхности ментальных пространств» (Дж. Лакофф), демонстрируя когнитивную выделенность прототипических элементов. Роль «проводника» к процессам базовой концептуализации и категоризации принадлежит языку, поскольку языковые категории включены в когнитивные процессы и репрезентируют корреляционную связь структуры языковой категории с когнитивной структурой концептуально-тематической области знания.

Результаты исследования позволяют реконструировать организацию базовых гендерных концептов МУЖЧИНА/ЖЕНЩИНА в современной групповой интерпретации носителей русского языка, объективированную в лексико-тематической концептуализации и категоризации. Гендерный стереотип как компонент структуры концептов МУЖЧИНА/ЖЕНЩИНА встроен в прототипическое ядро, изначально как «единица предметного кода» определяет семантическую составляющую концептов и становится средством ограничения членства и ранжирования компонентов их структуры.

Содержательный аспект концептуализации гендера акцентирует внимание на области знания и способах его вербализации. Областью определения содержательных прототипических признаков концептов МУЖЧИНА/ЖЕНЩИНА становятся тематические группы, а механизмами категоризации гендерных стереотипов – преимущественно **метонимическая модель**, когда наиболее репрезентативные признаки мужественности и женственности замещают концепты в целом и становятся системными характеристиками гендерных концептов, **метафорическая модель**, частично

проецирующая признаки конкретной концептуальной структуры на абстрактную структуру, и **матричная модель**, когда иерархия компонентов осуществляется по отношению к центральной группе базового уровня категоризации. С помощью выделения данных механизмов гендерной стереотипизации создавалась модель линейной структуры репрезентативности базовых гендерных концептов, в которой выделяются признаки групп, составляющих ядерную, предъядерную и периферийную зоны структуры концептов, а также таксономическая модель сфер реализации мужчин и женщин, в которой признаки базового уровня становятся средством кодирования компонентов, усложняющих структуру концептов на суперординатном и субординатном уровнях категоризации.

В ядре и на базовом уровне структурно-содержательных моделей гендерных стереотипов наблюдаются традиционные дихотомии мужественности и женственности, а также мужских и женских сфер социальной реализации. Концептуальные трансформации затрагивают переходные зоны прототипической модели; проявляют себя преимущественно на базовом уровне категоризации сфер реализации концепта ЖЕНЩИНА и субординатном уровне категоризации сфер реализации концепта МУЖЧИНА. Переходные зоны семиосферы по Ю.М. Лотману – это «область семиотической динамики» [Лотман 2016: 205], в пространстве которой происходит усиление семиотических процессов, связанное с проникновением новых смыслов. Концептуальные трансформации гендера проявляют себя в зонах расширения и увеличения разнообразия компонентов базовых гендерных концептов.

Функциональный аспект концептуализации гендера акцентирует внимание на способах оперирования гендерно маркированным знанием, актуализированным в языке и обеспечивающим понимание. Способом категоризации гендера является бинарная модель гендерных различий. Данная модель имеет нормативно-оценочный характер, т.к. представляет идеализированные образы мужчины и женщины, получившие коллективное

одобрение. На базовом уровне категоризации гендерно маркированных областей знания непосредственно проявляются прототипические эффекты бинарной модели гендерной идентификации: центральными областями определения гендерных признаков при описании мужчин являются «Личностные характеристики» (802 контекста), при описании женщин – «Профессиональные характеристики» (1077 контекстов).

Асимметричность бинарной модели гендера – источник динамики гендерных различий. Построение функционально-дискурсивных моделей позволило выявить актуальные тенденции, которые, с одной стороны, выражают приверженность фундаменталистским ценностным ориентирам русской лингвокультуры, а с другой стороны – адаптируются к вызовам глобализации.

По итогам исследования были сделаны следующие выводы:

1. Результаты анкетирования показывают, что в языковом сознании носителей русского языка гендер осмысляется как маркер личностной реализации мужчин и женщин. Ядро гендерного стереотипа составляют устойчивые сочетания наиболее репрезентативных, традиционных для носителей русского языка личностных качеств, сфер реализации мужчин и женщин. В корпусе текстов в качестве гендерной интерпретанты выступают тематические группы «Профессиональные характеристики» и «Качества характера», профилирующие сглаживание традиционной гендерной асимметрии в сферах реализации мужчин и женщин за счет расширения перечня «женских» профессий (бизнес, управление, государственная служба, служба в армии, спорт и др.) и маркирующие знание и наиболее релевантных, «лучших образцах» мужских и женских черт характера в традиционной фундаменталистской интерпретации.

Стоит отметить и расхождения данных анкетирования и текстового корпуса. Так, например, по данным анкетирования, признаки внешности находятся на периферии прототипической структуры концептов МУЖЧИНА и ЖЕНЩИНА, в то время как в НКРЯ внешние качества и маркеры внешнего

вида обсуждаются в равной степени с качествами характера и сохраняют визуальные гендерные различия. По результатам анкетирования такое качество, как эмоциональность при описании типично мужских характеристик находится на периферии, а проявлением мужественности является сдерживание эмоций, в то время как в корпусе текстов обсуждается равное право мужчины и женщины на проявление эмоций, что отчасти корректирует стандартное представление о мужественности и сглаживает традиционную гендерную асимметрию. Также нивелируется дискриминация женщины по интеллекту как общая тенденция, реконструированная содержательными моделями.

2. По результатам анкетирования наблюдается стандартное разделение социальной реализации и социальных ролей мужчин и женщин. гендерная интерпретанта профилирует значимость социальной (выполнение социальных ролей) и духовной (профессиональный спорт, наука, искусство, творчество) сфер деятельности для мужчин и женщин.

По результатам анкетирования семейные характеристики как личностные маркеры находятся на периферии прототипической организации концепта МУЖЧИНА и в предъядерной зоне концепта ЖЕНЩИНА; как маркеры сферы реализации обладают низкой абсолютной частотой (2 реакции у мужчин/26 реакций у женщин), что свидетельствует о перестройке доминантного советского гендерного конструкта «работающая мать» в направлении приоритета публичного имиджа над частной, семейной жизнью. В корпусе текстов значимость социальных ролей отца и матери повышается, профилируется повышение статуса мужчины в воспитании детей и главенствующее положение в семье (учреждение Совета отцов, Дня отца), хотя приоритет на получение государственной поддержки для воспитания детей по-прежнему остается за матерью.

По результатам анкетирования духовная сфера является приоритетной сферой реализации женщин. По данным корпуса текстов духовная сфера является самой частотной для мужчин и женщин (спорт, искусство и

творчество, наука). При этом отмечается активное вовлечение женщин в научно-исследовательскую деятельность с помощью разнообразных мер поддержки (гранты, гибкий рабочий график, бытовые удобства и др.).

3. При сравнении контекстов, в которых употребляется гендерная пара мужчина–женщина, обнаруживается незначительное количество контекстов с проявлением андроцентризма и новых гендерных идентичностей. В большинстве случаев мужчины и женщины сравниваются между собой как разные гендерные индивидуальности во взаимной корреляции с вариативностью диапазона асимметрии: репрезентируются физиологические различия, психологически мотивированная склонность к решению разного типа задач (мужчины – открытие новых задач, женщины – доработка старых задач до совершенства), асимметрия с доминированием мужчин (в трудовой сфере, противоправные действия) или женщин (женщины более открыты для обучения), сглаживание традиционной гендерной асимметрии за счет обсуждения равного доступа женщин и мужчин к правам и реализации в определенных профессиях. В большей степени данная тенденция характерна для семантического наполнения концепта ЖЕНЩИНА, в то же время тематические контексты об угнетении мужчин и новых прав для мужчин употребляются в значительно меньшей степени.

Таким образом, бинарная модель гендерной категоризации и репрезентации структурирует области определения социально значимых гендерных признаков. Концептуальные перестройки бинарной модели гендерных различий не затрагивают прототипическое ядро, а обнаруживают себя в семантическом наполнении непрототипических компонентов базовых гендерных концептов, ранжировании их структуры (личностных характеристик, маркеров визуальных различий, сфер социальной реализации, поведенческих реакций), степени асимметричности их взаимных корреляций.

Методика когнитивного исследования гендерных стереотипов русскоязычной лингвокультуры позволяет соотносить их с гендерными

моделями других лингвокультур. Новый гендерный порядок англофонных культур оспаривает естественность гетеросексуальности и гетеронормативности категоризации гендера вплоть до полной нейтрализации гендерных различий. Научный дискурс на основании изменения стандартов феминности и маскулинности, релятивизма гендерных различий делает заключение о преодолении бинарной модели гендерной идентификации, категоризации и институционализации «третьего пола». Мы предполагаем, что тенденция к снятию гендерной маркированности в англоязычных культурах дополняется тенденцией к ее восстановлению. На языковом уровне данный процесс репрезентируется аффиксальным способом: аффикс *trans*– релятивен снятию, а аффикс *cis*– – восстановлению гендерной маркированности [Гриценко 2022].

Изменение стандартов феминности и маскулинности затрагивает прототипическое ядро гендерных концептов. Cisgender/transgender становится новой бинарной парой базового уровня категоризации. Первый член пары коррелирует с гетерогенной сексуальностью и нормативностью, это маркер гендерной идентичности человека, совпадающий с полом, к которому он отнесен при рождении. Его компонентами становятся номинации, маркирующие естественное гетерогенное различие мужчин и женщин: man/woman, male/female, ladies/gentlemen. Второй член пары более структурирован, коррелирует с нетрадиционной сексуальностью и нормативностью, это маркер релятивности гендерной идентичности, параметр самоидентификации индивида, не совпадающий с полом. Его компонентами являются номинации нетрадиционной сексуальной ориентации в ядре и переходные состояния на периферии. Таким образом, меняется семантическое наполнение прототипических компонентов базовых категорий бинарной оппозиции, но сохраняется бинарность на базовом уровне гендерной категоризации. Несмотря на то, что во втором члене оппозиции получает одобрение множественность гендера, нивелируется естественное гетерогенное различие мужчин и женщин, однако не

отменяется семантическое разделение мужественности и женственности (имплицитно: *лесбиянки, гомосексуалисты*; эксплицитно: *мужчины, стремящиеся к женскому; женщины, стремящиеся к мужскому*, и др.) и устанавливается новая мера гендерной нормированности между членами оппозиции. Даже отказ от гендерной нормированности предполагает знание гендерных различий и совершается по отношению к ним (*агендер, пансексуалы, интерполовые; ни мужчины, ни женщины* и др.) [Кенигер 2017].

Перестройка гендерных стереотипов, включенных в прототипическую структуру базовых гендерных категорий, не отменяет их нормативно-оценочного характера, взаимной императивной корреляции индивидуально мотивированного и социально приемлемого поведения, позволяющей различать норму и отклонения от нее. В современной англофонной модели гендерной категоризации осуществляется перестройка прототипического ядра базовых гендерных концептов, при этом доминантным членом бинарной оппозиции становится категория «трансгендер». Данный тип асимметрии представлен и усилен противопоставлениями *binary model/non-binary model, heteronormative language/non-heteronormative language*, поэтому следует говорить не о преодолении бинарной модели гендерной категоризации в англофонных культурах, а о модернизации ее в глобалистском контексте.

Насколько бинарная модель гендера русскоязычной культуры адаптирована к вызовам глобализации? Концептуальные трансформации гендерных различий проявляют себя не в редуцировании гендера к маркеру сексуальности (запрос *гендер** употребляется в исследовательском корпусе 26 раз, *трансгендер** – 5 раз, *агендер** – 1 раз, *интерсекс** – 1 раз) и не в релятивизации гендера как маркера самоидентификации, а в расширении традиционных для советской культуры гендерных конструкторов, переосмыслении гендерной асимметрии в постсоветском времени, понимаемой не как унификация гендерных различий или уподобление мужской норме, а как увеличение разнообразия внутри и между гендерными

индивидуальностями: сохранение традиционной патриархальной асимметрии, выравнивание гендерных различий в определенных типах дискурса, а также феминистские тенденции и доминирование женщин в определенных сферах. В большей степени модернизация гендерной идентичности затрагивает семантическое наполнение концепта ЖЕНЩИНА. Она осуществляется в направлении перестройки доминирующего в советский период, с точки зрения отечественных социологов, гендерного конструкта «работающая мать», отражающего двойную занятость женщин в семье и общественном производстве и акцентирующего ее высокий статус в частной жизни.

В постсоветском времени иерархия компонентов базовых гендерных концептов сохраняет традиционные асимметрии и одновременно выражает определенные эгалитарные тенденции: преодоление дискурсивного нивелирования женщины, ее дискриминации по интеллектуальному признаку, расширение прав мужчины в семейной сфере, частичное преодоление агрессивной, «токсичной» маскулинности, расширение сфер социальной реализации мужчины и особенно женщины, значимость личностной реализации для мужчины и женщины, успешный публичный имидж мужчины и женщины, значимость моральной мотивации поведенческих реакций для мужчин и женщин.

Таким образом, современное содержание и структура базовых гендерных концептов и механизмов базовой гендерной категоризации представляет собой сочетание традиционных, фундаменталистских асимметрий и глобалистских тенденций гендерной нейтрализации.

Гендерный стереотип как сочетание прототипических признаков, встроенных в ядро структуры репрезентативности концептов МУЖЧИНА/ЖЕНЩИНА по данным анкетирования имеет следующие частотно употребляемые языковые маркеры:

- с точки зрения лексико-морфологической репрезентации – преимущественно абстрактные существительные с семантикой ‘свойство

качество', прилагательные в форме единственного числа, мужского или женского рода;

- с точки зрения деривационно-эпидигматических связей – пары однокоренных лексических единиц существительное – прилагательное, существительное – существительное; окказиональные существительные;

- с точки зрения синтагматики – согласованные и несогласованные определения; дополнения со значением объекта-каузатора. При описании типично женских характеристик респонденты также употребляют парафразы, устойчивые выражения, клише, фразеологизмы.

- с точки зрения парадигматики – синонимические ряды существительных и прилагательных, а также отношения сужения, спецификации;

- механизм профилирования активизируется полисемантической языковых единиц, концептуальные признаки объективируются преимущественно с помощью метафорических моделей, реже – с помощью метонимических моделей, антонимических пар;

- модус интерпретации в целом можно определить как положительно-оценочный;

- обязательными элементами пропозициональной структуры являются субъект характеристики и предикат со значением качественной характеристики; частотными элементами – объект-каузатор и характеризующий компонент.

Гендерный стереотип в корпусе текстов имеет следующее языковое и речевое выражение:

- выбор части речи при описании стереотипных признаков мужественности и женственности обусловлен тематической группой;

- гендерный стереотип в лексико-грамматической репрезентации представлен преимущественно атрибутивными признаками, согласованными, несогласованными, метафорическими определениями. Некоторые лексические единицы образуют синонимические ряды и антонимические

пары. Для передачи сильной степени проявления признака применяются интенсификаторы, гиперболизация; для передачи слабой степени признака – соответствующие морфемы;

- наиболее частотно употребляемыми речевыми моделями являются предикация, дескрипция, оценочное суждение, детализация. Концептуальные признаки мужественности и женственности объективируются преимущественно с помощью натуроморфных и социоморфных метафор, реже – с помощью метонимического переноса. Для анализа женственности также применяются описание на основе прототипа, типизация;

- положительно-оценочный модус был выявлен в тематических группах «Качества характера» и «Внешность» для конструирования стереотипно одобряемого образа мужчины и женщины;

- пропозициональная модель ситуаций «Качества характера», «Внешность», «Одежда» включает в себя следующие компоненты: Субъект – носитель свойства, качества/предикативный признак – черта характера/черта внешности/предмет одежды; действие, через которое проявляется качество, свойство/объект/атрибутивный признак. Пропозициональная модель ситуации «Возраст» включает в себя компоненты субъект – носитель свойства, предикат с семантикой ‘качество, свойство’.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Айвазова, С.Г. Русские женщины в лабиринте равноправия [электронный ресурс]. [1998]. Режим доступа: <http://www.owl.ru/win/books/rw/> (дата обращения: 8.10.2020).
2. Айвазова, С.Г. Гендерный ракурс массовой политики [текст] // Женщина в российском обществе, 2016. № 1(78). – С. 24-32.
3. Аксющенко, М.А., Власова, К.А. Словообразование как способ репрезентации гендера (на материале русского и английского языков) [текст] // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского, 2015. № 1. – С. 239-244.
4. Аликина, А.В. Глобальное и локальное в российском дискурсе трудоустройства: дисс. ... канд. филол. наук [текст]. – М., 2022. – 158 с.
5. Алпатов, В.М. Об антропоцентрическом и системоцентричном подходе к языку [текст] // Вопросы языкознания, 1993. № 3. – С. 15-27.
6. Апресян, Ю.Д. Идеи и методы современной структурной лингвистики [текст]. – М., 1966. 305 с.
7. Арутюнова, Н.Д. Язык и мир человека [текст]. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 896 с.
8. Бабина, Л.В. Вторичная репрезентация концептов в языке: дисс. ... д-ра филол. наук [текст]. – Тамбов, 2003. – 341 с.
9. Баранов, А.Н. Введение в прикладную лингвистику: Учебное пособие [текст]. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – 360 с.
10. Баранов, А.Н., Добровольский, Д.О. Постулаты когнитивной семантики [текст] // Известия РАН. Серия литературы и языка, 1997. Т. 56. № 1. – С. 11-21.
11. Бахтин, М.М. Проблемы поэтики Достоевского [текст]. – Изд. 4-е. – М.: Советская Россия, 1979. – 320 с.

12. Белоусов, К.И. Модельная лингвистика и проблемы моделирования языковой реальности [текст] // Вестник Оренбургского государственного университета, 2010. № 11(117). – С. 94-97.
13. Берлин, И. Философия свободы. Европа [текст] / Предисловие А. Эткинда. – М.: Новое литературное обозрение, 2001. – 448 с.
14. Богачев, А.А. Графики, которые убеждают всех [текст] / А.А. Богачев. – М.: Издательство АСТ, 2020. – 240 с.
15. Богданова, С.Ю. Исследование слова и предложения компьютерными методами [текст] // Слово в предложении: колл. монография / отв. ред. Л.М. Ковалева, ред. С.Ю. Богданова, Т.И. Семенова. – Иркутск: ИГЛУ, 2010. – С. 194-213.
16. Болдырев, Н.Н. Концептуальное пространство когнитивной лингвистики [текст] // Вопросы когнитивной лингвистики, 2004. №1. – С. 18-37.
17. Болдырев, Н.Н. Роль интерпретирующей функции в формировании языковых категорий [текст] // Вестник ТГУ. Серия Гуманитарные науки, 2011. Вып. 1(93). – С. 9-16.
18. 2019а – Болдырев, Н.Н. Доминантный принцип организации языкового сознания [текст] // Когнитивные исследования языка, 2019. № 37. – С. 37-44.
19. 2019б – Болдырев, Н.Н. Язык и система знаний. Когнитивная теория языка [текст]. – 2-е изд. – М.: Издательский Дом ЯСК, 2019. – 480 с.
20. Болдырев, Н.Н., Дубровская, О.Г. О формировании социокультурной специфики дискурса [текст] // Вопросы когнитивной лингвистики, 2015. № 3(44). – С. 14-25.
21. Болдырев, Н.Н., Серова, И.Г. К лингвистическому обоснованию понятия гендерной интерпретанты [текст] // Филологические науки, 2007. № 5. – С. 41-49.
22. Вежбицкая, А. Язык. Культура. Познание [текст] / Пер. с англ. Отв. ред. М.А. Кронгауз. – М.: «Русские словари», 1996. – 416 с.

23. Вежбицкая, А. Семантические универсалии и базисные концепты [текст]. – М.: Языки славянских культур, 2011. – 568 с.
24. Витгенштейн, Л. Философские исследования [текст] / Л. Витгенштейн; пер. с нем. Л. Добросельского. – М.: АСТ: Астрель, 2010. – 347 с. – (Серия «Philosophy»).
25. Воронина, О.А. Гендерная экспертиза законодательства Российской Федерации о средствах массовой информации [электронный ресурс]. [1998]. Режим доступа: [http://www.a-z.ru/women/texts/\\$gend.htm](http://www.a-z.ru/women/texts/$gend.htm) (дата обращения: 3.12.2020).
26. Воронина, О.А. Свобода слова и стереотипный образ женщины в СМИ // Знамя, 1999. № 2. – С. 47-60.
27. Воронина, О.А. Феминизм и гендерное равенство [текст] / О.А. Воронина; Рос. акад. наук, Ин-т философии. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 320 с.
28. Гадамер, Г.-Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики: пер. с нем. [текст] / Г.-Г. Гадамер; общ. ред. и вступ. ст. Б.Н. Бессонова. – М.: Прогресс, 1988. – 699 с.
29. Гадамер, Г.-Г. Язык и понимание [текст] // Гадамер Г.-Г. Актуальность прекрасного: Пер. с нем. – М., Искусство, 1991. – С. 43-60.
30. Гаранович, М.В. О социолингвистическом подходе при изучении функционирования гендерных стереотипов в языковом сознании носителей языка [текст] // Вестник государственного университета им. А.С. Пушкина, 2010. № 3. Т. 1. – С. 122-128.
31. Гаранович, М.В. Вариативность гендерных стереотипов в зависимости от социальных параметров говорящих: дисс. ... канд. филол. наук [текст]. – Пермь, 2011. – 272 с.
32. Гендерные аспекты языка, сознания и коммуникации: коллективная монография [текст] / А.А. Анков, И.Т. Вепрева, М.В. Гаранович, Е.С. Гриценко, Н.В. Данилевская, У. Долешаль, Т.И. Ерофеева, А.В. Кирилина, А.А. Норцева, И.А. Обухова, Е.Г. Пермякова,

А.В. Рудакова, И.А. Стернин, Сюй Шаньшань, Л.Л. Федорова, А.С. Черноусова, О.Ю. Черных / Научные редакторы д-р филол. наук, профессор А.В. Кирилина; канд. филол. наук, доцент М.В. Гаранович; Пермский государственный национальный исследовательский университет. – М.: Издательский Дом ЯСК, 2022. – 400 с.

33. Горошко, Е.И. Гендерная проблематика в языкознании [электронный ресурс]. [2001]. Режим доступа: <http://www.owl.ru/win/books/articles/goroshko.htm> (дата обращения: 15.10.2020).

34. Горошко, Е.И. Квир-лингвистика: нужна ли она отечественной лингвистической гендерологии? [электронный ресурс]. [2001]. Режим доступа: <https://www.textology.ru/Goroshko/kvir.htm> (дата обращения: 10.02.2023).

35. Гриценко, Е.С. Язык как средство конструирования гендера: дисс. ... д-ра филол. наук [текст]. – Тамбов, 2005. – 405 с.

36. Гриценко, Е.С. Метафора и гендер в процессах категоризации и концептуализации [текст] // Вопросы когнитивной лингвистики, 2011. № 2. – С. 13-17.

37. Гриценко, Е.С. О современных тенденциях в лингвистическом изучении гендера, его концептуализации и репрезентации (на материале английского языка) [текст] // Вопросы психолингвистики, 2021. № 3(49). – С. 60-73.

38. Гриценко, Е.С., Сергеева, М.В., Лалетина, А.О., Бодрова, А.А., Дуняшева, Л.Г. Гендер в британской и американской лингвокультурах: Монография [текст] / под общ. ред. Е.С. Гриценко. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2011. – 224 с.

39. Грудева, Е.В. Корпусная лингвистика: Учебное пособие [текст]. – 3-е изд., стереотип. – М.: Флинта, 2012. – 165 с.

40. Гулик, О.О. Национально-обусловленные модели гендерной метафоризации зоонимов в русском языковом сознании и их языковая

объективация в современной русской речи: дисс. ... канд. филол. наук [текст]. – Нижний Новгород, 2019. – 231 с.

41. Гуссерль, Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология: Введ. в феноменол. философию [текст] / Э. Гуссерль; пер. с нем. Д.В. Складнева. – СПб.: Фонд Университет: Владимир Даль, 2004. – 398 с.

42. 1994а – Демьянков, В.З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода [текст] // Вопросы языкознания, 1994. № 4. – С. 17-33.

43. 1994б – Демьянков, В.З. Теория прототипов в семантике и прагматике языка [текст] // Структуры представления знаний в языке. Сборник научно-исследовательских обзоров. Сер. «Теория и история языкознания». – М.: Институт научной информации по общественным наукам РАН (Москва), 1994. – С. 32-86.

44. Демьянков, В.З. Доминирующие лингвистические теории в конце XX века [текст] // Степанов Ю.С., Фрумкина Р.М., Руденко Д.И., Прокопенко В.В., Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Серию П., Постовалова В.И. Язык и наука конца 20 века. – М., 1995. – С. 239-320.

45. Дильтей, В. Собрание сочинений. В 6-ти т. Т. 1. Введение в науки о духе. Опыт полагания основ для изучения общества и истории [текст] / В. Дильтей. – М.: Дом интеллектуальной книги, 2000. – 762 с.

46. Дубровская, О.Г. Субъектный принцип формирования социокультурной специфики дискурса: дис. ... д-ра филол. наук [текст]. – Тамбов, 2015. – 407 с.

47. Ерофеева, Е.В., Чэнь Яо. Этно-гендерные стереотипы русских и китайцев [текст] // Вопросы когнитивной лингвистики, 2022. № 3. – С. 85-95.

48. Ерофеева, Т.И. Языковая единица в гендерном рассмотрении [текст] // Вестник Челябинского гос. университета. Филология. Искусствоведение, 2008. Вып. 19. № 9 (110). – С. 35-39.

49. Ерофеева, Т.И. Социолект: стратификационное исследование: монография [текст]. – Пермь: Изд-во Перм. гос. ун-та, 2009. – 240 с.
50. Захаров, В.П., Богданова, С.Ю. Корпусная лингвистика: учебник [текст]. 3-е изд., перераб. – СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2020. – 234 с.
51. Звегинцев, В.А. Зарубежная лингвистическая семантика последних десятилетий [текст] // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 10. – М.: Прогресс, 1981. – С. 5-32.
52. Здравомыслова, Е.А., Темкина, А.А. Социальная конструкция гендера и гендерная система в России // Материалы Первой Российской летней школы по женским и гендерным исследованиям «ВАЛДАЙ-96» / МЦГИ. – М., 1997. – С. 84-89.
53. Здравомыслова, Е.А., Темкина, А.А. Социальное конструирование гендера как методология феминистского исследования [электронный ресурс]. [2002]. Режим доступа: http://www.owl.ru/win/books/articles/tz_gender.htm (дата обращения: 11.10.2020).
54. Здравомыслова, Е.А., Темкина, А.А. Патриархат и «женская власть» [текст] // Российский гендерный порядок: социологический подход. – Санкт-Петербург, 2007. – С. 68-85.
55. Земская, Е.А. Особенности мужской и женской речи [текст] / Е.А. Земская, М.А. Китайгородская, Н.Н. Розанова // Русский язык в его функционировании. Под ред. Е.А. Земской и Д.Н. Шмелева. – М., 1993. – 324 с.
56. Карасик, В.И. Языковой круг: личность, концепт, дискурс [текст]. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.
57. Карасик, В.И. Языковая кристаллизация смысла [текст]. – М.: Гнозис, 2010. – 351 с.
58. Карасик, В.И. Языковая матрица культуры [текст]. – М.: Гнозис, 2013. – 320 с.

59. Караулов, Ю.Н. Русский язык и языковая личность [текст] / Ю.Н. Караулов; отв. ред. Д.Н. Шмелев; АН СССР, Отд-ние лит. и яз. – М.: Наука, 1987. – 261 с.
60. Касевич, В.Б. О когнитивной лингвистике [текст] // Общее языкознание и теория грамматики. Материалы чтений, посвященных 90-летию со дня рождения С.Д. Кацнельсона. – СПб.: Наука, 1998. – С. 14-21.
61. Касевич, В.Б. Когнитивная лингвистика: В поисках идентичности [текст]. – М.: Языки славянской культуры, 2013. – 192 с.
62. Кибрик, А.Е. Когнитивный подход к языку [текст] // Язык и мысль: современная когнитивная лингвистика / сост. А.А. Кибрик, А.Д. Кошелев; ред. А.А. Кибрик, А.Д. Кошелев, А.В. Кравченко, Ю.В. Мазурова, О.В. Федорова. – М.: Языки славянской культуры, 2015. – С. 29-59.
63. Кирилина, А.В. Гендер: лингвистические аспекты: монография [текст]. – М., 1999. – 155 с.
64. Кирилина, А.В. Гендерные исследования в лингвистических дисциплинах [текст] / Гендер и язык. МГЛУ. Лаборатория гендерных исследований. – М.: Языки славянской культуры, 2005. – С. 7-30.
65. Кирилина, А.В., Гриценко, Е.С., Лалетина, А.О. Глобализация в аспекте лингвистики [текст] // Вопросы психолингвистики, 2012. № 1(15). – С. 18-37.
66. Кирилина, А.В. Обозначения гендерно значимой лексики в свете противопоставления глобального и отечественного (по материалам Национального корпуса русского языка) [текст] // Вопросы психолингвистики, 2019. № 2(40). – С.12-27.
67. Кирилина, А.В. Гендер и гендерная лингвистика на рубеже третьего тысячелетия [текст] // Вопросы психолингвистики, 2021. № 3(49). – С. 109-147.
68. Кирилина, А.В., Гаранович, М.В. Гендер и гендерная лингвистика на рубеже третьего тысячелетия [текст] // Гендерные аспекты

языка, сознания и коммуникации: коллективная монография / А.А. Анков, И.Т. Вепрева, М.В. Гаранович, Е.С. Гриценко, Н.В. Данилевская, У. Долешаль, Т.И. Ерофеева, А.В. Кирилина, А.А. Норцева, И.А. Обухова, Е.Г. Пермякова, А.В. Рудакова, И.А. Стернин, Сюй Шаньшань, Л.Л. Федорова, А.С. Черноусова, О.Ю. Черных / Научные редакторы д-р филол. наук, профессор А.В. Кирилина; канд. филол. наук, доцент М.В. Гаранович; Пермский государственный национальный исследовательский университет. – М.: Издательский Дом ЯСК, 2022. – С. 7-59.

69. Кирилина, А.В., Терентий, Л.М. Концептуализация понятий мужчина, женщина, мужественность, женственность по данным лексикографических трудов и национального корпуса русского языка [текст] // Вопросы психолингвистики, 2015. № 26. – С. 82-98.

70. Кирилина, А.В., Томская, М.В. Лингвистические гендерные исследования [текст] // Отечественные записки. М., 2005. № 2(23). – С. 112-132.

71. Комарова, З.И. Методология, метод, методика и технологии научных исследований в лингвистике: учебное пособие [текст]. – Екатеринбург: Изд-во УрФУ, 2012. – 818 с.

72. Копотев, М.В. Введение в корпусную лингвистику [текст]. – Прага: Animedia Company, 2014. – 230 с.

73. Котлова, Т.Б., Рябова, Т.Б. Библиографический обзор исследований по проблемам гендерных стереотипов [текст] // Женщина в российском обществе, 2001. № 3-4. – С. 25-38.

74. Красных, В.В. От концепта к тексту и обратно [текст] // Вестник МГУ. Серия 9. Филология, 1998. № 1. – С. 53-70.

75. Красных, В.В. Этнопсихолингвистика и лингвокультурология: Курс лекций [текст]. – М.: Гнозис, 2002. – 284 с.

76. Кронгауз, М.А. Sexus, или проблема пола в русском языке [текст] // Русистика. Славистика. Индоевропеистика. Сборник к 60-летию А.А.

Зализняка / ред. коллегия: А.А. Гиппиус, Т.М. Николаева (отв. ред.), В.Н. Торопов. – М.: Издательство «Индрик», 1996. – С. 510-525. – (Институт славяноведения и балканистики РАН).

77. Кубрякова, Е.С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа) // Язык и наука конца XX века. – М.: Изд-во РГГУ, 1995. – С. 144-238.

78. Кубрякова, Е.С. Размышления о судьбах когнитивной лингвистики на рубеже веков [текст] // Вопросы филологии, 2001. № 1(7). – С. 28-35.

79. Кубрякова, Е.С. Об установках когнитивной науки и актуальных проблемах когнитивной лингвистики // Известия РАН. Серия литературы и языка, 2004. Т. 63. № 3. – С. 3-12.

80. Кубрякова, Е.С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира [текст] / Рос. академия наук. Ин-т языкознания. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 560 с.

81. Кубрякова, Е.С., Демьянков, В.З. К проблеме ментальных репрезентаций [текст] // Вопросы когнитивной лингвистики, 2007. № 4. – С. 8-16.

82. Кушнерук, С.Л. Когнитивно-дискурсивное миромоделирование: опыт сопоставительного исследования рекламной коммуникации: монография [текст] / С.Л. Кушнерук. – М.: ФЛИНТА, 2019. – 368 с.

83. Лакофф, Дж. Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении. Книга 1: Разум вне машины [текст] / пер. с англ. И.Б. Шатуновского. – М.: Гнозис, 2011. – 512 с.

84. Лакофф, Дж., Джонсон, М. Метафоры, которыми мы живем: Пер. с англ. [текст] / Под ред. и с предисл. А.Н. Баранова. – Изд. 3-е. – М.: Издательство ЛКИ, 2017. – 256 с.

85. Лалетина, А.О. Метафора в концептуализации мужественности (на материале англоязычных журналов об образе жизни) [текст] // Вестник

Санкт-Петербургского университета. Серия 9. Филология. Востоковедение. Журналистика, 2007. № 2-2. – С. 224-230.

86. Лосев, А.Ф. Введение в общую теорию языковых моделей [текст] / Под ред. И.А. Василенко. – Изд. 2-е, стереотипное. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 296 с.

87. Лотман, Ю.М. Внутри мыслящих миров [текст]. – СПб.: Азбука, 2016. – 448 с.

88. Макеева, Л.Б. Семантические идеи Х. Патнэма [текст] // История философии, 1997. № 1. – С. 121-135.

89. Маслова, В.А. Введение в когнитивную лингвистику: учеб. пособие [текст] / В.А. Маслова. – 9-е изд., стер. – М.: ФЛИНТА, 2018. – 296 с.

90. Медведева, Т.Н. Формальные модели в лингвистике: Учебное пособие [текст] / Т.Н. Медведева. – Саратов: Научная книга, 2010. – 56 с.

91. Меркулов, И.П. Эпистемология (когнитивно-эволюционный подход). Т. 1 [текст] / И.П. Меркулов; Рос. акад. наук. Ин-т философии. – СПб.: Издательство Русского Христианского Гуманитарного Института, 2003. – 471 с.

92. Методы социальной психологии [текст] / Н. С. Минаева [и др.]; под общ. ред. Н.С. Минаевой. – М.: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2007. – 349 с.

93. Микешина, Л.А. Методология гуманитарных наук [текст] // Энциклопедия эпистемологии и философии науки. – М.: Канон+ РООИ Реабилитация, 2009. – С. 497-499.

94. Мясникова, И.А. Когнитивные аспекты конструирования гендера [текст] // Вопросы когнитивной лингвистики, 2012. № 3. – С. 52-57.

95. Николаева, Н.Н. Феминистская критика метагендерного «Не»: куда ведут лингвистические «реформы»? [текст] // Вопросы когнитивной лингвистики, 2007. № 3. – С. 76-87.

96. 1999а – Остин, Дж.Л. Как совершать действия при помощи слов? [текст] // Избранное / пер. с англ. Л.Б. Макеевой. – М.: Идея-пресс, Дом интеллектуальной книги, 1999. – С. 13-138.
97. 1999б – Остин, Дж.Л. Смысл и сенсibiliи [текст] // Избранное / пер. с англ. Л.Б. Макеевой. – М.: Идея-пресс, Дом интеллектуальной книги, 1999. – С. 143-246.
98. Павиленис, Р.И. Проблема смысла: Современный логико-философский анализ языка [текст]. – М.: Мысль, 1983. – 286 с.
99. Павловская, Н.Ю. Моделирование языковых категорий в свете когнитивно ориентированной парадигмы научного знания [текст] // Модели в современной науке: единство и многообразие: сб. науч.тр. / под ред. С.С. Ваулиной, В.И. Грешных. – Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2010 – 472 с. С. 73-80.
100. Патнэм, Х. Значение и референция [текст] // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Радуга, 1982. Вып. 13. – С. 374-392.
101. Патнэм, Х. Значение «значения» [текст] // Патнэм Х. Философия сознания; пер. с англ. Макеевой Л.Б., Назаровой О.А. – М.: Дом интеллектуальной книги, 1999. – С. 164-235.
102. Попова, З.Д., Стернин, И.А. Очерки по когнитивной лингвистике [текст]. – Воронеж: Истоки, 2001. – 191 с.
103. Постовалова, В.И. Картина мира в жизнедеятельности человека [текст] // Роль человеческого фактора в языке: язык и картина мира. – М.: Наука, 1988. – С. 8-69.
104. Радбиль, Т.Б. Когнитивистика: Учебное пособие [текст]. – Нижний Новгород: Нижегородский госуниверситет, 2018. – 375 с.
105. Рахилина, Е.В. Основные идеи когнитивной семантики [текст] // Современная американская лингвистика: фундаментальные направления. – М.: ЛИБРОКОМ, 2010. – С. 370-389.

106. 2013а – Романова, Т.В. Динамика концептуализации и категоризации пространства в русском языке (по данным словарей и НКРЯ) [текст] // *Respectus Philologicus*, 2013. № 23(28). – С. 109-117.
107. 2013б – Романова, Т.В. Перекатегоризация и субкатегоризация в номинации специальностей [текст] // *Вестник Челябинского университета. Серия Филология. Искусствоведение*, 2013. № 84. – С. 123-126.
108. Романова, Т.В. Моделирование как метод верификации в когнитивной лингвистике [текст] // *Когнитивные исследования языка. Вып. XVI: Языковое сознание и когнитивное моделирование.* – Томск: Издательство ТГУ им. Г.Р. Державина, 2014. – С. 322-327.
109. Романова, Т.В. Терминосистема лингвистики как формат знания (по данным лингвокогнитивного эксперимента) [текст] // *Вопросы когнитивной лингвистики*, 2015. № 2. – С. 25-34.
110. Рябова, Т.Б. Гендерные стереотипы и гендерная стереотипизация: методологические подходы [текст] // *Женщина в российском обществе*, 2001. № 3. – С. 3-12.
111. Рябова, Т.Б. Гендерные стереотипы в политической сфере современного российского общества: социологический анализ: автореф. дисс. ... докт. соц. наук [текст]. – Нижний Новгород, 2009. – 43 с.
112. Сепир, Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии [текст] / Э. Сепир; Пер. с англ. под ред. и с предисл. А.Е. Кибрика. – М.: Прогресс: Изд. группа «Универс», 1993. – 654 с.
113. Сергеева, М.В. Динамика гендерных репрезентаций в британской толковой лексикографии: дисс. ... канд. филол. наук [текст]. – Нижний Новгород, 2007. – 182 с.
114. Серебренников, Б.А. Как происходит отражение картины мира в языке? [текст] // *Роль человеческого фактора в языке: язык и картина мира* / Б.А. Серебренников; отв. ред. В.М. Солнцев; АН СССР, Ин-т языкознания. – М.: Наука, 1988. – С. 87-107.

115. Серль, Дж.Р. Природа интенциональных состояний [текст] // *Философия, логика, язык.* – М., 1987. – С. 96-126.
116. Серль, Дж.Р. Что такое речевой акт? [текст] // *Философия языка* / ред. сост. Дж. Р. Серл; пер. с англ. – Изд. 2-е. – М.: Едиториал УРСС, 2010. – С. 56-75.
117. 2006а – Серова, И.Г. Гендер как фактор когниции и коммуникации [текст] // *Вопросы когнитивной лингвистики*, 2006. № 2. – С. 65-74.
118. 2006б – Серова, И.Г. Гендер. Язык. Ментальность: монография [текст] / И.Г. Серова; Федеральное агентство по образованию, ТГУ им. Г.Р. Державина. Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2006. – 217 с.
119. Серова, И.Г. Когнитивные механизмы формирования гендерных смыслов [текст] // *Вопросы когнитивной лингвистики*, 2007. № 4(13). – С. 92-97.
120. Серова, И.Г. Социокультурный конструкт «гендер» в интерпретативном пространстве языка и дискурса: дисс. ... д-ра филол. наук [текст]. – Санкт-Петербург, 2017. – 375 с.
121. Скребцова, Т.Г. Американская школа когнитивной лингвистики [текст]. – СПб.: Анатолия, 2000. – 202 с.
122. Скребцова, Т.Г. Когнитивная лингвистика: классические теории, новые подходы [текст]. – М.: Издательский Дом ЯСК, 2018. – 392 с.
123. Солсо, Р.Л. Когнитивная психология [текст] / Р.Л. Солсо. – М.: Тривола, 1996. – 598 с.
124. Соссюр, Ф. де. Курс общей лингвистики [текст] // *Труды по языкознанию.* – М.: Прогресс, 1977. – С. 31-273.
125. Степанов, Ю.С. В трехмерном пространстве языка: семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства [текст]. – М.: Наука, 1985. – 335 с.
126. Степанов, Ю.С. Методы и принципы современной лингвистики [текст]. – Изд. 6-е. – М.: ЛКИ, 2007. – 312 с.

127. Талми, Л. Отношение грамматики к познанию [текст] // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология, 1999. № 1, 4, 6.
128. Таннен, Д. Ты меня не понимаешь! Почему мужчины и женщины не понимают друг друга [текст] / пер. с англ. – М.: Вече, Персей, АСТ, 1996. – 432 с.
129. Трощенко, Е.В. Методология экспериментального исследования социокультурных ментальных репрезентаций [текст] // Когнитивные исследования языка. – Вып. XII. Теоретические аспекты языковой репрезентации. – М.: Институт языкознания РАН; Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2012. – С. 430-440.
130. Трощенко, Е.В. Вариативность в распределенных социокультурных репрезентациях комплексных ценностей в американской культуре и ее роль в аргументативных стратегиях (Гл. XIII) [текст] // Язык как культурный код нации. – СПб.: С.-Петербургский государственный университет, 2014. – С. 228-250.
131. Трощенко, Е.В. Мальчикам нельзя плакать: Стереотипные ролевые ожидания в запретах, выполняющих функцию социального регулятива [текст] // Вопросы когнитивной лингвистики, 2018. № 3. – С. 50-61.
132. Трощенко, Е.В., Лунева, А.А. Прохибитивные конструкции как средство трансляции и трансформации гендерных стереотипов [текст] // Вопросы когнитивной лингвистики, 2019. № 3. – С. 63-71.
133. Уорф, Б. Отношение норм поведения и мышления к языку [текст] // Новое в лингвистике. – М., 1960. – С. 135-168.
134. Уэст, К., Зиммерман, Д. Создание гендера [текст] // Хрестоматия феминистских текстов. Переводы / под ред. Е. Здравомысловой, А. Темкиной. – СПб.: Издательство «Дмитрий Буланин», 2000. – С. 193-219.
135. Филлмор, Ч. Основные проблемы лексической семантики [текст] // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XII. Прикладная лингвистика. – М.: Радуга, 1983. – С. 74-122.

136. Филлмор, Ч. Фреймы и семантика понимания // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXIII. Когнитивные аспекты языка. – М.: Прогресс, 1988. – С. 52-92.
137. Фреге, Г. Смысл и денотат [текст] // Семиотика и информатика. – М., 1977. Вып. 8. – С. 181-210.
138. Фрумкина, Р.М. Концепт, категория, прототип [текст] // Лингвистическая и экстралингвистическая семантика. Сборник обзоров. – М.: ИНИОН РАН, 1992. – С. 33-41.
139. Хайдеггер, М. Время и бытие [текст] // Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления: Пер. с нем. – М.: Республика, 1993. – С. 391-406. – (Мыслители XX в.) 447 с.
140. Халеева, И.И. Гендер как интрига познания [текст] // Гендер как интрига познания: сборник статей / Сост. А.В. Кирилина. – М., 2000. – С. 9-18.
141. Хасбулатова, О.А., Смирнова, И.Н. Эволюция женского вопроса в российском обществе (1900–2020) [текст] // Женщина в российском обществе, 2002. № 1. – С. 3-21.
142. Хоменко, А.Ю. Лингвистическое моделирование как инструмент атрибуции текста: дисс. ... канд. филол. наук [текст]. – Москва, 2021. – 583 с.
143. Хомский, Н. Синтаксические структуры [текст] // Новое в лингвистике. – М., 1962. Вып. 2. – С. 412-527.
144. Хомский, Н. Аспекты теории синтаксиса [текст] / пер. В.А. Звегинцев. – М.: Издательство Московского университета, 1972. – 257 с.
145. Чернышова, Е.А. Гендер как основа категоризации объектов в английском языке [текст] // Вопросы когнитивной лингвистики, 2012. № 2. – С. 61-66.
146. Шведова, Н.А. Гендерный подход как фактор политической культуры [электронный ресурс]. [2001]. Режим доступа: <http://www.owl.ru/library/048t.htm> (дата обращения: 16.01.2021).

147. Шведова, Н.А. Женское лидерство в мире: «продвижение вперед» [текст] // *Женщина в российском обществе*, 2022. № 1. – С. 32-47.
148. Штофф, В.А. Моделирование и философия [текст] / В.А. Штофф. – М.; Л.: Наука, 1966. – 304 с.
149. Щипицина, Л.Ю. Информационные технологии в лингвистике: учеб. пос. [текст]. – 2-е изд., стереотип. – М.: Флинта; Наука, 2015. – 123 с.
150. Aalberg, T., Jehnsen, A.T. (2007). Gender Stereotyping of Political Candidates. An Experimental Study of Political Communication. *Nordicom Review*, 28(1), 17–32.
151. Anderson, E. (2004). Feminist Epistemology and Philosophy of Science. In E.N. Zalta (ed). *Stanford Encyclopedia of Philosophy*.
152. Anderson, N. (1996). *A Functional Theory of Cognition*. Mahwah, NJ: Univ. Press.
153. Ashmore, R.D., Del Boca, F.K. (1986). *The Social Psychology of Female-male Relations: A Critical Analysis of Central Concepts*. Orlando, F.L.: Academic Press.
154. Baker, P., McEnery, T., Hardie, A. (2006). *A Glossary of Corpus Linguistics*. Edinburgh: Edinburgh University Press.
155. Basow, S.A. (1992). *Gender Stereotypes and Roles*. Pacific Grove: Brooks/Cole Publishing Company.
156. Biber, D., Conrad, S., Reppen, R. (1998). *Investigating Language Structure and Use*. Cambridge: Cambridge University Press.
157. Blommaert, J. (2010). *The Sociolinguistics of Globalization*. Cambridge: Cambridge University Press.
158. Bruner, J. (1990). *Acts of Meaning*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press.
159. *Corpus Linguistics. An International Handbook* (2008). A. Lüdeling, M. Kytö (ed). Vol. 1, 2. Berlin; New York: Walter de Gruyter.

160. Deaux, K., Lewis, L.L. (1984). Structure of Gender Stereotypes: Interrelations among Components and Gender Label. [Electronic version]. *Journal of Personality and Social Psychology*, 45(5), 991–1004.
161. Fauconnier, G. (1985). *Mental Spaces: Aspects of Meaning Construction in Natural Languages*. 2nd ed. Cambridge, MA: M.I.T. Press.
162. Fauconnier, G. (1990). Domains and Connections. *Cognitive Linguistics*, 1 : 1, 151–174.
163. Fishman, P. (1978). Interaction: The Work Women Do. *Social Problems*, 24, 397–406.
164. Forisha, B.L. (1978). *Sex Roles and Personal Awareness*. Morristown; N.J.: General Learning Press, Scott, Foresman and Company.
165. Goodwin, M. (1982). He-said, she-said: Formal Cultural Procedures for the Construction of a Gossip Dispute Activity. *American Ethnologist*, 7(4), 674–695.
166. Habermas, J. (1984). *The Theory of Communicative Action*. T. McCarthy (ed.). Boston: Beacon Press. V. 1.
167. Jackendoff, R. (1995). *Semantics and Cognition*. Cambridge, MA: The MIT Press.
168. Jespersen, O. (1998). The Woman. In O. Jespersen (ed) *The Feminist Critique of Language: A Reader*, pp. 225–241. London, N. Y.: Routledge.
169. Knafllic, C.N. (2015). *Storytelling with Data: A Data Visualization Guide for Business Professionals*. Hoboken, New Jersey: John Wiley & Sons, Inc.
170. Kramarae, C. (1981). *Women and Men Speaking: Fundamentals for Analysis*. Rowley, Mass.: Newbury House.
171. Lakoff, G. (1987). *Women, Fire, and Dangerous Things: What Categories Reveal about the Mind*. Chicago: University of Chicago Press.
172. Lakoff, G., Turner, M. (1989). *More Than Cool Reason: A Field Guide to Poetic Metaphor*. Chicago: Chicago University Press.
173. Lakoff, R. (1975). *Language and Woman's Place*. New York a.o.: Harper and Row.

174. Langacker, R.W. (1988). A view of linguistic semantics. In B. Rudzka-Ostyn (ed) *Topics in Cognitive Linguistics*, pp. 49–90. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company.
175. Langacker, R.W. (1993). Reference-point Constructions. *Cognitive Linguistics*, 4 : 1, 1–38.
176. Maltz, D. (1982). A Cultural Approach to Male-Female Miscommunication. In D. Maltz, R. Borker (ed) *Language and Social Identity*, pp. 195–216. Cambridge: Cambridge University Press.
177. McEnery, T., Wilson, A. (2001). *Corpus Linguistics*. Edinburgh: Edinburgh University Press.
178. Meyer, Ch. F. (2002). *Corpus Linguistics: An Introduction*. Cambridge: Cambridge University Press.
179. Parsons, T., Bales, R. (1995). *Family, Socialization, and Interaction Process*. New York: Free Press.
180. Penelope (Stanley), J. (1977). Gender marking in American English: Usage and reference. In A.P. Nilsen, H. Bosmajian, H.L. Gershuny and Stanley Julia P. (ed) *Sexism and Language*, pp. 43–74. Urbana: National Council of Teachers of English.
181. Putnam, H. (1975). *Mind, Language, and Reality. Philosophical Papers*, vol. 2. Cambridge: Cambridge University Press.
182. Putnam, H. (1981). *Reason, Truth, and History*. Cambridge: Cambridge University Press.
183. Romaine, S. (2000). Language and Gender. In *Language in Society. An Introduction to Sociolinguistics*, pp. 102–134. 2nd edition. Oxford University Press.
184. Rosch, E. (1975). Cognitive Reference Points. *Cognitive Psychology*, 7, 532–547.
185. Rosch, E. (1978). Principles of Categorization. In E. Rosch, B.B. Lloyd (ed) *Cognition and Categorization*, pp. 27–48. Lawrence Erlbaum, Hillsdale.

186. Sinclair, J. (2004). *Trust the Text: Language, Corpus and Discourse*. London: Routledge.
187. Spender, D. (1980). *Man Made Language*. 2nd edition. London: Pandora.
188. Talmy, L. (1983). How Language Structures Space. In H.L. Pick, L.P. Acredolo (ed) *Spatial Orientation: Theory, Research, and Application*, pp. 225–282. New York; London: Plenum Press.
189. Talmy, L. (1986). Force Dynamics as a Generalization over “Causative”. In *Georgetown University Round Table on Languages and Linguistics 1985*. Washington, DC: Georgetown University Press.
190. Talmy, L. (1996). The windowing of attention. In M. Shibatani, S.A. Thompson (eds) *Grammatical Constructions: Their Form and Function*, pp. 235–287. Oxford: Oxford University Press.
191. Thagard, P. (1996). *Mind: Introduction to Cognitive Science*. Cambridge.
192. Theory & Society. Masculinities. Special Issue: Theory and Society. 1993. Pp. 597-623.
193. Turner, M. (1987). *Death in the Mother of Beauty: Mind, Metaphor, Criticism*. Chicago: University of Chicago Press.
194. Turner, M. (1991). *Reading Minds: The Study of English in the Age of Cognitive Science*. Princeton: Princeton University Pres.
195. Turner, M. (2000). Backstage Cognition in Reason and Choice. In A. Lupia, M. McCubbins, S. L. Popkin (ed) *Elements of Reason: Cognition, Choice and the Bounds of Rationality*, pp. 264–287. Cambridge, Cambridge University Press.
196. Turner, M., Fauconnier, G. (1995). Conceptual Integration and Formal Expression. *Journal of Metaphor and Symbolic Activity*, 10 : 3, 183–203.

Список словарей

197. Ефремова, Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный [электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.efremova.info/> (дата обращения: 11.02.2022).

198. Краткий словарь когнитивных терминов [текст] / Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, Ю.Г. Панкрац, Л.Г. Лузина; Под общ. ред. Е.С. Кубряковой. – М.: Филол. фак. МГУ, 1996. – 245 с.

199. Проектный словарь-справочник когнитивных терминов: Учебное пособие [текст] / под общей редакцией Т.В. Романовой. – Нижний Новгород: ДЕКОМ, 2022. – 216 с.

200. РАС – Русский ассоциативный словарь [электронный ресурс]. Режим доступа: <http://thesaurus.ru/dict/> (дата обращения: 05.03.2022).

201. Русский Викисловарь [электронный ресурс]. Режим доступа: <https://ru.wiktionary.org/wiki/> (дата обращения: 15.04.2022).

202. Словарь гендерных терминов [текст] // под ред. А.А. Денисовой / Региональная общественная организация «Восток-Запад: Женские Инновационные Проекты». – М.: Информация XXI век, 2002. – 256 с.

203. ССРЯ – Словарь синонимов русского языка [текст] / под общ. ред. Л.Г. Бабенко. – М.: Астрель, АСТ, 2011. – 688 с.

204. СТРП – Словарь-тезаурус русских прилагательных, распределенных по тематическим группам [текст] / под общ. ред. Л.Г. Бабенко. – М.: Проспект, 2015. – 232 с.

205. Тришин, В.Н. Словарь синонимов [электронный ресурс]. Режим доступа: <http://rus-yaz.niv.ru/doc/synonyms-trishin/index.htm> (дата обращения: 11.02.2022).

206. ФЭС – Философский энциклопедический словарь [текст] / гл. ред. Л.Ф. Ильичев. – М.: Советская энциклопедия, 1983. – 839 с.

Список ресурсов

207. AntConc [электронный ресурс]. Режим доступа: <https://laurenceanthony.net/software/antconc/> (дата обращения: 30.06.2022).

208. Gephi Tutorial Quick Start. (n.d.). In *Gephi – the Open Graph Viz Platform*. Retrieved 10 December 2021 from https://gephi.org/tutorials/gephi-tutorial-quick_start.pdf.

209. Gephi Tutorial Visualization. (n.d.). In *Gephi – the Open Graph Viz Platform*. Retrieved 10 December 2021 from <https://gephi.org/users/tutorial-visualization/>.

210. Гендерное неравенство [электронный ресурс]. Режим доступа: <https://tochno.st/materials/gendernoe-neravenstvo-new> (дата обращения: 13.03.2023).

211. Кенигер, Ш. Чем немецкий депутат озадачил парламент? [электронный ресурс] – Еженедельник «Аргументы и факты», 2017. № 48. Режим доступа: https://aif.ru/politics/opinion/chem_nemeckiy_deputat_ozadachil_parlament (дата обращения: 17.01.2020).

212. Национальный корпус русского языка [электронный ресурс]. Режим доступа: <https://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 15.06.2022).

213. Перечень производств, работ и должностей с вредными и (или) опасными условиями труда, на которых ограничивается применение труда женщин [электронный ресурс]. Режим доступа: <https://base.garant.ru/72604356/53f89421bbdaf741eb2d1ecc4ddb4c33/> (дата обращения: 20.05.2021).

ПРИЛОЖЕНИЕ

Анкета

1. Мужские качества.

Укажите, какие качества, на Ваш взгляд, **НАИБОЛЕЕ** типично характеризуют мужчин (3–10 качеств).

Укажите, какие качества, на Ваш взгляд, **НАИМЕНЕЕ** типично характеризуют мужчин (3–10 качеств).

Укажите, в каких сферах деятельности, на Ваш взгляд, мужчина **НАИБОЛЕЕ** успешно может реализовать себя (2–5 сфер).

Укажите, в каких сферах деятельности, на Ваш взгляд, мужчина **НАИМЕНЕЕ** успешно может реализовать себя (2–5 сфер).

2. Женские качества.

Укажите, какие качества, на Ваш взгляд, **НАИБОЛЕЕ** типично характеризуют женщин (3–10 качеств).

Укажите, какие качества, на Ваш взгляд, **НАИМЕНЕЕ** типично характеризуют женщин (3–10 качеств).

Укажите, в каких сферах деятельности, на Ваш взгляд, женщина **НАИБОЛЕЕ** успешно может реализовать себя (2–5 сфер).

Укажите, в каких сферах деятельности, на Ваш взгляд, женщина **НАИМЕНЕЕ** успешно может реализовать себя (2–5 сфер).

Укажите Ваш пол: мужской / женский

Укажите Ваш возраст:

18 – 29 лет

30 – 39 лет

40 – 49 лет

50 лет и старше

Укажите Ваше образование:

Среднее

Средне-специальное

Высшее (в том числе неоконченное высшее)

Укажите Вашу сферу деятельности (например, учащийся / конкретная сфера работы или профессия).

Количественное соотношение контекстов в НКРЯ

Ключевое слово / тип корпуса	<i>мужчин*</i>	<i>женщин*</i>	<i>мужск*</i>	<i>женск*</i>
основной корпус НКРЯ	500 контекстов	500 контекстов	500 контекстов	500 контекстов
газетный корпус НКРЯ	500 контекстов	500 контекстов	500 контекстов	500 контекстов

Характеристика контекстов (основной корпус и газетный корпус НКРЯ)

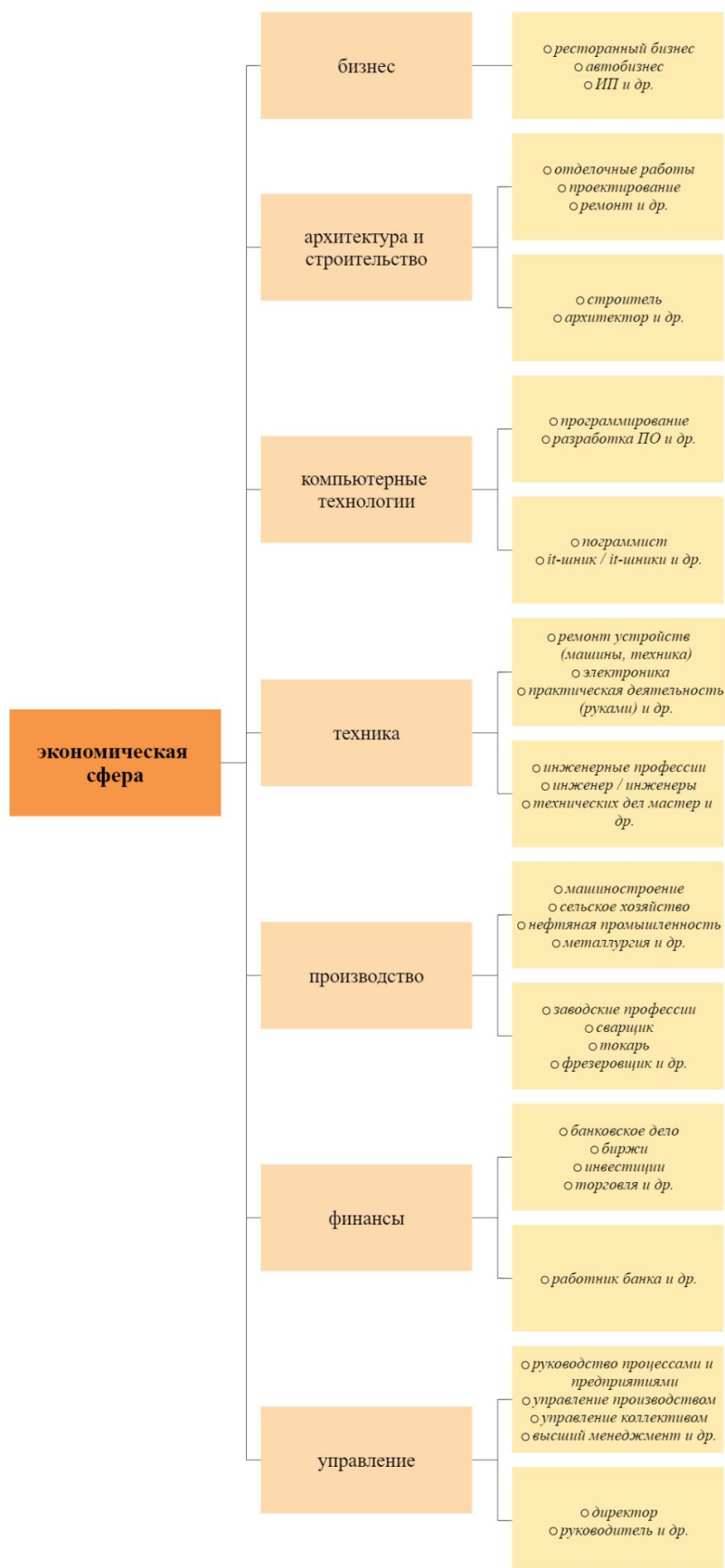
Запрос	Год публикации	Тип текста	Тематика
мужчин* (основной корпус НКРЯ)	2011-2015 – 5 контекстов 2014 – 36 2014-2015 – 2 2015 – 186 2016 – 106 2017 – 70 2018 – 63 2019 – 32	публицистика – 321 учебно-научный – 31 электронная коммуникация – 8 художественный – 140	администрация и управление (27), антропология (4), армия и вооруженные конфликты (13), астрология (4), бизнес, коммерция, экономика, финансы (5), досуг, зрелища и развлечения (6), естественные науки (1), здоровье и медицина (13), искусство и культура (39), история (19), криминал (3), культурология (6), легкая и пищевая промышленность (12), математика (3), наука и технологии (2), образование (9), политика и общественная жизнь (16), право (5), производство (2), психология (26), путешествия (13), религия (8), сельское хозяйство (2), социология (33), спорт (10), техника (11), филология (1), частная жизнь (59), экономика (7)
женщин* (основной корпус НКРЯ)	2015 – 99 2016 – 154 2017 – 50 2018 – 80	публицистика – 347 художественный – 110 учебно-научный – 37 электронная коммуникация – 6	администрация и управление (34), антропология (5), армия и вооруженные конфликты (8), бизнес, коммерция, экономика, финансы (1), биология (2),

			досуг, зрелища и развлечения (6), естественные науки (2), здоровье и медицина (13), искусство и культура (47), история (26), криминал (7), культурология (12), наука и технологии (3), образование (14), политика и общественная жизнь (27), политология (1), право (5), природа (1), производство (5), психология (23), путешествия (10), религия (13), сельское хозяйство (2), социология (28), спорт (5), техника (9), филология (1), философия (1), частная жизнь (68), экономика (10)
мужск* (основной корпус НКРЯ)	2011-2014 – 4 2011-2015 – 5 2013 – 144 2013-2015 – 1 2014 – 144 2015 – 113 2016 – 40 2017 – 12 2018 – 23 2019 – 14	публицистика – 295 реклама – 2 учебно-научный – 24 художественный – 163 электронная коммуникация – 16	администрация и управление (20), антропология (1), армия и вооруженные конфликты (8), астрономия (1), бизнес, коммерция, экономика, финансы (9), биология (14), дом и домашнее хозяйство (2), досуг, зрелища и развлечения (8), естественные науки (7), здоровье и медицина (2), искусство и культура (48), история (17), криминал (2), культурология (10), легкая и пищевая промышленность (23), наука и технологии (5), образование (16), политика и общественная жизнь (10), право (1), природа (5), психология (5), путешествия (11), религия (1), сельское хозяйство (3), социология (21), спорт (34), строительство и архитектура (2), техника (2), транспорт (1), филология (11), частная жизнь (34), экономика (2)
женск*	2011-2015 – 5	публицистика – 287	администрация и управление

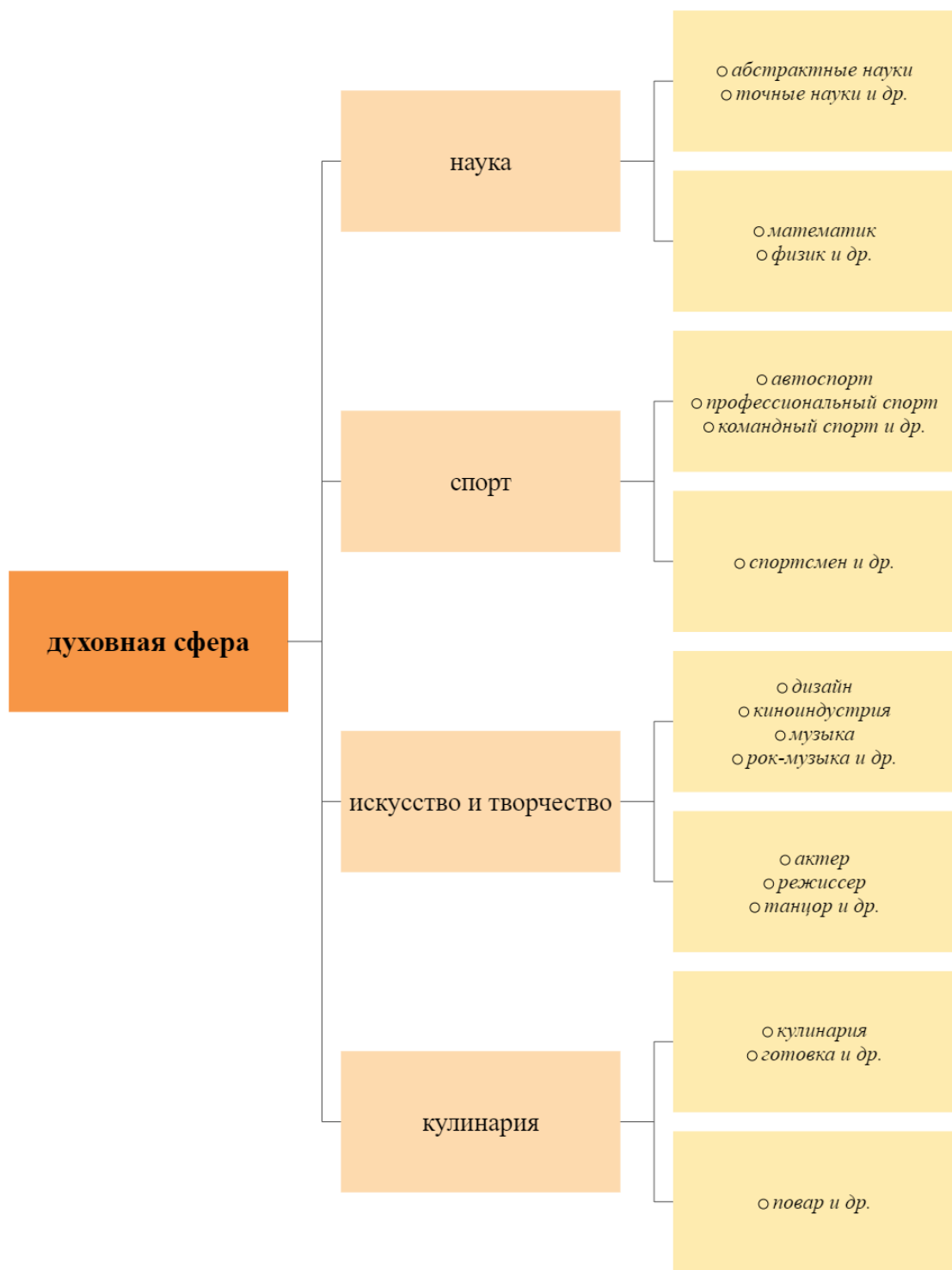
(основной корпус НКРЯ)	2014 – 168 2015 – 174 2016 – 85 2017 – 26 2018 – 31 2019 – 11	учебно-научный – 36 художественный – 165 электронная коммуникация – 12	(17), антропология (4), армия и вооруженные конфликты (6), бизнес, коммерция, экономика, финансы (9), биология (6), геология (2), дом и домашнее хозяйство (1), досуг, зрелища и развлечения (12), естественные науки (10), здоровье и медицина (1), искусство и культура (57), история (29), криминал (1), культурология (15), легкая и пищевая промышленность (12), наука и технологии (7), образование (5), политика и общественная жизнь (14), право (5), природа (1), производство (3), психология (7), путешествия (14), религия (6), сельское хозяйство (1), социология (15), спорт (22), строительство и архитектура (2), техника (5), транспорт (1), филология (6), частная жизнь (34), экономика (3)
мужчин* (газетный корпус НКРЯ)	06. 2021 – 52 07. 2021 – 69 08. 2021 – 59 09. 2021 – 72 10. 2021 – 141 11. 2021 – 51 12. 2021 – 56	Данные отсутствуют	Данные отсутствуют
женщин* (газетный корпус НКРЯ)	10. 2021 – 295 11. 2021 – 78 12. 2021 – 127	Данные отсутствуют	Данные отсутствуют
мужск* (газетный корпус НКРЯ)	08. 2020 – 61 09. 2020 – 90 10. 2020 – 94 11. 2020 – 80 12. 2020 – 69 01. 2021 – 13 02. 2021 – 8 03. 2021 – 16	Данные отсутствуют	Данные отсутствуют

	04. 2021 – 6 05. 2021 – 2 06. 2021 – 5 07. 2021 – 11 08. 2021 – 10 09. 2021 – 11 10. 2021 – 9 11. 2021 – 3 12. 2021 – 12		
женск* (газетный корпус НКРЯ)	02. 2021 – 3 03. 2021 – 53 04. 2021 – 16 05. 2021 – 24 06. 2021 – 34 07. 2021 – 22 08. 2021 – 27 09. 2021 – 42 10. 2021 – 242 11. 2021 – 9 12. 2021 – 28	Данные отсутствуют	Данные отсутствуют

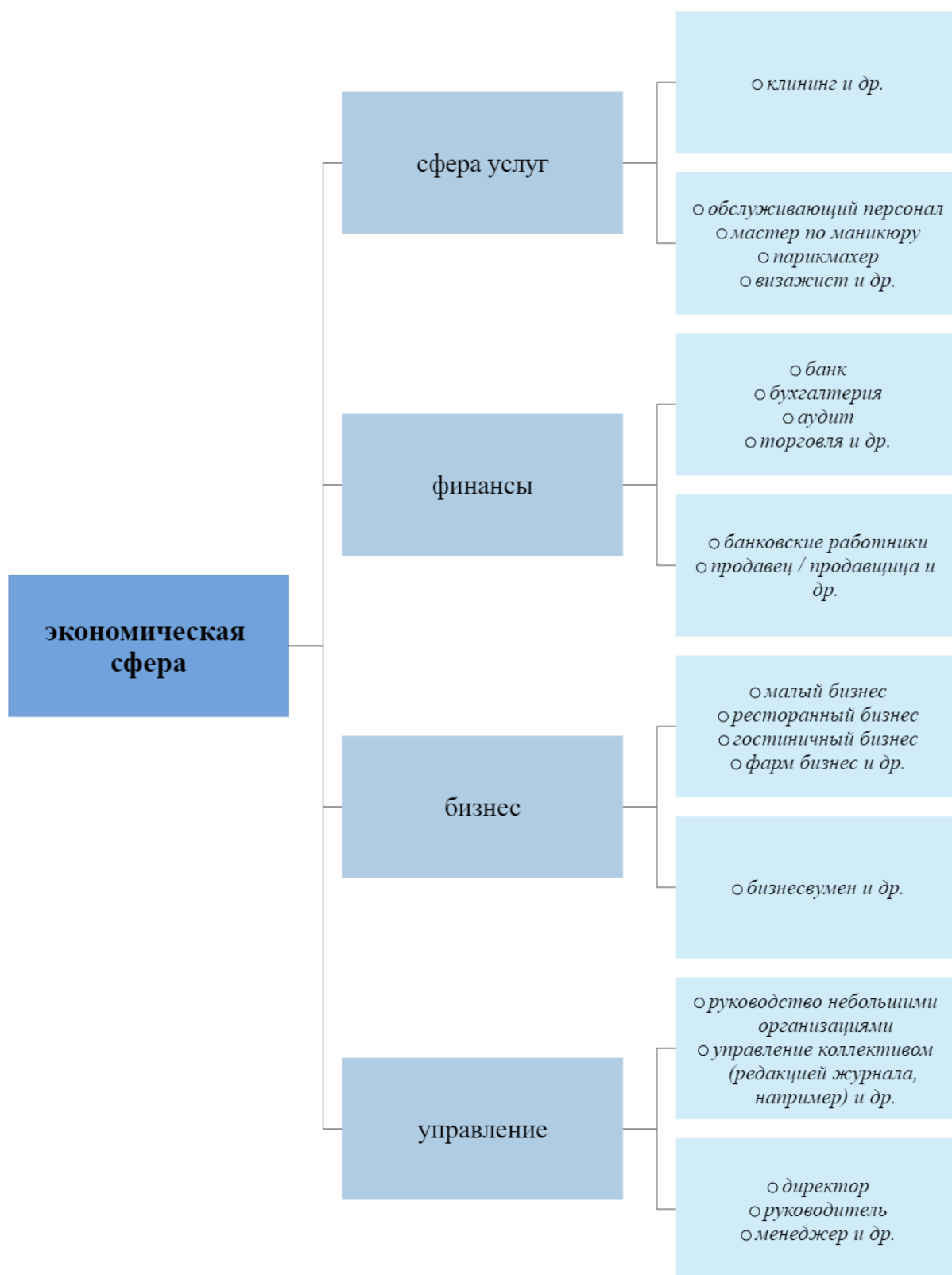
Таксономическая организация сфер деятельности мужчин (по данным анкетирования)

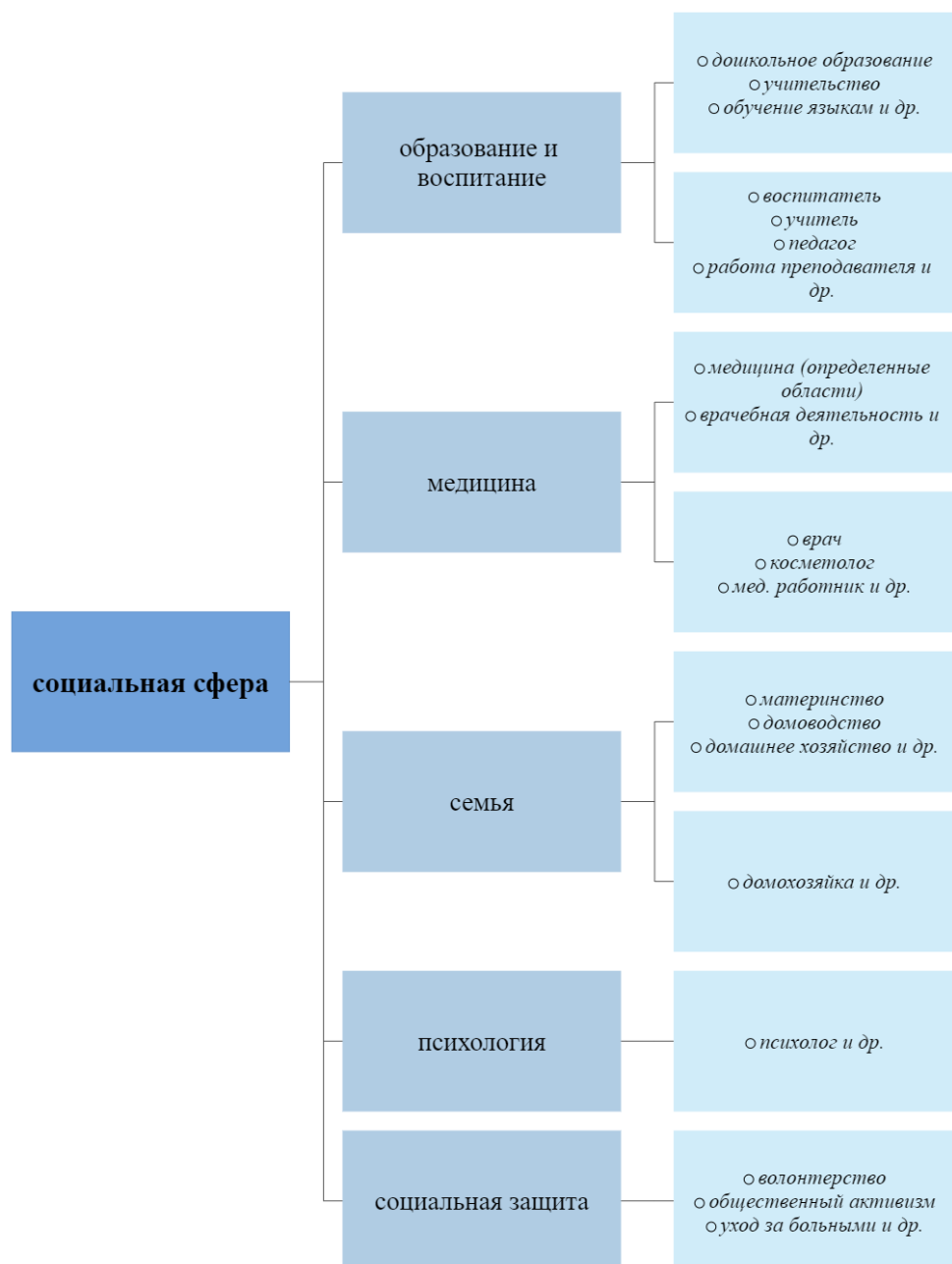
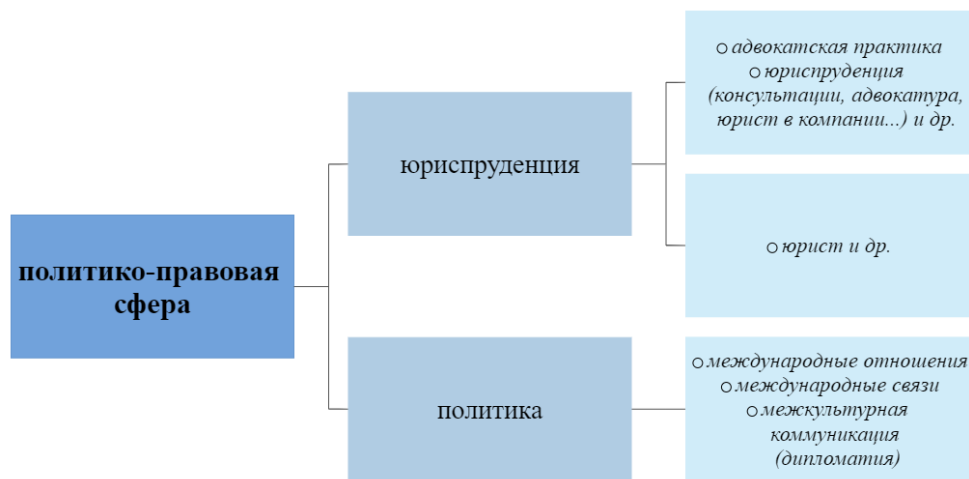

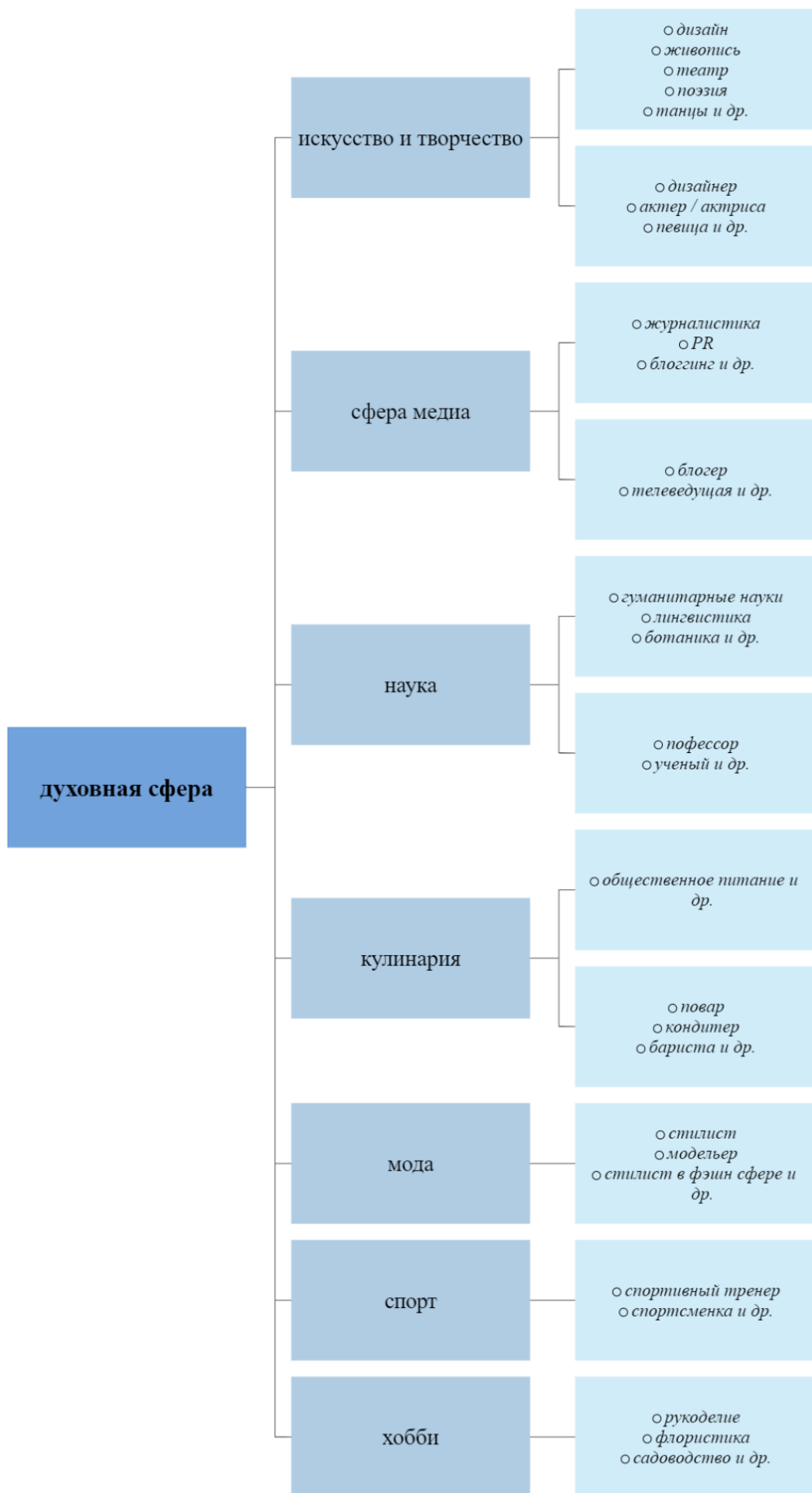

Таксономическая организация сфер деятельности женщин (по данным анкетирования)

**Тепловые карты сфер реализации мужчин и женщин
(по данным корпуса текстов)**

Экономическая сфера		
	М	Ж
архитектура и строительство	4	3
бизнес	12	65
компьютерные технологии	2	8
производство	26	37
сфера услуг	4	20
техника	4	9
управление	31	51
финансы	4	10
Итого	87	203

Политико-правовая сфера		
	М	Ж
военное дело	60	28
государственная служба	22	100
политика	11	27
правоохранительные органы	11	15
юриспруденция	3	2
Итого	107	172

Социальная сфера		
	М	Ж
медицина	12	34
образование и воспитание	15	38
психология	1	3
семья	87	219
социальная защита	1	8
транспорт	23	22
ИТОГО	139	324

Духовная сфера (личностная сфера реализации, увлечения, хобби)		
	М	Ж
искусство и творчество	53	69
кулинария	3	3
мода	3	6
наука	29	86
религия	14	22
спорт	131	109
сфера медиа	5	21
хобби	0	6
ИТОГО	238	322